

АГЕНТСТВО ПО БОРЬБЕ С НЕЧИСТОЙ СИЛОЙ

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Annotation

Двое друзей, в поисках призвания и хорошего заработка, открывают уникальное по своему назначению «Агентство по борьбе с нечистой силой», привлекая напуганных, но скептических клиентов.

Александр Павлов

Агентство по борьбе с нечистой силой

Заметив, как собирается толпа, у Семёна пересохло в горле. Столько людей не приходили ни на одно объявление. Люди жаждали объяснений и, что самое страшное — надежды. Ведь она может настроить людей против него. Всю деревню. Две сотни человек. Правда, на одного меньше, со вчерашнего дня. И ещё меньше на троих, что были живы месяц тому назад.

Семён, пряча руки в карманы от утреннего осеннего мороза, медленно поднимался на сцену, оставляя грязь с подошв на ступеньках.

Оказавшись на сцене, Семён заметил, как людей стало ещё больше.

«Куда ещё больше?» — подумал Семён, сжимая кулаки в карманах. Кризис. В деревне наступил кризис.

— Сколько людей должно умереть прежде, чем мы что-то сделаем? — крикнула женщина в платке из толпы.

Люди вокруг стали поддерживать её, создавая шум.

— Послушайте! — прорезал недовольство толпы Семён. Его голос, как верный солдат, не дрожал. — Я понимаю! Мы потеряли четверых человек. Это трагедия. Но нам нужно быть осторожными. Не идти сломя голову. Мои дозорные сообщили, что кто-то из вас, вчера, в полнолуние пытался пройти в лес. Сразиться с чудовищем. Без подготовки, без знаний, что его ждёт. С вилами и факелами! Вы так сильно жаждете смерти?

— Напротив, мы хотим жить! — выкрикнула всё та же женщина в платке, — и не надо меня покрывать. Не кто-то пытался пройти в лес, а я и моя бравая бригада. Мы хотим положить конец этим смертям. Четыре убийства за месяц! Где такое видано! Кто-то в этом лесу затаился! Жаждет нашей плоти и крови! — женщина проходила ближе к сцене, — Семён Анатолевич, каждый день промедления стоит чьей-то жизни! Если вы этого не видите и не можете показать остальным, мне ничего не остается как взять это дело в свои руки, — её ботинки застучали по ступенькам. Грязь, что оставил Семён, от сотрясения падала на землю.

И вот, она уже на сцене, рядом с Семёном, и кажется, перестала его замечать.

— Дорогие мои соседи! Мы не склоним покорно головы, в ожидание гильотины. Нет! Мы пойдём в лес и не вернемся, пока не будет пойман убийца! — её голос распугивал ворон, даже тех, что были далеко, на макушках деревьев.

Все закричали в её поддержку, а Семён стоял. Стоял и смотрел, то на неё, то на толпу. И надеялся, что тот убийца, разорвавший в клочья своих жертв, вырвав из них органы вместе с костями, не сможет противостоять такому большому количеству людей. Всё, что осталось у них, что объединяло Семёна и разъярённую толпу — это надежда.

#

Сколько прошло? День? Неделя? Месяц? Год? Десять лет?

Семён ходил по своей избе кругами. Выглядывал в окошко, надеясь увидеть поднимающееся солнце. Его всегда встречала луна. Когда они ушли? Женщина в платке и почти вся деревня.

Сколько ещё ему ждать?

Нет. Так дело не пойдёт. Надо идти в лес. Найти кого, может, им нужна помощь?

Семён встал у печки. Языки пламени пытались вырваться из клетки. Дрова трещали. Казалось, он видит в огне, души всех, кто ушёл сегодня ночью. Столько человек. И никто не вернулся.

Надо было сразу идти с ними. И дать им ружьё, что за печкой. И оставить себя беззащитным? Ну уже нет!

Распахнув дверь, с ружьём в руках, Семён испугался холода и плачущего ветра. Руки сжимались. Он боялся. Лидер, и боится. Глупости.

Впереди лес. Ночные ветви и серые тучи. Тишина. В деревне ни одного огонька, ни звука. Даже собаки не лают.

Вдруг, где-то совсем близко, застучала распахнувшаяся дверь. Семён не боялся, но дёрнулся. Бывает. От неожиданности все дёргаются.

Пора идти.

Огонёк его избы становился всё меньше и меньше. Зачем он столько оборачивался, если не боялся? Не хотел пропустить, как все возвращаются и зажигают лампы у себя? Нет... Он не верил, что они вернуться. Надеялся?

Ветки трещали под ногами. Спустившись с холма, он потерял из виду крохотный огонёк, горевший в его доме. Он совсем один. Не заблудиться бы.

Семён дышал ровно, пытался не перетруждаться. Знал, как это важно. Знал, что это такое — искать всю ночь. Знал, что такое надеяться.

Шли минуты, затем часы. И никаких следов. Сколько полянок он не встречал в этом смоленном от темноты лесу, все они пустые.

Бессмыслица какая-то, должны быть следы или огоньки ламп. Или крики... Хотя что-то. Хотя бы крики. Семён был согласен на крики. Лишь бы найти их.

Пустые поля и узкие проходы между деревьями привели его на трассу. К таблице со стрелкой вперёд и названием города. Он мог бы дойти до него, обратиться за помощью. Да, только кто ему поможет? Полиция? Они сюда ни ногой. Их никогда не волновало, что происходило в этой общине. Но не возвращаться же в пустую деревню? Так Семён и пошёл вдоль трассы, в город, что ждал его.

#

Он никогда не видел столько света. Из проезжающих металлических коробок, из длинных железных палок, вырастающих из-под земли. Как огонь мог светить так ярко?

Какая же длинная ночь! Сколько он сидел в избе, в ожидании, сколько времени шёл по лесу, сколько шёл в город. Бесконечная ночь, когда она уже закончится?

Улицы такие пустые, хоть бы услышать смех или разговор молодёжи. Только эти коробки и их звуки, что они издают, когда проезжают мимо.

Вжиш, вжиш, вжиш.

Его голова начинала болеть. Копыта. Он привык к копытам лошадей.

Сколько прошло? День? Неделя? Месяц? Год? Десять лет?

Рассматривая вывески домов, он искал хоть кого-нибудь, кто сможет помочь. Но только не полицию. Не хотел. Да и не видел он тех полицейских, что знакомы его глазу. Там, где

раньше стояло их здание, построили что-то другое, что-то чуждое ему. Радужное.

Так и шла его ночь. Вечного скитальца, не знающего, что он ищет и не видящего чего-то нужного.

До этого момента.

Ноги остановились. Под горящей лампочкой на вывеске название:

«Агентство по борьбе с нечистой силой».

Подходило ли это Семёну? Столкнулся ли он с нечистыми силами?

Убийца, что разрывает в клочья своих жертв, вырывает из них органы с костями. Пропавшие без вести люди. Пустой лес. Он лично всё осмотрел. Пустой лес.

Семён сделал несколько шагов назад, осмотреться. В пятиэтажном доме, на третьем этаже, и только на третьем, свет.

Семён сделал несколько шагов вперёд.

«Агентство по борьбе с нечистой силой. С девяти утра до шести вечера.
Третий этаж».

Повезло.

Медленно. Выверяя каждый шаг, Семён, цепляясь холодными, грязными руками за перила, поднимался на третий этаж. С ружьём за спиной.

Перед ним раскрылся длинный коридор. Только из-под одной двери выливался свет. Туда нам надо. Шаг вперёд. Ещё один. Устал и надеялся, хоть бы ему там дали присесть.

Глава 1

Капкан

— Ты думаешь, он придёт? — мужчина сидел за столом, захламлённым бумагой, от белоснежной до желтоватой. Дым его сигареты выходил в форточку окна, за спиной.

— Я уверен в этом, — ответил второй мужчина, стоявший у шкафа с книгами. Пытался найти место ещё для одной, прочитанной.

— Надеюсь, мы не просто так не спим всю ночь, — успел сказать он перед стуком в дверь.

Тук. Тук. Тук.

Мужчина, что у шкафа, обернулся к мужчине за столом с выражением лица «я же говорил». Тот резко затушил сигарету и напрягся, посмотрев на дверь.

Шкаф был ближе к двери, поэтому мужчине с книгой пришлось её открывать, после того как кинул книгу на диван, так и не найдя ей достойного места.

Дверь открылась, и Семён с облегчением выдохнул. Всё-таки они не просто забыли выключить свет уходя.

— Здравствуйте, меня зовут Павел, чем могу помочь? — мужчина протянул руку, освобождая порог.

— Семён.

После рукопожатия, мужчина из-за стола махнул рукой и сказал:

— Антон.

— Здравствуйте, Семён.

— Да, я знаю, — ответил Антон, — проходите, садитесь и рассказывайте, что с вами приключилось.

Семён шёл к стулу, снимая куртку. Делал он это медленно и с подозрением.

— Что вы здесь делаете так поздно? Я, конечно, этому рад, но не могу не спросить.

— Ждём одного человека. Пока он не пришёл, поговорим с вами, — ответил Антон, — как говорится, клиент всегда прав. Если пришёл ночью, значит, ночью мы и работаем.

— Очень любезно с вашей стороны.

Павел сел рядом с Антоном и улыбаясь сказал:

— Да что вы, мы всё же за это деньги берём. Это в наших интересах.

Семён просунул руку в карман штанов и достал скомканный бумажный рубль. Положил на стол и стал разглаживать ребром ладони.

— Вы уж извините, про деньги я не подумал, что было в штанах, то ваше. Хватит рубля?

Не обратив внимание на рубль, будто решение о помощи было принято, как только Семён постучал в дверь, парни согласились.

— Теперь вкратце, расскажите нам, что с вами случилось, — сказал Антон, устраиваясь поудобнее.

Павел это заметил и тоже чуть поёрзал на своём стуле. Хоть ему и до этого было удобно.

— Где-то с месяц назад, в моей деревне начали пропадать люди. Артемий пошёл за грибами и не вернулся. Заблудиться он не мог. Ходил за грибами всю свою жизнь. Как и мы все. И лес этот знали, как свои пять пальцев. Мы отправились на поиски, но ничего не нашли. Подумали, может, ушёл куда. Мало ли что, надоела ему такая жизнь или от жены

устал, всякое бывает. Пока не пропала девушка — Мария. Поругалась с мужем и ушла в лес прорыдать всю боль. Так и не вернулась. В этот раз мы её тело нашли. Живот вскрыт, органы выгрызены, кости выдраны. Все в шоке. Сроду не водилось у нас ничего такого. Обходила стороной нас такая беда. Ни волков, ни медведей. Подумали, на какого-нибудь хищника, что мимо проходил. Надеялись не повториться. Потом муж Марии пошёл в лес, от горя, найти то, что убило его возлюбленную. Видимо, нашёл. Не знаем, пропал, так же как Артемий. И вот вчера, уже позавчера, ещё одно тело. Висело на деревьях, будто его туда кто-то швырнул. Разорванное брюхо, кости торчат. Я не знал, что делать, пытался успокоить толпу, а они не слушали. Хоть я и староста. Не смог остановить их от глупой затеи. Вся община ушла в лес. Сразиться с убийцей, с этим монстром. Я пошёл за ними, но позже, когда совесть замучила, через час или два, не помню. Никого не нашёл. Пустой лес. Никаких следов. Не понимаю почему. Не понимаю, куда они могли деться — слёзы капали из глаз Семёна. Он боролся с ними. Но также как он не мог спасти свою деревню, не смог спасти себя от стыда.

— Прошу, помогите, — Семён опустил голову и закрыл лицо ладонями, — я не знаю, что мне делать без них.

Павел, сидевший, как ему казалось до этого, удобно встал и повернулся к окну, скрыв своё лицо. Он пытался успокоиться, смотря на мерцающую лампу на дороге. Мысли, с которыми он боролся в последнее время, начали его одолевать. Они выкапывали из его души, чувство, что он пытался всеми силами спрятать от внешнего мира — сомнение. Сегодня годовщина, как его бросила невеста — Оля.

— Что ж, поехали в вашу деревню, зайдём в лес, поищем следы. — Антон встал и положил сигареты в карман.

— Нечего там искать. Нет никаких следов, я же вам говорю!

Подходя к шкафу с одеждой, Антон ответил:

— Доверьтесь профессионалам. Мы знаем, что искать.

Семён подпрыгнул со стула.

— Вы уже сталкивались с таким? Что вы планируете делать?

Надев пальто, Антон объяснил:

— Много могло произойти. Пропала целая община, двести человек. Нужно разбираться на месте.

Павел стукнул головой об окно. Закатил глаза. Злость внутри поднялась к губам и превратилась в ухмылку. Он хотел сказать — «Идиот», но знал, что время неподходящее. К тому же, его будет ещё полно, чтобы напомнить об этом Антону.

— Откуда вы знаете, сколько человек в моей деревня? — озадачился Семён, сжимая куртку от страха так сильно, что любая шея бы сломалась под таким напором.

Антон посмотрел на Павла. Не стоило. «Идиот»

— Да, Антон, откуда ты знаешь про количество людей?

Они же готовились. И так всё просрать.

Семён поймал раздражение в голосе Павла. Антон сказал, что-то что не следовало говорить. Неужели это ловушка для Семёна? Куда делись его люди?

Антон не мог сказать правду. Скажи он её, Семён вылетит отсюда и ещё один год коту под хвост. Всё начинать сначала. Но и врать он тоже не мог. Будет ещё хуже. Они должны посадить его в машину.

— Послушайте..., — Антон медленно приближался к Семёну, — будете сигарету? Ай, вы же не курите...

— Откуда вы знаете, что я не курю!

— Ты специально делаешь хуже? — спросил Павел.

— Не помогаешь! — Антон поднял указательный палец Павлу. Цыц.

Семён пошёл задом к окну, от Антона, схватился за карабин винтовки, начал снимать с плеча. Винтовка не падала. Он повернул голову и увидел Павла, схватившегося за его ружьё.

— Мы не причиним вам вреда, — сказал Павел.

— Отпустите меня, — сказал Семён, вцепившись в винтовку двумя руками.

— Я придумал! — крикнул Антон и ушёл в соседнюю комнату.

«Надеюсь, что-то хорошее» — подумал Павел, пока держал ружьё и всматривался в угрожающие глаза Семёна.

«К чёрту винтовку» — подумал Семён, — «неизвестно стреляет ли она вообще». Он отпустил её и побежал к двери. Дёрнул ручку. Закрыто, Павлом, в самом начале. Оттого он даже не двинулся с места, когда Семён побежал.

Антон вернулся из другой комнаты, держа в руках бумажку.

— Посмотрите сюда, — говорил он, приближаясь медленно, словно к напуганной дворняге.

— Что это? — спросил Семён.

— Ваш рубль.

— На кой чёрт мне смотреть на мой рубль?

Антон поднял на уровень глаз две руки, с двумя бумажными рублями.

— Эти рубли абсолютно идентичны. Одну из них вы достали из кармана сегодня. Посмотрите, — Антон протянул рубль из правой руки, — не бойтесь.

Семён взял бумажный рубль, осмотрел его и вопросительно посмотрел на Антона.

— Теперь возьмите рубль из левой руки.

Семён послушался. Стал рассматривать этот рубль.

— Несмотря на тот факт, что бумажные рубли вышли из обихода бог знает сколько лет назад, десятки? И на них можно купить разве что жвачку по рублю, вы должны заметить их сходство. Я имею в виду не картинку, а на их измятость и небольшой надрыв снизу. Посмотрите внимательно, те же заломы, в тех же местах.

Озадаченный Семён смотрел на бумажные рубли в своих руках. И да, выглядели они идентично. Словно кто-то скопировал рубль из левой руки и вставил в правую. От такого сходства закружилась голова.

— Откуда у вас второй рубль?

— Вы нам его дали, — ответил Антон, — два года назад. Так же положили на стол и разгладили рукой.

— Чушь! Меня здесь не было два года назад! — губы Семёна тряслись, — я ничего вам не давал!

— Успокойтесь. Вы будете чай? Кофе? Мы вам всё объясним. Лишь дайте нам время рассказать.

— У меня нет времени. Мои люди...

— Мы отведём вас к ним. Я обещаю. Только успокойтесь и послушайте нас. Мы не хотели рассказывать здесь. Но думаю, так будет лучше. Чай поможет вам успокоиться. Павел?

— Да, да, ставлю.

Антон отодвинулся в сторону и указал рукой обратно на стул.

— Пожалуйста.

Будто у Семёна был выбор. Входная дверь закрыта на ключ.

Глава 2

Начало

Два года назад

Антон никогда не видел столько коробок в одном месте. Особенно на улице. Что если их украдут, пока он будет поднимать по одной на третий этаж. Был бы у него напарник. Хотя подождите, он есть! Черноволосый, высокий тип под именем Павел, в последнюю секунду свалил по делам. Вот так и получается, что их детище: «Агентство по борьбе с нечистой силой» в первый же день осталось без «матери»... или «отца»? Отцы же обычно уходят за хлебом или пропадают ночами на работе. Как бы не в гостиничных номерах.

Ничего, он справится один. Привык уже.

Подняв по лестнице третью коробку в офис, Антон спустился на улицу, сел на четвёртый ящик и закурил.

Было бы намного удобнее, разреши ему пользоваться лифтом.

— Слишком много ящиков, — сказал ему охранник. Задержишь людей. Если вечером только.

— А у вас грузового нету?

— Грузовой только для грузчиков.

— А с этими коробками я на кого похож?

— На самозанятого.

Зато есть время подумать, как всё будет дальше, что делать. Ведь когда коробки закончатся, и он сядет за стол своего агентства, что тогда? Сидеть и ждать хотя бы одного человека? Надеяться, что он не сумасшедший и при этом с деньгами?

Почему именно сейчас Антона одолевали эти мысли? Он знал, на что шёл. Предлагать свои услуги в качестве «охотника за привидениями». Хоть и ненавидел это выражение, как-то проще описать профессию не мог. Слишком укоренились фильмы в подсознании, с детства. Антон потушил сигарету.

Коробки внизу кончались, сверху прибавлялись. Закончив с работой, он лёг на диван. Ноги гудели. Лёжа бегал глазами по комнате. Подумал — «А кто эти коробки будет разбирать?». Печально вздохнул. Он, конечно, мог подождать Павла, но вдруг сегодня кто-нибудь придёт. Первый клиент, а у него такой ужасный бардак. Это повлияет и на отзыв, и на дальнейший бизнес. Нет, он не мог так рисковать. Не с этим, слишком много на кону.

Смирившись с дальнейшей участью, Антон поднялся с кровати и потихоньку, стал разбирать коробки одну за одной.

К вечеру, когда все коробки были разобраны и Антон сидел за столом, выкуривая сигарету, он осознал, что закончился его первый рабочий день в «Агентстве по борьбе с нечистой силой», а он даже не заработал. Никто не пришёл. С одной стороны, было обидно. Всё-таки была надежда, что вдруг кто-нибудь зайдёт. С другой стороны, они ведь даже рекламу не купили. Откуда люди бы узнали об открытии? Всё равно обидно.

И где носит его второго работничка? Первый день, а он уже расслабился.

— Алло? — голос Павла, радостнее, чем обычно.

— И где мы шляемся?

Надо было сразу наезжать. По-другому друзья не умеют.

— Ты ждал меня весь день? Я же сказал, что вряд ли буду.

— Не было такого. Ты сказал, что-то вроде «попробую».

— То же самое.

Антон ничего не ответил. Павел всё понял.

— Извини, что не пришёл помочь, правда, не получилось.

— Ты все дела свои сделал?

Слово «дела» удостоились унижительной интонации.

— Да, где-то к трём часам. Потом Олю встречал с работы. Нужно было провести с ней побольше времени, учитывая, что я могу пропадать по вечерам, работая в нашем агентстве. Думаю, она успокоилась и пришла к понимаю. Мне нужен был этот день.

Антону стало обидно за своё ребячество и унижительную интонацию слова «дела».

— Я разобрал коробки. Расставил всё по фэншую. Тебя будет завтра ждать уютная комната, так что не опаздывай.

Павел рассмеялся, затем они попрощались.

Антон уставился в дверь. Стук в неё сейчас бы не помешал. Вместо этого он услышал и почувствовал, как заурчало у него в животе. Не ел с обеда. Встав со стула, Антон посмотрел в окно, пытаясь разглядеть хоть какой-нибудь магазин. Безуспешно. Тогда он взял телефон, чтобы посмотреть, что есть поблизости. Совсем рядом, за углом, был продуктовый. Его не было видно из окна.

#

— Новое лицо! — сказала женщина в возрасте за прилавком, когда Антон подошёл на кассу с хлебом, пачкой чая, печеньем и лапшой быстрого приготовления.

— Вы всех незнакомых посетителей так встречаете? — Антон отклонился назад от её возгласа.

— Нет, — рассмеялась она ещё громче, — только тех, кого вижу днём, таскающим коробки в дом рядом с нашим магазинчиком. Какими судьбами в наш район?

Женщина начала пробивать товар.

— Открыл своё агентство.

Только не спрашивай какое.

— Ух ты, а что за агентство?

Вздых.

— По борьбе с нечистой силой.

Женщина сделала такое лицо, будто Антон начал говорить на иностранном языке.

— Агентство чего? Борьбы с чем прости? И что оно делает?

— Борется с нечистыми силами и всем другим... необъяснимым.

Женщина сложила все продукты в пакет.

— Например?

— Например, с домовыми. Вам они не докучают? — Антону не нравился неверующий тон продавщицы.

— Нет. Никогда не видела таких.

— Если увидите, приходите.

Антон положил деньги на прилавок, схватил пакет и поскорее выбежал из магазина, пока запутанная продавщица не начала выстреливать вопросами.

#

Дверь слегка приоткрыта. Красная дорожка перед глазами. Кровь? Краска? Когда Антон услышал крик, сомнения отпали: кровь. Бросив пакет, он рванул на зов. Крик становился всё громче и был до боли знакомый. Он его слышал, разве в другом тоне, тот же голос, те же голосовые связки, но они издавали крик удовольствия, не ужаса, как сейчас. Антон распахивает дверь на бегу. Это не оставляет ему времени остановиться перед пропастью во тьму. Он плывёт по чёрной комнате, оглаживается, пока не замечает тело. Голое, молодой женщины. Оно проплывает рядом с ним. Глаза закрыты. Лицо спокойное. Антон пытается дотянуться до неё. Почувствовать её тепло.

Её глаза открываются. Они красные то ли от слёз, то ли от крови.

— Ты мог меня спасти, — говорит она тихим, приятным голосом.

— Прости.

Её голова отделяется от тела, но губы шепчут:

— Тук, тук, тук.

#

Антон почувствовал запах лапши и сигарет. Он услышал стук в дверь.

На часах — два ночи.

— Кто там? — спросил Антон, не вставая с кровати. Он не знал этот район, поэтому решил разговаривать с ночными незнакомцами через дверь.

— Мне нужна ваша помощь. А увидел вывеску на улице и свет в окне.

Это какая-то шутка? Клиент, посреди ночи? Антона явно собирались ограбить.

— Поздновато как-то, не думаете?

— Прошу, мне больше некуда идти, не к кому обратиться.

— Хорошо, дайте мне секунду.

Перед тем как приоткрыть дверь, Антон подошёл к столу и взял нож, которым резал хлеб и убрал его за спину.

Через небольшой дверной проём, Антон смотрел на мужчину лет пятидесяти, в старомодной одежде.

— Чем могу быть полезен?

— Даже на порог не пустите?

— Вы выглядите странно, словно вашей одежде лет сто. Производите впечатление бездомного. С чего бы мне не решить, что вы хотите найти крышу над головой в эту холодную ночь, притворяясь клиентом?

Мужчина осмотрел свою одежду и ответил:

— Обычная у меня одежда. Грязноватая? Да. Но лишь оттого, что я по лесу весь вечер шатался и искал своих людей. И что это я тут перед вами распинаюсь, поможете вы мне или

нет?

Должно уточнить, что мужчина не был пьян и речь была хорошо поставлена. Это убедило Антона.

— Как вас зовут?

— Семён.

— Я вам верю, — сказал Антон, представился и пригласил нежданного клиента расположиться на диване.

— Спасибо, — ответил тот, когда сел.

Антон незаметно положил нож на стол и спросил:

— Что вас привело ко мне?

Семён начал рассказывать. Про свою деревню. Про исчезновения. И про трупы, что находили в лесу. Разорванные, висящие на деревьях.

— Вся моя община пропала. Никаких следов в лесу. Вы должны мне помочь. С каждой минутой, шансы на их выживание уменьшаются.

К концу истории сонливость как рукой сняло. Первый клиент! Да ещё с таким делом! Убийства и таинственные пропажи! Не на это он рассчитал. На домовых больше. Или на дверь, что открывается сама по себе. Но не на это.

— А что вы хотите от меня? — недоумевал Антон.

— Помощь. Вы же на этом специализируетесь? Необъяснимое исчезновение моих людей и жестокие убийства, совершённые невиданным зверем! Скажите, что мне делать?!

Антон почесал лоб тыльной стороной руки. Отступить некуда.

— Хорошо. Сколько вы платите?

Семён просунул руку в карман штанов и достал скомканный бумажный рубль. Положил на коленку и стал разглаживать ребром ладони.

— Вы уж извините, про деньги я не подумал, что было в штанах, то ваше. Хватит рубля?

Антон взял бумагу в руки. Рассмеялся. Вот даёт. Разыграл. А Антон ему поверил. И про лес, и про убийство.

Семён и виду не подал, что это розыгрыш. Сидел и не понимал, что вызвало такой смех у человека. Ему становилось не комфортно. Антон это заметил и стал посерьёзнее.

— Вы же в курсе, что это ненастоящие деньги?

Семён встал и забрал бумагу. Поднял перед лампочкой и взгляделся в неё.

— Настоящая! Я вам клянусь.

Шоу начинало надоедать.

— Слушайте... У меня нет на это времени... — как Антон это сказал, лицо Семёна покрылось страхом. Надежда гасла в его глазах. Это либо прекрасная актерская игра, либо человек совсем из другого мира, — Какой сейчас год, по-вашему?

— Какое это имеет отношение к...

— Просто скажите.

— Тысяча девятьсот четырнадцатый.

Точно сбрендил. И зачем Антон его впустил. Да ещё и нож положил обратно на стол! Хотя всё же перед ним старик. Как сложно его будет выгнать из комнаты?

— Я думаю, вам будет лучше уйти.

— Почему?

Что-то было в этих глазах. Страх, непонимание, отсутствие злого умысла. Семён был похож на ребёнка, у которого отобрали игрушку. Куда его отправлять?

- Мне нужно сделать звонок. Присядьте пока, — сдался Антон.
- Что сделать?
- Звонок.
- Имея в виду?
- А? Что? Позвонить по телефону.
- Что такое телефон?
- У меня нет на это времени. Просто, посидите на диване, пожалуйста.

Глава 3

Брошенный

— Спишь?

— *А сам, как думаешь?*

— Что спишь.

Павел промолчал.

— У нас клиент.

— *В два ночи? Ты уверен, что он тебе не приснился?*

— Нет. Он в соседней комнате. Ждёт меня, чтобы отправиться в лес, помочь ему найти пропавших людей из его деревни. Их либо похитили, либо убили.

Антон услышал, как Павел встал с кровати и зашагал.

— *И ты сказала ему идти в полицию?*

— Нет.

— *Почему?*

— Потому что он пришёл по адресу? В агентство по борьбе...

— *Я понял, понял. Мы особо это не обсуждали, но я думал и так понятно. Если дело слишком опасное, мы за него не берёмся. Ведь так?*

— Может оно и не такое опасное. У нас будет оружие. Мы просто пройдемся по лесу с фонариками, и всё.

Тишина в ответ.

— Папа?

— *Не могу поверить, что мне приходится это говорить. Лес, ночь, убийства, пропажа людей. И ты хочешь пойти в эпицентр, думая, что это не опасно?*

— Когда ты это так подаёшь...

— *Как «так»? Я всего лишь перечислил ключевые слова!*

— Ладно, ладно. Не ори. Этот дед, то есть наш клиент, сказал мне, что уже был в лесу, искал своих людей и ничего не нашёл. К тому же, он очень странный. Будто не в себе. Он хочет заплатить мне старыми деньгами и думает, что на дворе 1914 год. Мне кажется, что его маразм ударил и я не могу отпустить его одного посреди ночи, мол «иди гуляй, дед».

Антон всегда знал, на какие точки давить, чтобы добиться своего.

Павел выдохнул.

— *Твоя взяла. Опять.*

— Через пятнадцать минут у тебя. Собирайся.

#

Павел надел один носок на правую ногу, и держа второй, уткнулся в стену. Зачем вообще он согласился? Мало того, что поздно так ещё и чертовски опасно. С другой стороны, он должен был это предвидеть, после всего, что случилось с Антоном. После всего, что он пережил. Тянет ли его к опасностям? К смерти? И что делать если «да»?

В дверном проёме появилась Оля. Она стояла в нижнем белье, и темнота делала её фигуру ещё прекраснее. Не то чтобы при свете она не была прекрасна.

— Ты куда?

Павел хотел остаться.

— У нас клиент. Нужно ехать.

— Посреди ночи? Что случилось?

Сколько он может ей сказать? Уснёт ли она, скажи он всю правду?

— Ничего не случилось. Какой-то дед с маразмом забрёл. Жалуется на домового. Мы сходим посмотрим, что, да как. Не отправляет же его бедолагу обратно домой к разбушевавшемуся домовому. Вдруг сердце схватит.

Павел удивился своей способности лгать так хорошо. Оля ушла обратно в кровать, пожелав удачи и ничего не заподозрив.

Зажужжал телефон. На экране высветилась надпись — «подъехал».

Обратного пути нет. Вперёд! На улицу! В темноту!

#

На заднем сиденье скуксился мужчина. Он хоть и был преклонных лет, но сдачи мог дать запросто. Не тот дед с маразмом предстал перед Павлом, которого описывал Антон по телефону. Хватило одного взгляда, чтобы это понять. Даже не сев в машину.

Свет лампочек ударил по глазам. Павел захлопнул дверь. Он не хотел разговаривать, лишь спать.

Они тронулись. Фонари замельтешили.

— Куда именно мы едем? — наконец спросил Павел.

— В лес? — пробубнил Антон. Он поспал не так много. Заряд энергии заканчивался, — Семён скажет, когда остановиться.

— Скажу. Будет развилка, я её специально запомнил.

Павел закрыл глаза и устроился поудобнее.

— Расскажите мне, пока едем, что случилось с вашими людьми?

— Бессмыслица случилась. Они все пропали, уйдя в лес, — ответил Семён.

— Вы думаете, их кто-то убил?

— Я не нашёл никаких следов. Даже крови. Ничего.

— Как они могли пропасть тогда? Может, они просто ушли? В город?

— До этого, несколько человек нашли разодранными в лесу.

— Собаки? Волки? Может медведь?

— Медведи в жизни там не водились. Волки не смогут забросить тело на дерево. Собаки тем более.

— Забросить тело на дерево? Как высоко?

— Метров десять вверх.

Хоть Павел и устроился поудобнее, расслабиться не получилось.

— Зачем мы здесь, ещё раз? — обратился он к Антону.

— Помочь?

— Кому? Монстру, полакомится?

— Значит, это монстр? — вставил Семён, — это ваше экспертное мнение?

— А сколько человек пропало? — спросил Павел и приготовился к самому плохому ответу.

— Двести.

— Двести! — он подпрыгнул на сиденье, — Двести! Антон, мы что тут делаем? Ты совсем сдурел?

Павел подумал об Оле. О том, как она будет рыдать в пустой кровати, не зная, куда делся её мужчина.

— Скажи я тебе сразу, ты бы остался дома! А мне нужен напарник. Тот, кто прикроет мне спину.

— Какую спину? Если сто девяносто девять человек не смогли прикрыть одну спину, я как эту спину прикрою?

— Я не думаю, что всё настолько плохо. Наверняка, произошло недоразумение, никак не связанное с монстром. Они могли заблудиться.

— Мои люди слишком хорошо знают лес, — вставил Семён, — не могли они заблудиться.

— Даже посреди ночи? Они настолько хорошо знают этот лес?

— Насолько.

— По мне, так лучше поворачивать назад, — подытожил Павел.

— А что насчёт пропавших людей? Мы бросим их? — не успокаивался Антон.

— Нет, обратимся в полицию.

— И что мы им скажем? Следов-то нет.

— Не знаю, что мы скажем...

— Вот именно. Давай хотя бы попытаемся помочь. Разве не для этого мы создали агентство?

— Для этого, — промычал Павел.

— Мы уже подъезжаем, — сказал Семён, — Вон она, развилочка.

— Ты мне пистолет то взял? — спросил Павел.

— Лучше, я взял всё оружие.

— Если ты, думаешь, что всё не настолько плохо, зачем брать всё оружие?

Антон открыл багажник и перед ними лежали дробовики, ружья, пистолеты, револьверы, рогатки, осинового колы, ножи, всякие разные баночки с непонятным содержимым. А ещё, рядом с осинового колом лежал чеснок.

— Выбора полно, — объявил Антон.

— Это что, осинового кол? — Павел тыкнул пальцев в палку, — И чеснок? А хлеба нету натереть на него?

— Может, в этом лесу вампиры?

— Мы не нашли доказательств их существования.

— Кроме одного, — напомнил Антон.

— Предположительно. Хорошо, а рогатки зачем, мы по птицам стрелять будем?

— Птицы убийцы? Звучит!

Чтобы собрать содержимое багажника, у парней ушло примерно полгода. Пришлось промчаться по всем известным и на тот момент неизвестным книжкам. Приходилось залазить в самые старые библиотеки и рыться в самых древних кучках книг на выброс. Объехать города, деревни, села.

Литература описывающая сверхъестественные события было не популярны у народа. Отчасти из-за того, насколько скучной она была. Звучит бредово. Как литература про реальные привидения и монстров может быть скучной? Может, если их пишут очевидцы,

авторский стиль которых далёк от вменяемого. Кто-то сходил с ума на почве событий. Кто-то не мог раскрыть тему в захватывающем стиле. Такие книги выпускались скорее мелкими издательствами с надеждой продать хоть что-нибудь и выехать на надписи: «Основано на реальных событиях».

Какие-то книги писались священниками и издавались за счёт церкви небольшими тиражами. Их можно было найти в старых деревянных домах рядом с церковью.

В итоге эти поиски окупились. Ведь книги действительно были полезными. Они рассказывали о существах, которые встречались на пути у священников и простых работяг. А встречали они очень много всякой нечисти. Частыми гостями книг были домовые. Эти книги обычно заканчивались «хэппи эндами». Домовые редко убивали и лишь пакостили в доме. Их можно было убедить так больше не делать, выгнать из дома или убить. Последний вариант был всегда крайним. Жалость в людях всегда брала верх. Убить домового — всё равно, что убить кота, который сбил любимую вазу. Живодёрство.

Привидения, к удивлению, то же оказались довольно безобидными. Обычно если в доме оно заводилось, то это был кто-то из родственников. Они уходили сами через несколько дней. Некоторые священники писали, что избавиться от них можно путём сожжения тела, но на практике это так никто и не проверил.

Самыми опасными же являлись разновидности мутированных животных. Большие собаки или двуногие волки. Насекомые больших размеров. Как они мутировали, откуда они взялись не сказано ни в одной книге. Но и встречались они довольно редко. Или же... большая часть людей, что их встречала, не добралась до пера и бумаги?

Все книги имели кое-что общее и самое необходимое: как именно бороться с этими чудовищами и призраками, что их может убить. Именно это и было в багажнике у парней. Кроме осинового кола и чеснока. Ни одной книги про встречу с вампирами не было.

— Я возьму ружьё и кол, — сказал Антон и нагнулся в багажник.

— Чеснок не забудь. Дыханием будешь отгонять, — добавил Павел.

У Семёна разбежались глаза. Он в жизни не видел такое оружие. Жизнь в деревне сузила его кругозор до полного выпадения из жизни. Он и машин таких не видел, что их довезла. На такой скорости! Он скрывал своё удивление как мог. Не хотел показаться деревенщиной. А что такое «телефон» и «позвонить» до него так и не дошло.

— Я останусь со своей винтовкой, — сказал Семён, — Но возьму осиновый кол.

Деревянная, заострённая палка была ему понятна.

Павел взял дробовик. Кто-то должен был защитить их на случай медведя. Осиновым колом его не возьмёшь, если он бежит на тебя. И даже если не бежит. В общем, нужно выкинуть эти колы или сжечь, чтобы они не захламляли машину.

Они закрыли багажник и достали фонарики. Семён впервые взял такой в руки. Посмотрел, как его включили другие, и повторил. Если кто-то из его общины выжил, будет что рассказать.

Все вместе они встали у леса, внутри которого пропадали и умирали люди.

Павел мельком взглянул на Антона. Искал сомнение на его лице, страх. Если такой и был, то Антон скрывал его мастерски. Он же и зашёл первым в лес. Семён пошёл следом. Павел, сдерживая дрожь в руках, выдохнул и зашагал вперёд.

Они искали следы, поломанные ветки или мятую траву. Семён вёл их в сторону деревни. Если кто-то и выжил, они бы отправились туда.

Глава 4

Клубок

— Но мы ничего не нашли, — объяснял Антон Семёну, — вес лес обшарили, всё без толку. Никаких следов. Лишь усталость.

Чай в кружке Семёна заканчивался. Нужно было что-то покрепче.

— Я не понимаю... Мы с вами не встречались ранее. Откуда вы всё знаете? Вы придумываете на ходу?

— Слушайте дальше. Вам станет понятнее...

#

Антон сидел, облокотившись на дерево. Между стволами мельтешили первые лучи солнца. Дым сигареты поднимался. Бумага потрескивала. Рядом с ним, на земле, осиновый кол, так и не использованный и ружьё с полным магазином и без запаха пороха.

— А ты неплохой приманкой стал, — сказал Павел подходя, — сидишь, куришь, так и хочется подкрасться сзади.

Антону было не до шуток. Он угрюмо смотрел на поднимающееся солнце.

— Ты в порядке? — забеспокоился Павел, заметив угрюмое лицо друга.

— Мы не справились. За три часа не нашли ни одного следа, даже когда посветлело. Посмешище.

— Ты сам говорил, что у деда маразм. Ты был прав.

— Не знаю. По его глазам видел, что он говорит правду.

— Это ещё учитывая, что мы тут за бесплатно. Ведь он нам так и не заплатил.

— И то верно. Вот гад! Точно маразм деда одолел. Ещё и с рублем этим сраным.

Антон потушил сигарету и встал.

— Семён!

В ответ лишь эхо.

— Семён! — крикнул уже Павел.

— Иди сюда!

Антон смотрел по сторонам.

— Не могу поверить, что мы и его потеряли! Семён!

— Мы не теряли его, — ответил Павел, — не могли.

Но Семёна нигде не было. Сколько бы они его не искали, не кричали. Он как сквозь землю провалился. Они даже нашли место, где именно он провалился. На земле лежал пистолет и фонарик. Рядом никаких следов. Ни борьбы, ни подошвы.

— Его тоже забрали? — спросил Антон, надеясь услышать разумное объяснение.

— Кто мог его забрать? Так тихо и бесследно? Ещё и оставив оружие?

Антон остановился. Его лицо выглядело так, будто в голове загорелась лампочка. Павел напугался и встал рядом, ожидая версии.

— Сука...НЛО...

— НЛО?

— НЛО!

— НЛО?

— Ты сам только подумай, Паша! Как в кино! Они подлетели сверху, подождали, пока Семён отойдёт подальше и засосали его к себе. Как и всех остальных!

— И он даже не кричал?

— Может, они его окружили звуконепроницаемым полем!

— Это бред. А его люди, что были зверски убиты?

— НЛО их прооперировал, вытащил кости нужные для исследования и сбросил обратно.

Вот почему один из них был на дереве! Его не ЗАБРОСИЛИ туда, а СБРОСИЛИ!

Павел не понимал, к сожалению, или всё же, к счастью, эта теория складывалась.

Антон продолжил:

— И это объясняет деньги! И год — 1914. Год его похищения. Он был в криостазе всё это время. И может быть... Он сбежал! Да! Он сбежал от них, но видимо, он забыл, как сбежал, и последнее воспоминание его было: как он пытался найти своих людей. Которых тоже похитил НЛО!

Павел уже не скрывал недоумение.

— Мне кажется, ты натягиваешь события силой.

— Натягиваю ли?! — Антон развел руками, и всем лицом показывал, что ожидал услышать «нет».

— Натягиваешь.

Антон достал ещё одну сигарету.

— Плохо не станет?

— Я взволновал, мне надо закурить.

— И что нам теперь делать? Сражаться с НЛО? Чем? Осиновым колом? Или з рогаткой сходить?

Антон начал ходить из стороны в сторону, затягиваясь сигаретой всё сильнее.

— Ты шути на здоровье конечно, но я готов поспорить, — он почти кричал, — что даже деревню, о которой нам говорил Семён, мы не найдём, ведь она существовала сто с лишним лет назад! Удивительно... Он мог бы пройти мимо нашего агентства, и мы бы никогда не узнали о существовании НЛО. Каковы шансы? Нам надо проехать вокруг леса, осмотреть всё, убедиться, что деревни уже нету.

Хоть теория и казалась Павлу полнейшим бредом, мысль о мягком сиденье машины, всё же помогли встать на сторону НЛО и бросить поиски Семёна.

#

Теория про НЛО становилась реальнее. Они объехали вокруг леса. Были настороже любых знаков, сообщающих о наличии какого-либо населённого пункта. Всё впустую. Лишь деревья, да просторные поля.

Улыбка Антона становилась шире. Он чувствовал себя Шерлоком Холмсом. Он применил метод дедукции, и новые улики подтверждали его правоту.

Павлу никогда не нравился заносчивый Антон, он едва выносил его обычного.

— Посмотрим, как ты будешь улыбаться, когда надо будет обшарить всё форумы про НЛО, для добычи хоть какой-нибудь стоящей информации, — сказал Павел, сминаясь в сиденье.

— Вдвоём будет легче.

— Но что, если это не НЛО? Есть ещё идеи? Сама по себе ситуация очень странная? К нам обращается человек из прошлого, а затем исчезает к утру. Привидение?

— Которое могло брать предметы в руки? Такие разве бывают?

— В книгах не было. В реальности? Чёрт его знает. Всё может быть.

* * *

— Так вот, — продолжил Антон, расстилая на столе большую карту перед запутанным Семёном, — мы покопались в архивах администрации и нашли старые карты. Одна из них тысяча девятьсот четырнадцатого года. Смотрите здесь.

Семён наклонился перед картой и всмотрелся в нарисованные домики на которые указывал Антон пальцем.

— Тысяча девятьсот четырнадцатый год, ваша деревня на месте, с ней всё хорошо. А вот здесь, — Антон положил поверх карты ещё одну, такую же большую и жёлтую, как пергамент, — тысяча девятьсот пятнадцатый год, деревни уже нету. Спустя всего год, все дома снесли. Неудивительно, что, когда мы с Павлом ездили по округе, ничего нельзя было найти.

Вступил Павел:

— После того, как мы поняли, что деревни уже нет. Появился другой вопрос: откуда вы взяли на нашем пороге? Пришлось поднимать всю историю вашей деревни...

* * *

Ночь. Архив ночной библиотеки. Прохлада. Откуда-то слышно удары капель по бетонному полу. Дышать становилось неприятно. Из-за влаги. Из-за сигаретного дыма.

— Когда ты собирался бросить? — спросил Павел, сидя на маленьком стульчике у шкафа, со старыми газетами, что хранились здесь, как мусор на свалке.

— Как книгу прочитаю про лёгкий способ бросить курить, — Антон выдыхал дым в маленькую форточку небольшого окна, причём единственного.

— А когда это будет?

— Как только мы докажем, что имеем дело с НЛО.

— То есть, никогда... — прошептал Павел, уткнувшись в газеты тысяча девятьсот четырнадцатого года.

— Была бы здесь папка, отдельная, про НЛО. Было бы куда проще.

— Был бы у меня напарник, у которого перекуры реже.

Антон выкинул бычок в форточку и спрыгнул со стула. Взял его в руки и пошёл к Павлу. Доставать его своим запахом... и помогать.

— Нашёл...

Антон зашагал быстрее.

Павел прочистил горло и зачитал, запинаясь на необычных буквах, но всё же напоминающих современные, — Сегодня утром, в полицейский участок зашла девушка со слезами на щеках. В руках несколько рублей. Она положила их на стол дежурному

сотруднику полицию и жалостно попросила помочь разыскать людей. Сотрудник воспринял это как неудачную шутку и велел убираться со своими забавами, пока её не арестовали. Девушка сказала, что ей больше некуда идти. Её дома больше нету. Полицейский коридор заполнялся любопытными носами, когда девушку усадили за кружкой горячего чая и попросили рассказать, что произошло. Её звали — Людмила. Каждое лето, она покидала деревню Иваново и отдыхала со своими друзьями в городе. В сентябре она возвращалась в деревню с гостинцами и последующие недели травила байки о городских деньках. Традиция была нарушена таинственным происшествием. Возвращаясь через знакомую лесную тропу, в деревню, девушка заметила необычную тишину. Ни птиц, ни белок, ни грибов. Беспокойство зарождалось у неё в сердце, а когда она увидела первые дома, из труб которых не идёт дым, беспокойство перешло в панику. Она бегала от одного пустого дома к другому, зазывая сначала своих родителей, бабушку с дедушкой, потом знакомых, а затем любое попавшее на язык имя. Упав на колени посреди пустых домов, ей ничего не оставалось, как постараться успокоиться и придумать всему логичное объяснение. За всю её жизнь, ни разу, деревня не покидалась всей общиной, даже на короткий срок. И всё же, за неимением других вариантов, девушка села на скамейку, упёрлась локтями в колени и опустила свою голову на ладони в ожидании возвращения её общины.

«Два дня я так просидела, товарищи», — объясняла она сотрудникам полиции, — «два дня ждала их возвращения, а теперь боюсь, как бы эти два дня ожидания не стали роковыми. Ведь обратиться я к вам раньше...»

Девушку успокоили и заверили, что её вины в этом нет. Сотрудники дали ей время отдышаться и попросили отвезти их в злосчастную деревню. Некоторые полицейские заверяли, что девушка всего-навсего травит глупые байки и направлять в деревню, больше двух человек не имеет смысла, как бы и одного не отправить. Эту информацию не подтвердила полиция, но наш достоверный источник утверждает, что данный скепсис имел место.

На лошадях отправились три полицейский с напуганной девушкой. Добравшись до деревни, сотрудники одновременно выдохнули, что не стали жертвой розыгрыша, но вздохнули, ведь им предстоит раскрыть невиданное доселе происшествие.

Как и рассказывала девушка, деревня была абсолютна пуста. Полицейские разделились, чтобы быстрее обыскать дома и найти какие-либо следы.

Встретившись после осмотра, они все единогласно пришли к выводу, что деревню покинули либо в спешке, либо и вовсе не понимая, что они покидают её на долгое время.

На дежурство остались два сотрудника. Третий отвёз девушку в город и сообщил в участке о правдивости её показания:

«Да, действительно, деревня пуста, пропало около двухсот человек».

— Это всё? — спросил Антон.

Павел пролистал следующие страницы газет.

— Похоже на то.

— Не может быть, дай мне.

Антон выхватил протянутую газету и повторил действия сам пролистал газету.

— Не хватает страниц. Вот, смотри, ты читал восьмую, а затем идёт сразу тринадцатая. Не хватает одного газетного листа.

— Кто-то забрал лист?

Парни подошли к милой девушке, что дежурила в ночной библиотеке. В её очках

отражался компьютерный пасьянс.

— Не подскажите, кто-нибудь, кроме нас, ещё интересовался старыми газетами начала двадцатого века? — спросил Антон, кокетливо улыбаясь.

Жажущая внимания, от такого хорошенького парня, девушка ответила ему улыбкой и представилась:

— Катя.

— Антон. Теперь можем перейти к вопросу.

— Что вам нужно, ещё раз?

Антон, силой поддерживающий улыбку, повторил вопрос.

— Я могу посмотреть, кто был в архиве в последние пятнадцать лет, с момента, как здесь поставили компьютер, но что именно они искали, сказать невозможно.

Антон посмотрел на Павла.

— Думаешь, есть смысл?

Павел, положив руки на стол, решил проверить свою безумную теорию:

— Попробуйте отфильтровать по имени Семён.

Катя взялась за поиск.

— Да нее... — успел сказать Антон.

— Нашла. Семёнов много, но без фамилии лишь однажды один.

— Дата есть?

— Три года и два дня назад.

#

Антон с Павлом сели в машину. Уставшие, голодные и ничего не понимающие.

— Теории? Мистер Холмс? — спросил Павел.

— Не знаю, Ватсон. Как-то всё муторно. Он был в библиотеке в тот же день, что и у нас, но три года назад. Забрал лист газеты и ушёл. Его деревня, да и он сам, похоже, пропали сотню лет назад. Никакой информации в интернете мы тоже не нашли. Мы не знаем, что случилось. Мы даже не знаем, кто есть Семён! Как он может жить в деревне в тысяче девятьсот четырнадцатом году, но заявиться в библиотеку три года назад, а два дня назад оказаться на пороге агентства? Тут даже теория про НЛО не поможет...

— Призрак?

— Физический призрак?

— Мы не так много о них знаем, чтобы исключать возможность физического призрака.

— Да даже если физический призрак, понятней не становится. Что он здесь делает? что с ним случилось? Когда он появится снова? И если появиться, как ему помочь? И что, чёрт возьми, было написано на следующей странице газеты?

Павел, по привычке, устроился в сиденье поудобнее и ответил:

— Одно мы знаем наверняка, эта Катя, явно положила на тебя глаз. Может быть, уже пора вернуться в игру?

Антон вспомнил сон, плывущее в темноте тело, и как голова отсоединяется от него. Он боялся, что начнёт забывать тонкие черты её лица, но кошмары не позволяют этому случиться.

Глава 5

Годовщина

Год назад

Всё было готово. Свечи зажжены, свет приглушён, стол накрыт. На улице тишина. Рабочий день закончился и можно объявить о успешном завершении первого года работы «Агентства по борьбе с нечистой силой». Как говорится, год был непростым. В основном из-за финансовой составляющей. Оказалось, что предложение не рождает спрос. Людям было проще привыкнуть к жизни с необъяснимым, чем платить деньги, чтобы от него избавиться. Многим домовым повезло. Но всегда наступает день, когда терпеть больше нет сил. Домовой случайно разобьёт тяжело добытую бутылку водки, и выведет жителей из себя. Они разбивают копилку или занимают деньги у соседей и идут напрямиком в единственное агентство, которое занимается изгнанием домовых.

Антон с Павлом всё выслушивают, смотрят на всю мелочь, что выгреб мужик на стол и со вздохом, от безысходности, принимают решение помочь мужику с синяками под глазами, то ли от водки, то ли от скалки жены.

Первое, что делают Антон с Павлом: просят хозяев квартиры переночевать в другом месте. Это делается для того, чтобы домовый сбился с толку. Их поведение схоже с питомцами, им необходимо присутствие хозяина поблизости.

Домовой, проснувшись ближе к вечеру, видит, что вместо привычных лиц, на диване уселись два незнакомых мужика. Он напуган, а значит, склонен совершать ошибки, выдавать себя.

Антон и Павел тихо сидят на диване и прислушиваются к малейшему шороху. И как бы тихо не вёл себя домовый, он всегда себя выдаёт.

— Кухня, — прошептал Антон. У него в руке, как и у Павла: мешок.

Определив место расположения, они обычно действуют по отработанной схеме.

Резко встают и двигаются к кухне. Антон забегает в неё, а Павел встаёт у дверного проёма. Таким образом, домовёнок заперт на кухне, с Антоном. Осталось лишь накинуть на него мешок и связать. Также, лучше спрятать от домового всё острое. Об этом они тоже позаботились... с того раза.

И вот вся кухня трясётся, стулья летают в разные стороны, бьётся посуда, с подоконника слетают растения. Антон спокоен, как удав. Хаос помогает определить точное местонахождение маленького чёрта.

Мешок падает на голову, домовый спотыкается и падает со стола. Павел смеётся, а потом ему становится жалко домовёнка, и он перестаёт.

Они привязывают его к стулу. Тут то обычно домовый себя и проявляет, становится видным глазу. Срывается мешок.

— Кузя?! — восклицают парни.

— Антон. Павел. Давно не виделись. Но я по вам не скучал.

Из всех домовых — Кузя, самый вредный.

Обычно процедура изгнания домового состоит из запугивания и выдворения на улицу.

После, домовый ищет новый дом. Ведь как ни крути, домовый не может прожить... без дома. На пороге новой квартиры, маленький чёрт надеется, что научится вести себя тише. Или что новые хозяева не пойдут в «Агентство по борьбе с нечистой силой» из-за скупости или лени.

Кузя же не учился ничему. Он надеялся, что всё и так прокатит. Что его не найдут. А его всё находят и находят.

— Ты чё, думал мы тебя не найдём? — разминал кулаки Антон.

— Я пытался, ребят. Мне опять попалась семья алкашей. Надоело. Я терпел и терпел. А потом хренась, и бутылка сама упала!

— Почему ты не ушёл, когда понял, что это алкаши? — спросил Павел.

Кузя выдохнул:

— Я думал, может у них денег на вас не будет.

— У них и не было. Пришлось скидку делать.

— Ребята, плохая практика, постоянно цены занижать, так всех домовых распугнёте. А потом что? Будете из удовольствия, бесплатно нас разгонять?

Антон опустил на уровень лица Кузи.

— Помнишь, что мы тебе сказали в прошлый раз?

— Может, всё-таки обойдёмся без рукоприкладства? — понадеялся Кузя.

— Я человек слова.

Антон встал, размахнулся и тыльной стороной ладони ударил Кузю по лицу, да так, что он упал вместе со стулом. Кровь полилась на ковёр. Кузя закашлял ею.

— Прощу! — завизжал он.

Зрелище было не для слабонервных. Кузю было жалко. Настолько, что Павел хотел извиниться и поднять его обратно. Вместо этого, он пнул его по лицу со всей силы. Он делал это не из-за жестокости или детских травм. Нет. Он знал, как и вы сейчас узнаете, что это всё, кровь и мольба: лишь акт, спектакль. На самом деле домовые очень крепкие существа и могут управлять своим организмом, вызывая кровь. Если их пожалеть, они сразу сядут на шею. Никуда не уйдут и придётся возвращать деньги. Каким бы варварским ни казался способ избавления от домового, он был единственным. И учитывая способности мгновенной регенерации, Павел знал, что действительно долгосрочно навредить Кузе невозможно, лишь пиная его ногами. Но боль не нравится никому.

Время подходило к вечеру, когда Кузя собирал вещи, кряхтя всю дорогу. Парни сидели на кухне, ждали.

Антон посмотрел на часы:

— Всё. Ровно шесть вечера. Целый год на плаву! — его улыбки не было конца, — кто бы мог подумать!

— Давно я не видел тебя таким счастливым, — сказал Павел.

Антон сразу же убавил радость, будто в чём-то провинился.

Кузя встал в дверном проёме.

— Я готов, — огорчённо произнёс он, — опять.

Они все вместе сели в машину. Кузя был на заднем сиденье.

— Определился, где тебя высадить? — спросил Антон у домового.

— Покатайтесь, я осмотрюсь, — Кузя уставился в окно.

— Только недолго. Нам ещё в магазин надо за выпивкой и закусками.

Машина тронулась с места.

— Что-то отмечаете? — поинтересовался Кузя, не отрывая глаз от окна.

— Год с открытия агентства.

— Молодцы, — ответил Кузя.

Павел в замешательстве спросил:

— Это был сарказм?

— Нет. Я действительно рад. Отличная работа. Красавцы. Молодчики. Лучшие просто.

Антон рассмеялся. Это явно был сарказм.

— Сейчас из машины выйдешь, на ходу, — сказал Павел.

Кузя проглотил то, что хотел сказать, и вместо этого ответил:

— Есть сигарета? Антон?

— Он бросил, — сказал Павел.

Антон убрал руку с руля и открыл бардачок.

Павел неодобрительно покачал головой.

— Что случилось? — спросил он.

— Жизнь, — передавая Кузе сигарету с зажигалкой, ответил Антон.

Кузя затаился.

— Хоть сигареты нормальные. Не то что у этих...

— Это, наверное, тяжело? Постоянно доставать сигареты, когда ты домовой? — спросил Антон.

— И не говори, это вам людишкам, хорошо живётся. Вот раньше, помню, когда у женщин не было прав и они могли только дома сидеть, еду готовить и вышивать, было хорошо. К нам, домовым, относились по-другому. Мы были наравне с женщинами. Они не могут голосовать, мы не можем тоже. Им далеко от дома нельзя уходить и нам. Были с женщинами заодно. А потом они решили за права свои бороться. И мы тоже. Да вот только их все послушали, и они своего добились. А мы, домовые, нет. Видимо, нам наглости не хватило.

— Или роста, — добавил Антон.

— Или роста, — подтвердил Кузя.

Павел взял сигарету в руки. Антон с Кузей удивлённо на него уставились.

— Ты чего? — спросил Антон.

— Нервничаю.

Павел приоткрыл окно, выдохнул дым из лёгких и, держа зубами сигарету, нырнул в карман куртки. Вытащил небольшую шкатулку. Приоткрыл. Показал сначала Антону:

— Ничего себе!

Затем Кузе:

— Кто счастливая леди?

Павел закрыл шкатулку с обручальным кольцом.

— Оля.

Антон хлопнул его по плечу.

— Ты не пожалейшь. Она идеальна для тебя.

Кузя выбросил бычок в окно и сказал:

— Ты уверен?

Парни обернулись к нему.

— Я к тому, что у вас-то профессия такая, опасная, разве нет?

— И что нам теперь не жениться? — спросил Павел.

Антон развернулся следить за дорогой.

Кузя заговорил:

— Я к тому, что это как-то слишком эгоистично, нет? Каждый вечер, когда тебя не будет дома, твоя Оля будет засыпать с шансом проснуться вдовой. Как долго она сможет играть в эту рулетку?

— Антон, останови машину.

Кузя опустил голову. Как всегда, он не умел держать язык за зубами.

Через минуту он стоял на улице. Смотрел по сторонам и надеялся, что каких бы жильцов он ни выбрал в этот раз, денег на Антона и Павла им не хватит.

— Думаешь, он прав? — засомневался Павел.

Антон не знал. А может, и знал, но боялся ответить. Павел был его опорой. Без него, он бы ни за что не продержался бы год. А теперь ещё этот брак. Встанет ли он на пути? Что будет дальше? Где они будут ещё через год?

— Я не знаю Паш. Хотел бы сказать, что всё будет хорошо, но... Мы же справлялись до сих пор, правильно? Да и каких-то дел между жизнью и смертью не было. Домовые, да призраки безобидные. Ты же говорил это Оле?

— Да, говорил.

— А она что?

— Думает, что я вру.

— Ты говорил ей про то дело? Про деревню и пропавших людей?

— Нет, узнай она, чем это дело кончилось, ты бы уже работал один.

#

Стол был накрыт на четверых. Павел, разумеется, ждал Олю, а Антон совсем недавно решил повторно посетить архив администрации и узнать, кто такая Катя и как она будет относиться к его ночным похождениям. Оказалось, она ничего не имеет против, пока эти похождения ограничивались охотой за привидениями.

Когда в дверь постучали, Павел от скуки подкидывал шкатулку с кольцом в двадцатый раз.

— Вижу, с Катей ты уже познакомилась, — сказал Павел, после того как бегом открыл дверь и увидел в дополнение к своей девушке ещё одну.

Антон помахал им рукой из-за стола.

— Да, мы встретились в лифте, — начала Оля, — и когда обе попытались нажать на кнопку «Три», задумчиво остановились.

Катя подхватила:

— Она сказала мне, «ты та самая Катя». На что я ей ответила — «ты та самая Оля».

Все, кроме Антона, засмеялись. Он же пытался вспомнить, когда говорил Оле про Катю. Не говорил. Да и при Павле упоминал её не так часто. Что же, пусть Катя думает, что Антон часто о ней говорит. Ему же лучше.

— Какой-то стол негустой, — объявила Оля, отдавая пальто Павлу.

Она была права. Кроме пиццы и двух бутылок вина, красного и белого, на столе стояли лишь наскоро нарезанный хлеб с ветчиной.

— Нас же не так много, — попытался утешить её Павел.

«Он всегда так делал» — подумал Антон, — «всегда пытался её утешить, задобрить».

Будто успокаивал как непослушную собаку». Хоть Антон и никогда не видел, как она выходила из себя. Может, оттого, что у Павла неплохо получалось её успокаивать.

Все сели за стол. Антон привстал и зажёл четыре свечи. Лицо Оли засветилось под ними. Только сейчас Павел осознал, что сегодня он сделает ей предложение. Шкатулка в кармане брюк, словно увеличилась, начала давить на ляжку. Этот вечер он запомнит надолго.

— Кто первый скажет тост? — спросила Катя.

— Вы же должны нас поздравлять, с вас и начнём, — ответил Павел.

— С чего это? — спросила Оля

— Ну как же, мы же не можем сами себя поздравлять.

— Антон себя поздравлял, — начала Катя, — утром у зеркала, — она посмотрела на Антона, не сдерживая улыбку, — было очень мило.

Антон проглотил кусок пиццы и ответил:

— Сам себя не похвалишь, никто не похвалит.

Катя засмеялась. Антон поддержал улыбкой. Он не считал шутку смешной, но не мог не поддержать её.

Оля не сдвинула уголки губ с места. Павел это заметил и насторожился. Что-то было в её поведении необычное. Будто её мысли были далеко отсюда. Любовник? Павел усмехнулся от мысли. Нет, точно не любовник. После стольких лет отношений. Они через многое прошли. Их связь слишком крепкая, чтобы левый мужик пришёл с тупыми ножницами и порезал все нити.

— Антон, — начала Оля, — ты можешь произнести всё, что говорил перед зеркалом утром нам и будет тост.

Взяв в руки бокал, Антон встал. Прокашлялся.

— Ты опять закурил? — спросила Оля

— Он бросал? — спросила Катя.

— Не перебивайте.

— Ты ещё не начал.

Антон начал:

— Сегодня знаменательный день! Ровно год назад, ты...то есть я, стоял на крыльце этого дома с ящиками и понятие не имел, что будет дальше. Говорил себе, что у тебя всё получится и ты сможешь пройти все трудности. Был ли ты прав? Был!

— Больше похоже на мотивацию, чем на тост — заметил Павел.

Антон задумался. Всмотрелся в бокал.

— Ладно...Если серьёзно...Последние пару лет...как бы так сказать...не были самыми лучшими. Не будем вдаваться в детали. Произошло, что произошло. Я не знал, что делать. Не знал, как дальше жить. Если бы не эта работа, если бы не Паша...всё могло уже закончиться. Приятно знать, что есть люди, которые не бросают тебя. Какими бы ни были твои дурацкие идеи. Более того, они эти дурацкие идеи воплощают в жизнь, лишь бы тебе помочь. Хочу выпить, за Пашу, который был моим напарником в этом деле и даже не думал меня бросить. Хочу поблагодарить Олю, что поддерживала его и Катю, которая в следующем году окажется в новом тосте, где я буду говорить ей как мне с ней повезло!

После небольшой паузы, ошарашенные красивым тостом, бокалы поднялись и зазвенели. Это задало тон вечеру, и уже через несколько минут все ели и весело обсуждали последние события в мире и в обыденной жизни.

К середине вечера у Павла зародилась отличная идея, как именно он хочет сделать предложение. Сначала он хотел достать шкатулку во время тоста, но после красивых слов Антона, это идея ему разонравилась. Лучше он уже ничего не скажет. Затем он вспомнил, что в шкафу у них застоялась бутылка шампанского. Что если, он возьмёт чистый бокал, положит в одно из них колечко, наполнит шампанским и поднесёт к столу? Точно! Как в кино! Например, «Человек-паук 3». Когда он вспомнил этот фильм, всё уже было решено.

— Никто не хочет шампанского? — спросил Павел.

— Я не против, — ответила Катя.

— Шампанское? После вина? — спросила Оля

— Совсем чуть-чуть, — утешил её Павел и повернулся к Антону.

Тот сидел с понимающей ухмылкой.

— Значит, шампанское! — сказал Антон, — Я помогу налить.

Павел встал и начал собирать бокалы. Чтобы их помыть. Антон взял шампанское.

— Вы его будете на кухне наливать? — спросила Катя, — Не здесь?

Оля сложила руки и подозрительно посмотрела на Антона. Он лишь ответил:

— Там удобнее.

— Чем? — настояла Оля.

Павел, толкая грудью Антона, чтобы тот сдвинулся в сторону кухни, ответил:

— Всем.

Не успели они далеко отойти, как Оля прибила их ноги к полу словами:

— Если хочешь положить в бокал кольцо, не надо.

Павел повернулся к ней, рассчитывая увидеть радость на её лице. Увидел он противоположное выражение и отразил на своём лице.

— Почему?

Оля выдохнула, встала со стола. Подошла к двери и взяла свою сумку, что висела рядом с пальто. Вернулась, обрушив сумку на стол с таким грохотом, что Катя дёрнулась не на шутку. Антон сжал двумя руками уже никому не нужную бутылку шампанского.

Оля расстегнула молнию резким движением и один за одним начала вытаскивать баночки с таблетками на стол слева направо.

— Эту я принимаю вечером, когда ты пишешь мне, что задержишься. Эту утром, когда тебя всё ещё нету. Эту, когда ты звонишь мне и говоришь, что всё в порядке. Вот эту от кишечника, на него мои нервы то же влияют. И вот эту вообще перед каждым приёмом пищи для поджелудочной.

Выставив все баночки, Оля наконец подняла голову и посмотрела на Павла.

— И ты хочешь, чтобы я так всю жизнь жила? Или пока вдовой не стану?

— Почему ты мне не сказала? — Павел медленно поставил бокалы на стол, не отрывая взгляда от Оли.

— Ты был ему нужен, — она кивнула в сторону Антона.

— Я об этом не просил, — сказал Антон.

— Да? А когда звонил посреди ночи и говорил, что не хочешь жить, что делал? Не просил? И на фоне этих слов ты предлагаешь Паше заняться ловлей привидений, монстров, домовых.

— Всё не так опасно, как ты думаешь. — утешал её Павел.

— Да, ты говорил, каждый раз, когда мы это обсуждали. Но тогда у меня не было этого.

Оля вытащила газету из сумки и бросила на стол в сторону Павла.

— Соври мне ещё раз.

Антон наклонился вперёд, прочитать заголовок. Затем посмотрел на картинку внизу заголовка и понял, что смотрит на самое опасное дело, за которое они брались в этом году. И по иронии судьбы, оно было связано с их первым делом, которое они взяли в первый день работы, ровно год назад.

Глава 6

Сомнения

За полгода до того вечера, Антон наткнулся на удивительное совпадение. Он рылся в сети «Интернет» весь вечер. Он тогда ещё не вернулся в администрацию, чтобы продолжить общение с Катей, от того вечера были длинными и одинокими. Иногда они Антону нравились, иногда нет. Тот вечер ему «не заходил». Новых дел не было. Двери офиса простояли закрытыми весь день, а телефон звенел раз, когда предлагали услуги по подключению самого выгодного интернета в его жизни. Антон сбросил трубку, отлично зная, что следующее их предложение будет ещё выгоднее. От которого он тоже откажется, ведь предложение после этого будет ещё лучше. Но от него тоже придётся отказаться, ведь следующее предложение...

И тут, Антон неожиданно наткнулся на интересную статью. Кликнув на неё, его перебросило на страницу следственного комитета, где женщина в форме, докладывала на камеру об ужасных событиях, произошедших в деревне в нескольких сотнях километров отсюда. Антону посетовал на совпадение, пока женщина не описала мёртвое тело, что... внимание, было заброшено на дерево.

Антон встал со стула от удивления. Он бы взял сигарету, если бы не бросил два дня назад. Курить хотелось страшно. Сейчас ещё страшнее.

Вернувшись на стул, глаза забегали по статье. «Люди пропадают в лесу...никто не знает...это явно не волки и не медведь, что-то сильнее...намного опаснее, никаких следов...».

Нужна была сигарета, срочно.

«Староста деревни призывает отправиться всей общиной на охоту, поймать зверя, найти и вытащить его из норы, в которой он прячется».

Дело Семёна не давало ему покоя уже полгода. Часть его мыслей всегда оставалось там, в лесу, вместе с теориями об НЛО.

К утру Антон собрал все необходимые вещи для командировки и упаковал в машину. Он хотел предупредить Павла заранее, но очень быстро уснул после того, как все приготовления его вымотали. А когда всё же решил предупредить его, мол «возьми зубную щётку», Павел уже подходил к упакованной машине, смотря, как Антон набирает ему сообщение.

— Мы куда-то собираемся? — спросил Павел, перебивая шум заведённой машины.

Антон опустил телефон и рассказал про статью.

— И? Пусть следственный этим занимается.

— Думаешь, им не нужна наша помощь? Прощлый раз вся деревня пропала. Если мы их не предупредим, будет ли эта пропажа на нашей совести?

Павел выдохнул. Да, будет.

— Далеко ехать-то?

— Часа три, два с половиной.

— И наверняка ещё на ночь останемся.

— Надо тебе зубную щётку купить.

Они сели в машину и помчали навстречу приключениям. Сначала только щётку купили.

Погода ухудшилась на полпути. И дальше становилось только хуже. Дорога, по которой парни ехали, вела к густым, чёрным тучам.

Антон включил дворники, как только западали первые капли.

— Всё ещё можем повернуть назад, — сказал Павел, на всякий случай, — можем поехать туда, как пройдут тучи.

— Может, некуда будет ехать, после туч.

Павел лишь кивнул. Он не думал, что они действительно повернут обратно. Да и не хотел. Люди были в серьёзной опасности, и только они могли их предупредить. Он лишь убедился, что они с Антоном на одной странице.

Когда пошёл ливень, и дворники еле справлялись, парни были в двадцати минутах от деревни. На повороте, где расположился знак с надписью нужной деревни, стояла полицейская машина. Проехать было нельзя. Антон остановился. Полицейский мужчина, используя куртку как зонтик, держа её над головой, подбежал к машине и заорал, пытаясь перебить удары капель о капот.

— Проезд в деревню только для жителей! Представьтесь!

— Скажем сразу лейтенант, мы здесь не живём, — ответил Антон.

— Тогда и делать вам здесь нечего!

— Но нам нужно попасть в деревню, мы приехали, чтобы помочь! Прошу, сядьте в машину, поговорим.

— Хотите поговорить, сядьте в мою!

Ветер старался не выпускать Павла, когда тот открыл дверь. Дождь помогал, ударяя ему в лицо. Пробежавшись до полицейской машины, они быстро прыгнули в неё, хлопнув напоследок дверью, оставляя за ней, холод и слякоть.

Полицейский повернулся на задние сиденья, к парням.

— Ну? Говорите.

Начал Антон:

— У нас есть информация о том, что может произойти в этой деревне. Страшные вещи. Мы приехали предупредить людей.

Полицейский ждал чего-то ещё.

— Ну так говорите, что за информация и я передам сотрудникам на месте.

Ответил Павел:

— Мы бы хотели сами всё рассказать. Ответить на вопросы. Будет лучше для всех, если мы будем там, как советники.

— А вы, простите, кто вообще такие?

— Мы специализируемся на своего рода необъяснимых вещах. Как вот эти убийства, например. Мы думаем, что нечто необъяснимое может быть вовлечено в происходящее, — последнее предложение Павел выдал из себя со скрежетом. Обычно, когда он эту фразу произносит, его осмеивают и просят покинуть помещение.

— Вы чё, эти двое, из «Агентства по борьбе с нечистой силой»? — неуверенно спросил полицейский.

Такую реакцию парни видели впервые. Особенно с произнесением полного названия.

— Да, — протянул Антон, — откуда вы нас знаете?

Полицейский развернулся, взял рацию и сообщил:

— Мужики, у нас тут из агентства по борьбе с домовыми! — сотрудник засмеялся, — пускать их? Заодно и вопросы зададите, что давно хотели.

— Опа, — раздалось по рации, — вези-ка их сюда.

Полицейский положил рацию, взялся за руль и начал разворачивать машину в сторону

деревни.

У Павла вспотели ладони.

— А может, мы на своей машине поедem? — спросил он.

— Пусть тут постоит, — ответил полицейский, — ничего с ней не будет.

— А с нами?

— У нас там оружие, — сказал Антон.

Машина остановилась.

Полицейским снова к ним повернулся.

— Да что вы говорите, а разрешение есть?

— Сказали бы мы вам, если бы не было? — ответил Антон, — Неразумно будет оставлять его здесь.

— Хорошо, иди в свою машину и езжай за мной. Этот пусть останется здесь.

Павел остался наедине с полицейский. Антон ехал позади. Вдали были видны крыши деревянных домов. А ещё, на уровне тех же крыш, виднелась сцена, на которой стояла женщина и энергично махая руками что-то говорила. Увидеть, кому она всё говорила, удалось, лишь когда они подъехали поближе, поднявшись на холм.

— Ваша подруга? — спросил Павел.

— Да, Лариса Ивановна. Майор. К ней мы и едем. Она здесь главная. Подругой лучше её не называть.

Заметив две подъезжающие машины, Лариса Ивановна напряглась. Во-первых, кто теперь на посту, не пропускает туристов, а во-вторых, туристов, вообще-то, прогонять надо, а не сопровождать, как королей в деревню.

Она быстро спустилась со сцены, не боясь поскользнуться, прошла мимо горожан, что так упорно её слушали, и увидела, как из машины выходит Павел и её коллега.

Дождь заканчивался.

— И кто это? Твои друзья? — спросила она полицейского.

— Вам разве не доложили? Это агентство по борьбе с домовыми.

Лариса Ивановна повернулась на другую машину, из которой выходил Антон.

— И этот тоже?

— Их двое. Говорят, есть информации по поводу убийств.

Толпа горожан нервно зашептала.

— Тихо! — крикнула Лариса Ивановна толпе, развернулась, посмотрела на Антона с Павлом, — вы двое, за мной.

Парни повиновались и пошли как за своей мамой.

В домике трещали поленья.

Павел в последний раз взглянул на площадь, перед тем как закрыть дверь и спросить у Майора:

— Вы оставите всех на улице, мёрзнуть?

— Гнев оставит их. И желание услышать ответы, — Лариса Ивановна выглянула в окно, на мгновение, затем указал на стулья у стола, попросила присесть.

Расположившись за столом, женщина спросила:

— И что за знания привели вас в такую погоду, в такую глушь?

— Мы уже слышали о подобных убийствах, — снимая мокрую куртку, начал Павел, — сто лет тому назад. Вся деревня, пуф, испарилась. Всё так же началось с убийств. Жестоких убийств. Мы полагаем, что и у этой общины, дни сочтены.

— Что именно случилось в той деревне?

— Мы точно сказать не можем...

— Но есть теория, — встрял Антон.

— Ничем не подтверждённая, — Павел посмотрел на него.

Не лучшая идея, эту теорию озвучивать.

— Собаки мутанты, — сказал Антон, игнорируя взгляд напарника.

Павел облегчённо выдохнул.

— Что случилось с версией про НЛО?

— Я не дурак, её озвучивать.

— НЛО?! — подняла голос Лариса.

— Видимо, ты дурак, — поднял бровь Антон.

— Остановимся на собаках мутантах — поменял курс Павел, — они должны быть большими и сильными.

Антон подхватил:

— Да, и у них должна быть нора или подземелье. В недоступном человеку месте. Собак должно быть много. Столько, чтобы разорвать всех жителей в один заход.

Лариса Ивановна опрокинулась на спинку стула:

— Агентство по борьбе с домовыми... Вы правда такой хернёй занимаетесь? Травите байки про то, что упавшая посреди ночи на кухне ложка-это проказы домового и что собаки мутанты загрызут всех ночью? Кто, кроме алкашей, на это покупается?

Антон сложил руки на груди.

— Это риторический вопрос?

— Нет, мне действительно интересно!

— Слушайте, — помешал Павел Антону, ответить на этот сарказм, — вы можете не верить, можете считать, что мы дурачим алкашей, неважно. На данный момент, все эти люди за дверью, мы, находимся в серьёзной опасности. И не имеет значения, что именно произойдёт, собаки мутанты, НЛО или что-то более обыденное, важно то, что сто лет назад, в подозрительно схожих обстоятельствах, без вести пропало две сотни человек. Здесь уже произошло четыре убийства, ровно столько же, сколько и в прошлой деревне перед исчезновением. У нас сутки, чтобы это остановить. Максимум двое.

Лариса Николаевна сжала зубы:

— Что именно вы предлагаете?

— Эвакуацию.

— Ха! Этому не бывать. И дело даже не в моей вредности. У нас нет законных оснований лишать людей домов и выкидывать на улицу. Если вы, конечно, не хотите заплатить за проживание в городе трёхсот человек.

Павел потянул тело назад к спинке. Антон опустил руки с груди. Она была права. Ничего они не могли поделать. Эвакуация? На сколько дней? И кто вообще на это решится? Кто покинет свой дом, услышав сказку про собак мутантов, тем более про НЛО?

— Если у вас больше нету идей, прошу не кормить меня безумными теориями и позволить делать мою работу. И раз вы уже здесь, у моих коллег будет несколько вопросов о вашей деятельности, о ваших методах. Прошу остаться, пока они у вас все не узнают.

— А какой у вас план? — спросил Антон, — каков ваш план действий?

— Ждать.

Павел ухмыльнулся.

— И почему я не удивлён.

Лариса Ивановна резко встала, толкая стул со скрежетом. С отвращением взглянула на парней.

— Не высовывайтесь. Не хватало ещё ваших безумных теорий в уши деревенщине заливать.

Будто нарочно топая, она вышла из домика, громко хлопнув напоследок дверью.

— Собаки мутанты? — Павел посмотрел на Антона.

— Моя новая версия. Придумал, пока ехали сюда.

— А почему подземные?

— Не знаю. Куда-то же должны люди надеваться.

— Это не объясняет отсутствие следов.

— Не объясняет, — выдохнул Антон, — собаки мутанты на летающей тарелке?

— А при чём тут собаки мутанты тогда? Можно лишь НЛО оставить.

Антон тихонько кивнул. Да, если есть летающая тарелка, собаки мутанты не нужны.

За дверью кроме шума дождя, наконец послышались голоса жителей. Они всё спрашивали, что за люди приехали и какой именно информацией они обладают. Их тон становился недовольным. Люди хотели знать, что им грозит. На кону их жизни.

Антон сорвался с места.

— Ты куда? — развернулся к нему Павел, всё ещё сидя на стуле.

Перед выходом на улицу, Антон успел сказать:

— Делать то, ради чего мы всё затеяли, помогать.

Дверь со скрипом распахнулась и влажный воздух с каплями дождя ударил по лицу Антона. Всё внимание было на нём. Лариса Николаевна сжала кулаки, напрягая жилы на шее.

— Я здесь, чтобы вам помочь!

— Помочь с чем?! — крикнул один из нетерпеливых жителей.

— Разобраться с тем, что убило ваших людей!

— Как?!

Антон широко улыбнулся:

— Следуйте за мной!

И пошёл к машине выстраивая за собой хвост из людей.

Первым к нему подбежал Павел, затем Лариса Ивановна.

— Посвятишь меня в свой план? — шёл за ним Павел.

— Он очень простой, — Антон открыл багажник, — мы убьём их. НЛО, собаки мутанты, неважно, — он достал несколько пистолетов и стал раздавать первым попавшимся людям.

Павел стоял в неверии:

— Это безумие. То же самое случилось в прошлый раз.

— Нет. Не то же самое. В тот раз, не было нас. Не было оружия.

Мачете, осинового колы, даже рогатки, всё имело спрос.

Часть людей отправились в свои дома за вилами и большими столовыми ножами.

— Да, не было. Но так же, как и они, мы не знаем, что именно убивает людей. И никакая пара пистолетов это не исправит. Мы даже не знаем во что, будем стрелять!

Павел посмотрел на Ларису Ивановну:

— Сделайте что-нибудь!

Она хотела что-то сказать, как Антон резко закрыл багажник и обратился к ней первый:

— Здесь и сейчас. Мы можем решить вашу проблему. Уже сегодня вечером вы можете быть дома. Не ночевать в этих хибарах с тонкими матрасами. Лишь пустите нас.

Павел схватил Антона и развернул к себе:

— Мы приехали предотвратить самоубийственный поход в лес, а не убедиться, что он состоится!

Лариса Ивановна подняла пистолет вверх и ударной волной грохота разбросала капли дождя в стороны.

— Хватит! Я не позволю, ни вам, ни кому-либо ещё, отправиться в лес!

Все замерли. Лариса Ивановна громко дышала и смотрела на окружающих. Они смотрели на неё. Уставшие люди, с напуганными глазами. У одних в руках пистолеты, у других большие ножи. Они окружили её. И даже полицейские мужчины, что бежали на выстрел, не могли пробраться через толпу к ней, чтобы защитить.

— Мы устали. Наши дети умирают, — говорили они, — наши друзья, наши родители. Это закончится сегодня.

И в центре всей армады, Павел смотрел на лицо, что знал столько лет, но по-настоящему увидел впервые.

— Ты можешь остаться в машине, — сказал ему Антон.

Ещё через минуту, люди, как течение, задвигались в сторону леса.

Павел стоял и мог лишь на это смотреть. Как и все полицейские, во главе с Ларисой Ивановной.

— Если хоть один человек пострадает, — начала она, не сводя глаз с толпы, — я не успокоюсь, пока вы не окажетесь за решёткой.

— Тогда мне лучше самому в этом убедиться, — ответил Павел и запрыгнул в толпу словно в уезжающий поезд.

Один из мужиков даже подал ему вилы. У него их было двое. Перед тем, как окончательно отпустить черенок, отметил:

— Сломаешь, купишь новые.

— Что если, я сломаю их, спасая тебе жизнь?

— Всё равно купишь.

Глава 7

Охота

Поиски продолжались около часа. Энтузиазм пропал в первые полчаса. Ещё час и на вилы поднимут Антона. Так ему казалось. С другой стороны, они ходят целый час по лесу и всё ещё живы.

Антон перестал искать хоть что-то и спокойно смотрел на шастающих без дела людей.

— Ждешь, пока НЛО заберёт?

— Жду хоть чего-нибудь, — выдохнул Антон.

Павел закивал. Перебросил вилы в левую руку и правой рукой ударил Антона по плечу.

— Ай! За что?! — тот схватился за руку, чуть отстранившись.

— Не знаю из чего выбрать даже. Может, за то, что ты не следовал нашему плану? Или за то, что изменил его, не предупредив меня? А может за пафосную фразочку «можешь остаться в машине»? Выбирай!

Антон не успел выбрать, как Павел его перебил:

— Может, ты забыл? Так я тебе напомню, мы одна команда! Напарники! Мы должны прикрывать друг друга, а не ослеплять и подставлять! Такое поведение быстро приведёт к смерти одного из нас!

— Да, что-то я увлёкся. Взглянул на замученных страхом людей и захотел это прекратить, во что бы не стало. Может и не стоило так рваться в этот лес.

Антон потёр плечо, а Павел вернул вилы, обратно в правую руку. Люди ходили вокруг них. Хлюпали по мокрой траве и высматривали хоть что-то, твёрдо обхватывая черенки и пистолеты. Даже женщины и дети. Один такой ребёнок, уставший бессмысленно бродить, с психа поднял палку и бросил вверх.

Все головы поднялись следом, посмотреть, куда полетит палка.

— Ты тоже это видишь? — спросил Павел.

Антон сглотнул.

— Да, — слова вырвались жалобно. По его шее пробежали мурашки.

— Это что... паутина? — спросил мужичок.

— Да нее, это не паутина, больше похоже на верёвку, — сказал кто-то из толпы.

— На шёлковую верёвку, — поправила женщина.

И маленький ребёнок наконец добавил здравого смысла в разговор:

— Так паутина, это разве не шёлк?

Ему никто не успел ответить. Всё внимание взял на себя чёрный овальный мячик, напоминающий тот, которым играют в американский футбол, только больше. Он упал откуда-то сверху, с деревьев, и плюхнулся в лужу.

— А это ещё что такое? — спросил мужик, подходя ближе. Он выставил вилы вперёд.

— Ну-ка, тыкни в него, — наседали остальные.

Так же неожиданное, как мячик упал, из него вылезло шесть лапок и открылись с десяток глаз.

— Ну теперь точно тыкай! — заорала женщина.

Мужик с криком поднял вилы как можно выше и опустил их, протыкая чёрную тушу. Паук завизжал, задёргался, и покинул этот мир.

Мужик вытащил вилы и оглядел людей.

— Всё? Победа?

Вопрос отпал, когда с деревьев упал ещё один мячик. А затем ещё один. Как ливень, начинается с нескольких капель, так и паучий град.

Люди прижимались к друг другу, окружённые падающими пауками.

— Что делаем дальше? — спросил кто-то.

Павел посмотрел на Антона, а тот, весь бледный, дрожал, крепко сжимая дробовик, не наводя его на пауков.

— Ты боишься пауков?

Антон кивнул с ужасом в глазах.

Павел, осознал, что надеяться ему не на кого. Ещё он осознал, почему никто не находил следов и как разом могли пропадать люди. Пауки передвигались по деревьям! Они поднимали людей на паутину и разделялись с ними на деревьях. Но почему сейчас они падают, почему не стреляют паутиной сверху?

Павел посмотрел на пауков, что упали, бездействующих.

— Они оглушены падением... — прошептал он себе.

— Что?! Говори громче? — закричал мужик.

Громче, он сказал:

— В атаку! Они оглушены!

Все, как с цепи сорвались. Опьянённые страхом и адреналином, они втыкали вилы в овальные, чёрные, пушистые тела. Выстрелы разносились во все стороны. Лариса Ивановна наверняка дёрнулась, сидя в домике.

— Антон! — крикнул Павел, — делай что-нибудь.

Тот стоял с закрытыми глазами, держа дула дробовика кверху. Крик разбудил его и заставил открыть глаза, закричать на упавший рядом чёрный мячик и выстрелить, разбрызгивая паучью кровь по всему лицу.

Пауки протыкались как жаренные хинкали, только вместо жира выплёскивалась густая, тёмная кровь.

Повсюду кричали люди, от злости, от замахов для нанесения удара. Кому-то началось нравиться.

Наконец, град закончился.

Последний паук был убит, и к людям возвращались чувства помимо страха и адреналина. Павел посмотрел вверх на сплетённую, словно скатерть паутину.

— Мужик! — крикнул он, — я куплю тебе новые, — и бросил вилы словно копьё с самый вверх, прорезая паутину насквозь.

Она затряслась и начала рваться, создавая волну, что потревожила всех верхних жителей.

Сначала упал лишь один. А затем, словно прорвало плотину, на них посыпались десятки чёрных мячиков зараз. Они бились о деревья, пытались зацепиться за них, но не понимали того, что понимал Павел. Деревья были мокрыми.

Дай паукам хотя бы секунд десять прийти в себя, и они бы окружили всю общину вместе с Павлом и Антоном и разорвали их в клочья. К счастью, десяти секунд им никто не давал. Паукам оставалось лишь пищать от боли и брызгать внутренностями.

Смерть настигла всех насекомых. Под конец, тел было настолько много, что они мешались под ногами при ходьбе. Приходилось поднимать ноги повыше и переступать через трупы.

Все уже решили, что битва закончилась, как раздался треск ветвей сверху. Как же паукам, да и любому ребёнку обойтись без матери.

Огромная, чёрная туша, нависла тенью над жителями деревни. Её мохнатое туловище упиралось в деревья и не давало ей быстро скатиться. Но, видимо, её вес был настолько большим, что гравитация побеждала и тянула на землю. По чуть-чуть, резкими рывками, паучиха, со скрежетом спускалась. Павлу стало понятно — она не упадёт, а медленно скатиться. Это значит, что когда её лапы достигнут земли, она, как остальные пауки, не будет оглушена. А уже это значит — кровавое месиво из мужиков, женщин и детей.

— Нам нужно убить её, пока она спускается! — крикнул Антон раньше Павла и выстрелил ей в брюхо.

Писк матки бил по ушам. Кто-то согнулся, кто-то начал убежать. Остальные схватили вилы двумя руками и тыкали в чёрное туловище.

Маленькие пауки посыпались из неё. Какие-то сразу подали замертво, другие агрессивно атаковали, но были размером с крысу и не могли нанести серьёзного вреда. Их давили ногами, протыкали вилами, те, кто не мог дотянуться до матки.

Брюхо становилось похоже на пустую сумку.

Антон встал напротив матки, всмотрелся в её красные глаза и может, даже увидел в них отчаяние. А может, все паучьи глаза так выглядят?

Антон вытянул дробовик, пустил дробь в красные шарики, и поставил точку в этом побоище.

#

Кто-то сидел у деревьев и переводил дыхание. Кто-то отходил от шока и пытался переварить произошедшее. Кто-то складывал мёртвых пауков в одну кучу. Точнее то, что от них осталось. Дети, пинали наиболее целые тушки, пасовали друг другу. А кто-то курил. Этих людей было большинство. Даже Павел не устоял перед разрядкой, что даёт сигарета в такие моменты. Кому-то не хватило сигареты и с ними понимающе делились. Кто-то кашлял, но всё равно курил. Все так же понимающе кивали.

Один мужичок обратился к Антону, сидящему у дерева с полузакрытыми глазами:

— У вас всегда так на работе?

Антон уставился в мужика, ужасаясь от одной перспективы.

— Слава богу, нет. Обычно мы даже оружие не берём. И обычно нам платят.

— Вам за это не заплатят? — все люди обернулись к парням.

Антон покачал головой.

Мужик, чьи вила, Павел закинул в паутину, жалостно сказал:

— Можешь не покупать вилы. И...если нужна картошка...

— И помидоры, — подхватила женщина.

— И огурцы, — ещё одна женщина.

И девочка, совсем маленькая, лет семи, пропела:

— Или мягкая игрушка...

— Только скажите.

Все одобрительно закивали.

— Вы спасли наши жизни.

— Не мы, — перебил их Павел, — дождь. Если бы не он, пауки спустились по деревьям и подняли нас за собой вверх.

— Вы дали нам оружие, дали сил решиться пойти, поверить в себя. Вы подсказали нам, что они оглушены. Спасли нам жизни.

Антону протянули руку, он взялся за неё и поднялся на ноги.

Жители деревни были благодарны. И даже не расстроились, когда Павел попросил их помощь дотащить матку до деревни, показать Ларисе Ивановне. В надежде, что может это займёт все её мысли и тем самым отвлечёт от обиды, что наверняка вызвал Антон в её сердце, буквально скинув с позиции лидера.

Таша здоровенную паучиху, Антон увидел улыбку на лице Павла и сразу же поинтересовался её причиной, на что, тот лишь ответил:

— Мы спасли триста человек. Думаю, это достойно улыбки.

На секунду, всё остальное, казалось, таким незначительным, даже ненастоящим. Лишь этот момент во времени, словно застывший, как финальный кадр счастливой концовки, имел вес и дарил смысл существования. И та опасность, которой они себя подвергли, в сравнении с тем, что они получили, всего лишь маленькая точка на белом листе, незаметная, отойди всего на шаг.

#

Когда из вашей квартиры неожиданно пропадает домовый, это невозможно заметить, не зная, где искать. Когда Павел или Антон говорят клиенту, что домового больше нету, тот обычно стоит посреди комнаты и пытается это понять, прислушивается к окружению, к своему внутреннему чутью, лишь бы найти отличия в «ауре» квартиры. Обычно, изменения настолько простые, что о них задумываешься лишь наткнувшись. Это может быть отсутствие головной боли по утрам или ночной судороги в мышцах. Человек меньше просыпается по ночам, кот меньше всматривается в углы комнат. Поэтому, слова благодарности в сторону Павла или Антона всегда сухие, подозрительные.

Когда в доказательство подносят паука размером с грузовик, нет никаких сомнений, что невидимое глазу, необъяснимо, но всё-таки реально.

Лариса Ивановна, вырисовывала букву «О» своим ртом. Она спряталась за своих коллег, когда паук упал перед ними.

— Принимайте работу! — торжественно объявил Антон.

— Как вы, «это», убили? — Лариса Ивановна выглянула из-за мужских плеч.

— Затыкали, всем, что было.

— Ваша помощь бы пригодилась! — крикнул местный.

Лариса Ивановна посмотрела на детей, забрызганных кровью, и прошептала:

— Простите...

Извинения были приняты холодно.

Люди начали расходиться по домам в обнимку со своей семьёй. Для них, всё закончилось. Бумажная волокита для полицейских и Антона с Павлом, только началась. Следующие часы ушли на то, чтобы в подробностях описать все события, убийство каждого паука и чем именно они были убиты.

Сотрудник полиции надел очки и ещё раз прочитал, написанное в протоколе.

— Не могу поверить, что мы действительно будем вкладывать это в дело. Пауки-убийцы.

— Готов поспорить, — убеждал Павел, — что не в одно дело нужно будет вложить этот протокол. На протяжении сотни лет, как минимум, эти пауки путешествовали по стране, по самым глубоким чащам. И каждый год, к предстоящей зиме, они запасались человеческим мясом. В нашем регионе, за сто лет, они питались дважды. Сколько деревень пропало по всей стране, страшно представить.

— За сто лет, никто не увидел последовательность, вы это хотите сказать?

— Я хочу спать.

— Может, они питались в деревнях, отдалённых от городов, от полиции, — ответил Антон, — сколько таких может быть по всей России? Деревни, что глубоко в лесу? Деревни, принадлежащие этническим народам? Учитывая, сколько неосвоенных земель в нашей стране, страшно подумать, что ещё там скрывается.

В домике повисла тишина.

Лариса Ивановна, смотрела в окно, на детей, держащих палки как дробовики. Они убивали невидимых пауков. Смеялись и прыгали, одерживая победу. Сколько детей не дожили до этого момента? Сколько пропали в таких лесах, без вести, в лапах этих чудовищ? И сколько ещё пропадут? От других лап?

— Надо звонить журналистам, — сказала Лариса Ивановна, — пусть осветят произошедшее, в газете, по телевизору.

— Журналистам? — спросил сотрудник, — зачем нам привлекать столько внимания?

— Кто-то должен. Чтобы люди знали об опасности, — Лариса Ивановна повернулась к парням из «Агентства по борьбе с нечистой силой», — соседний дом, пустой, их жильцы убиты. Там хорошие кровати, есть еда и чай. Идите, отоспитесь. Завтра, вместе с нами дождётесь журналистов. Потом... уезжайте. Мы не будем вам мешать. Занимайтесь этим дальше, спасайте людей, охотьтесь на нечисть. И если будут проблемы, звоните.

Парни, ошарашенные, поднялись из-за стола. Пожали руки сотрудникам и вышли из дома.

— Скоро... мы станем знаменитостями, — радостно сказал Антон, когда они подошли к домику.

— Скоро... мы привлечём ненужное внимание, — ответил Павел.

Глава 8

Расплата

В газете, на первой странице, гигантский паук смотрел в камеру, своими погасшими глазами. По спине Оли прошли мурашки. Остаток того ужаса, что она испытала, когда впервые увидела эту газету и осознала, чьих рук могло быть это дело.

— И что? Огромный паук? — с фальшивой лёгкостью сказал Павел. Даже Катя ему не поверила. А она даже не знала, как он выглядит, когда врёт.

— Ты так значит хочешь? Дурака включить? — Оля хотела бросить бокал в его лицо, — Я знаю, что вы там были. Боже, да вам здесь несколько абзацев посвящено.

Антон заметил, как сильно изменился голос Оли, он такой её никогда не слышал, из мягкого, тягучего тона, он стал по-детски требовательным и режущим по стеклу. Неужели и у Кати такой есть, ждёт своего часа, дремлет?

— Прости. Я не знал, что нас ждёт. Изначально, мы поехали, чтобы предупредить людей об опасности. Что в лесу их что-то поджидает. Всё вышло из-под контроля. Люди устремились в лес, вооружённые. Я не мог допустить их смерти. Пришлось идти с ними.

Оля села обратно на стул. Опустила голову и закрыла глаза руками.

— Я не знаю, что делать, — прошептала она.

Катя наконец поймала глазами Антона. Она пыталась добраться до его взгляда последнюю минуту, и теперь кивала в сторону выхода.

— Мы пойдём, подышим воздухом, — сказал Антон, делая несколько шагов к вешалке с одеждой.

Через минуту, они были на улице.

— Покажи кольцо, — Оля подняла голову и протянула руку.

Павел, передал кольцо, смотря на красные глаза своей девушки.

— Красивое, — она попыталась улыбнуться.

— Я увидел его в одном из журналов, которые ты покупаешь. «Женские сны», вроде, или как-то так. Я думал, никогда не смогу себе позволить покупать вещи из таких журналов, но бывают богатые клиенты. С тех пор, как о нас написали в газете...

— И на эти деньги ты решил купить мне обручальное кольцо? Полгода прошло и даже не упомянул, что ездил в деревню, сражался с пауками? Надеялся, что эта газета никогда не попадёт мне в руки?

Павел обошёл стол и сел рядом с Олей. Взял таблетки со стола.

— Я видел их, эти лекарства, знал, что ты их прячешь под раковину, от меня. Мне казалось, эта газета увеличит количество медикаментов, а не уменьшит.

— Знал...тогда зачем купил кольцо? Что это решит? Зачем тебе жена? Чтобы имела право попасть в больничную палату к тебе? Или подать заявление в суд о признании пропавшим без вести? — Оля отдала кольцо, — сейчас я должна сказать тебе, что-то вроде «выбирай, я или работа», но меня тошнит от одной мысли, стать таким человеком. Меня тошнит от того, что именно ты заставляешь меня думать об этом. Ты мне не нужен, такой. Мой Павел остался в лесу. С теми чёртовыми пауками.

— И часто у них такое? — спросила Катя, выдувая холодный воздух из лёгких, облокачиваясь плечом на Антона. Они на лавочке, у входа в здание.

— Не знаю. Он не любит этим делиться. Что ты улыбаешься?

— Интересно, и с кого он взял пример?

— На что ты намекаешь?

— Ты никогда не говоришь мне... о ней.

— Говорил. Когда сказал, что мы не будем её обсуждать.

— Помню, и я согласилась, пока не оказалось, что всё твои мысли заняты ей. Я вижу грусть в твоих глазах. Мне кажется, что я не могу узнать тебя ближе, потому что куда ни копни, она там. Как мы будем сближаться, если твоя душа заполнена вещами, которые ты запретил обсуждать?

Антон отодвинулся от неё и ничего не ответил. Катя боялась давить на него дальше. Они молчали, пока, размахивая пальто, из подъезда не вышла Оля. Она быстро попрощалась и пошла вдоль дороги к своей машине.

— Разделяемся? — спросила Катя.

Антон кивнул и зашёл в подъезд.

Поднявшись в офис, увидел Павла, что смотрел в окно, в котором отражался свет фар уезжающей машины. Либо Катя не смогла убедить Олю остаться, либо Оля убедила Катю бросить этих двух балбесов со своими тараканами в голове.

— Что тебе сказала Катя, она знала про пауков? — спросил Павел, не поворачиваясь.

— Ничего.

— От чего, как думаешь? От чего у нас одна работа, но у Оли один взгляд на неё, а у Кати другой?

— Хотел бы я знать, Паша. Хотел бы помочь. Что она сказала то? Надеюсь, вы сможете разобраться.

— Не знаю. Может быть, она хочет, чтобы я ушёл. Но сам, по собственному желанию. Она всегда была добра ко мне, Оля. Даже когда ей больно, — Павел вздохнул.

— И что ты планируешь делать?

#

Семён сидел на мягком диване, попивая персиковый чай, и не понимал, как всё это связано с ним: Катя, Оля, несостоявшаяся помолвка и выбор Павла, между работой и личными отношениями.

— Вы наверняка думаете, как это всё связано с вами? — спросил Антон, садясь на диван.

— Я надеюсь вы мне дальше и расскажете.

— Ваши надежды оправданы. Видите ли, Павел, огорчённый своей деликатной ситуацией...

Павел сморщил лицо. «Деликатная ситуация». Так он её называет. Будто её можно загнать в рамки одного слова. Будто это не многоэтажная проблема, полная страхов, сомнений и недопонимания.

— ... Решил, как и я, что лучшее решение отвлечься — это много алкоголя в шумном месте. Мы прибрались в офисе и отправились по барам в поисках сглаживания того вечера,

но забыли сделать одну вещь, что в дальнейшем помогло нам с вами оказаться здесь на этом диване, где я выдаю вам все кусочки пазла вашей необычной ситуации. Мы забыли выключить свет.

— И?

— Вы были у нас. Год назад. Вы увидели свет в окне и поднялись на третий этаж. Также как два года тому назад, так же как сейчас. Вы стучали в закрытую дверь, так громко, что разбудили соседей. Один из них вышел, посмотрел, кто не даёт ему спать и увидел вас.

— Если вы собираетесь дать мне кусочки пазла, то пора начинать сейчас. Я не понимаю, как мог стучать к вам в дверь, более того, как я с вами разговаривал два года назад, если я точно знаю, что этого не было. Вы говорили, что всё вопросы я смогу задать позже, думаю, время пришло.

Момент наступил. Павел с Антоном много раз его обсуждали, обыгрывали ситуацию, думали, как преподнести подобную информацию. Ведь она не только изменит его жизни, она заберёт её навсегда.

— Вы мертвы, — сочувственно произнёс Павел, находившийся у стола. — мне очень жаль, но мы ничего не можем с этим поделать.

Семён сидел неподвижно, пытаясь осмыслить его слова, казавшиеся бредом. Затем, пораскинув мыслями ещё минуту, медленно вставая, произнёс:

— Мне нужна помощь, а не ваши нелепые рассказы. Мои люди пропали.

— Ваши люди мертвы.

— Нет, — топнул ногой Семён, — Ещё есть шанс, есть время.

— Нет. Уже поздно.

— Нет! — крикнул Семён, чувствую, что теряет контроль над скоростью биения сердца, — Я спасу их. Откройте чертову дверь!

Павел взял лист бумаги, повернулся к Семёну и начал зачитывать имена.

— Что вы делаете? — раздражённо спросил он. — Я вам сказал, откройте... — язык остановился. Уши уловили имена. Этого не могло быть. Это сон! Или того хуже...

Павел зачитывал имена всех жителей деревни. Вплоть до отчества. Даже сам Семён не помнил их так точно.

— Откуда у вас этот список.

Павел поднял голову, с глазами, полными сожалений:

— Из газеты. Газеты, что вы видели сами. Пять лет назад. Когда попали в ночную библиотеку. Вы забрали страницу. И наверняка её выкинули. Чтобы в следующий раз, если решите посетить библиотеку снова, не нашли её. Остались в неведении. Нам пришлось ехать в другой город, искать эту страницу там, в тамошних архивах. Вся ваша деревня была убита. Закутана в паутину и отправлена в глубокие пещеры тайги. Мне жаль.

Последним гвоздём представления было полное имя Семёна. Который не называл парням своей фамилии и отчества. Но они его знали.

— Посмотрите ещё на это, — Павел достал из тумбочки стола газету и подойдя, протянул Семёну.

Он взял её и сразу же уронил на пол. Хватило доли секунды, чтобы увидеть огромную паучиху, как закружилась голова, колени подогнулись. Антон вовремя подхватил его.

— Я был ещё жив, — прошептал Семён в ужасе, — я видел. Видел её глаза, её клыки. Господи, столько крови.

Медленно положив его на диван, Антон набрал воды в стакан и протянул Семёну. Он

отказался. Изображение мелькали перед его глазами сколько их ни жмурь. Стучащие лапы, шелест веток. Шипение. Он сходил с ума.

Леденящий вопль вырвался с его рта, напугав всех в комнате. Вода в стакане затряслась. И самое ужасное, что никто уже не мог ничем ему помочь. Те времена сгнули в пещеру прошлого.

— Мы не знаем, почему вы появляетесь раз в год, в день, когда вы пропали, — начал Павел, как только Семён открыл глаза и на его лице появились признаки осознания происходящего, — может быть чувство вины или несправедливости. Настолько сильные, что вы имеете физическую форму, можете лежать на диване, трогать вещи. Мы никогда не встречали таких, как вы. Да и встречали, честно говоря, немного привидений за эти два года. И мы не можем вам дать успокоение в этом. Не можем ответить, что вы такое. Но можем дать кое-что другое. Мы долго над этим думали и надеемся, что это поможет.

— Мне уже ничего не поможет — сказал Семён, поднявшись с дивана.

— Прошу, пройдёмте с нами.

Учитывая, с какой суматохи началась их встреча, была почти невероятно наблюдать, что Семён послушался их и они спокойно сели в машину. Он молчал почти всю дорогу, заговорив раз, когда они выехали на трассу.

— Я помню... как всё случилось. Это мелькает у меня в голове, словно я вспоминаю сон. Моя жена, мои дети. Их пустые глаза сквозь кокон паутины. Они были мертвы. Почему я был жив? Почему мне пришлось видеть?

— Может быть, именно это безумие и держит вас здесь? Не позволяет смириться? — спросил Павел.

Ответа не последовало. Никто больше не проронил ни слова. Не посмел. Каждый остался наедине со своими мыслями, смотреть на пустой, чёрный лес.

Они остановились. Там же, где и два года назад. На трассе посреди леса.

— Приехали, — объявил Антон и вышел из машины.

Семён вышел последним. Парни уже открыли багажник и взяли по фонарику. Такой же протянули Семёну.

— А оружие? — спросил он.

— Оно нам не понадобится.

Багажник захлопнулся.

Три луча света рассекали темноту, прокладывая путь по такому знакомому лесу. Теперь уже всем троим. Если Семён по нему скитался десятки лет, то Антон с Павлом совсем недавно в нём освоились.

По возвращении в город, после убийства паучихи, первым делом, после того, как парни хорошо отоспались, они приехали в этот лес. Их интересовала высота деревьев. Их макушки. Как известно, паутина стандартного паука, разлагается примерно год. Один из основных факторов разложение — толщина паутины. У стандартных пауков, из-за своего размера и веса, отсутствует необходимость плести толстую паутину. Поэтому эволюцией она не предусмотрена. Что нельзя сказать о больших пауках размером с микроволновку, и это без лап. Толщина их паутины, должна в десятки раз превосходит толщину их маленьких прародителей. И именно поэтому, Павел достал бинокль и навёл его на макушки деревьев, чтобы разглядеть остатки той паутины по которой несли тела двухсот жителей общины Семёна.

— Есть там что? — спросил Антон

Павел никак не убирал бинокль с глаз.

— Не могу понять. Вроде что-то вижу, да только это может быть новая паутина маленьких пауков.

— Дай мне.

Антон выхватил бинокль, не дождавшись разрешения.

Павел стоял с десяток секунд, а затем спросил:

— Ну? Что скажешь? Надеюсь, НЛО не увидел?

— Очень смешно. Не знаю. Что-то белое вижу, вроде нити.

К сожалению, точно определить так и не удалось. Ни паутины, ни других следов. Парни объехали вокруг леса, смотрели на карты, пытались понять, как именно передвигались пауки и где вход в пещеру, по которой они передвигались по поселениям. Единственное доказательство, но самое веское, стало воспоминание Семёна. Если он вспомнил паучиху, значит, всё так и было. Хотя других доказательств, что случилось в этот день, пятьдесят лет назад, заполучить так и не удалось. Осталось лишь успокоить душу Семёна. Поблагодарить за его воспоминания и за то, что он обратился именно в «Агентство по борьбе с нечистой силой».

— Мы пришли, — сказал Павел и навёл фонарик на квадратный мраморный памятник, толщиной в метр и высотой полтора.

— Что это? — спросил Семён, медленно подходя к сооружению.

— Что-то, что останется после вас, когда успокоитесь, — ответил Антон. — Тел так и не нашли. Могил у вас нету. А если и есть какой-то памятник вашей деревне и её жителям, мы его не нашли.

Семён провёл пальцами по именам, выбитым в мраморе. По именам своей семьи, своих друзей. Да что там, они все были его семьёй. Слёзы на его щеках напоминали ему об этом. И боль в груди.

— Простите, — прошептал он, падая на колени и ложа голову на памятник, — простите. Я должен был вас остановить. Как я должен себя простить? После всего, что было?

— Вы можете попытаться, — сказал Антон, — боль никогда не уйдёт, но стоит отпустить хотя бы её часть.

Семён повернулся к нему и не видя его лица в темноте, спросил:

— Вы теряли кого-то?

Павел сделал шаг вперёд, хотел принять удар на себя, не давать...

— Жену, — ответил Антон, — я потерял свою жену.

— Что случилось?

Антон улыбнулся с болью в глазах. Хорошо, что их никто не видел.

— Я не знаю, — говорить о ней вслух было почти невозможно, без дрожи в голосе, — не знаю, что произошло. Кто-то, что-то убило её. И я не могу понять, что. Не могу найти виновного. Чёрт, вы даже не представляете, как я вам завидую. Как хочу подарить себе то, что подарил вам. Ясность.

Семён встал с колен. Он больше не чувствовал себя одиноким. После стольких лет.

— Спасибо, — сказал он в темноте и слился с ней навечно. Оставив Антона одного, со своей болью.

— Пойдём, — Павел легонько дотронулся до его плеча.

Антон подобрал упавший фонарь Семёна и одновременно с этим, ловко, стёр слезу со щеки.

— Пойдём.

Глава 9

Пацаны

Не замечая ночного холода, так яростно накинувшегося на щёки Алины, она повернула ключ в замке дважды, ознаменовав окончание долгой смены и готовность расслабить тело в ванной у себя дома.

Она быстренько взглянула на телефон. Ни одного сообщения. Алина оказалась никому не нужна. И даже тот парень, что сам подошёл и познакомился, взял у неё номер телефона, не отвечал на её сообщение уже целый день. «Чем он может быть занят» — думала она, стуча каблуками по бетону.

Ночной холод забрался под шерстяное пальто. Алина сложила руки на груди, поджала плечи и втянула голову в воротник.

«Дзинь» — долгожданный звоночек из кармана пальто. Алина опустила туда руку, схватила телефон и вынула так резко, что он выскользнул и полетел на тротуар. «Вдруг телефон разбился?!» — напугалась девушка и наклонилась. «Ещё и экраном вниз, точно разбился!».

Она с нетерпением поворачивает его лицевой стороной. Вздыхает. От облегчения. Не только, потому что экран не разбился, но и парень, тот самый, написал. Она только-только начинает читать сообщение про себя, как слышит шум за спиной. Где-то далеко. Шарканье. Совсем-совсем далеко. И непонятно, приближается оно или отдаляется. Алина поднимает голову, кладя телефон в пальто. Парень подождёт. Она же его ждала.

Дыхание замирает.

Шарк, шарк, шарк. Шарк, шарк, шарк. Шарк, шарк, шарк, шарк.

Оно становится чаще. Значит, приближается? Алина долго не думая, снимает каблуки и идёт по тротуару босиком. Почти бежит. Что бы это ни было, лучше ему не знает о её присутствии.

С каждой секундой ей становится страшнее. Паника пытается вырваться наружу. Алина сжимает кулаки, пытаясь сдержать её.

Шарк, шарк, шарк, шарк, шарк.

Оно ещё ближе. Ещё громче. Ещё чаще.

Шарк, шарк, шарк, шарк, шарк, шарк, шарк, шарк, шарк, шарк.

Алина врезается во что-то. В холодную ткань. Она визжит от страха. Её глаза видят только темноту.

— Девушка, девушка! С вами всё в порядке?

Алина поднимает голову и видит перед собой мужчину с озабоченным лицом, в чёрной куртке, в которую она и врзалась.

— Теперь да, — облегчённо вздыхает она, — я слышала какие-то странные звуки, там, позади.

Мужчина заглядывает ей за спину и прищуривает глаза. Ещё мгновение и его лицо наполняется страхом. Губы дрожат. В другое мгновение, мужчина уже повернулся спиной и быстро удаляется, сверкая пятками.

Алина боясь повернуться и посмотреть, что же спугнуло его, повторила за ним. Они бежали вдоль дороги, мимо тёмных домов, без единого огонька. Алина не любила этот район, в частности из-за этого. Все будто ложились спать ещё до десяти вечера.

Машина выезжает из-за угла, освещая улицу, и Алина решает обернуться, на секунду, чтобы увидеть от чего она бежит. Луч света падает на высокую, худую в фигуру с бледным, овальным лицом с огромной, нечеловеческой улыбкой, с большим квадратными зубами. Он бежит за ней. Не убирая улыбку с лица.

— Быстрее! — кричит мужчина, что бежал впереди неё. Он был последней надеждой на защиту.

Они забегают в переулок. И босые ноги Алины бегут по луже. Она наступает на острый камешек. Боль пронзает всю ногу и сваливает её на землю. Мужчина одним движением поднимает её на руки, и они вместе забегают за угол. Перед этим, в последнее мгновение, Алина успевает увидеть, как фигура с улыбкой заходит в переулок.

— Забор... — выдыхает мужчина.

— Нет...

Мужчина кладёт Алину на землю.

— Звони в полицию. Я попытаюсь его задержать.

Мужчина исчезает за углом. Алина, тяжело дыша, выбрасывает туфли из рук и ныряет в карман. Паника хватает её за горло. Телефона нет. Она быстро проходит по остальным карманам. И там ничего. Но как! Что произошло? Она не заметила, как телефон выпал? Она ведь не слышала даже стука! Если только... он его не забрал.

Фигура с улыбкой выходит из-за угла. За ним мужчина. С её телефоном. А за ним ещё трое. Да и улыбка ненастоящая, а всего лишь маска. Он снимает её. За ней уже обычная улыбка. Обычного бандита. А она в переулке с ними. Дрожит и не может вымолвить ни слова.

— Должна признать, ловко же придумано? — сказал мужчина, за которым она бежала.

Они все посмеялись, а потом он продолжил:

— Есть два варианта. Добровольно или принудительно. Выбор за тобой. Выберешь первый, может быть, останешься в живых.

— Что вы хотите, чтобы я сделала? — Алина проглотила страх, отталкиваясь босыми ногами от земли, двигаясь к забору.

— А сама, что думаешь?

— Нет, — Алина сжала зубы, — пошли к чёрту.

Мужчина выдохнул.

— Значит, принудительно. Нам не впервой.

Алина прижалась к забору, закрыла глаза и прикрыла нижней частью пальто, свои ноги, сжимая руками ткань. Ничто не могло ей помочь. Она пыталась приготовиться к тому, что её ждёт. К крикам, к боли и сильным рукам, сжимающим её запястья.

К ней приближались. Она слышала шаги. Сжимала глаза ещё сильнее.

Вдруг, что-то упало, а может приземлилось на мусорные баки где-то за спинами мужчин. Все обернулись. Алина открыла глаза. Что-то чёрное. Нет, кто-то в чёрном. С ног до головы. Лицо скрыто за маской того же цвета. В руках две небольшие палки длиной в пятнадцать сантиметров. И хоть не было видно его глаз, смотрел он на мужчин.

— Я бы дал вам возможность уйти, но слышал, как один из вас сказал — «нам не впервой». Поэтому я сломаю ваши ноги.

— Ты кто нахер такой? — мужчины вокруг смеялись. Их ведь было пятеро, — типа Бэтмен? — смех стал ещё сильнее.

— Нет. Знаешь почему?

— Ну?

— Я убиваю.

Одна палка полетела в голову. С другой он разбежался, ударил по первому попавшемуся, сломав ему нос. Оставшиеся трое накинулись разом. Они били в его черную броню, получая в ответ лишь глухой стук и боль в костяшках. Сломалась чья-то рука. В таком месиве было не понятно. Кровь захлестала вверх. Открытый перелом. Один, с ужасом в глазах, попытался убежать, пока не получил палкой в затылок и не упал навсегда. Третий лежал с протянутой рукой. Молил о пощаде.

— Как я и сказал. Не Бэтмен.

Алина закрыла глаза, слыша, как хрустнул череп и крики стихли.

Четвёртый и пятый, с которых всё и началось, поднимались на ноги из последних сил. Мужчина, что бежал вместе с Алиной, лишился глаз.

Пятый, тот самый, что был в маске, смотрел в ужасе на трёх мёртвых друзей и одного со сломанной рукой, что истекает кровью так быстро, что ни одна скорая его уже не спасёт.

Человек в чёрном поднял маску с улыбкой, всмотрелся в неё. Затем, положив на землю, сказал:

— Я тебе сделаю такую же.

Глава 10

Страх

Здесь не на что смотреть. Палец-то пустой. К тому же, стареющий. Год назад, Павел думал, что на нём появится обручальное кольцо. Год назад у него была совсем другая жизнь. Другие цели, другой взгляд на будущее. Всё как-то быстро поменялось. Сложно было заметить, как рассыпается мозаика. В руках горстка пыли. «Вот оно» — сказали сверху — «Твоё достижение». И Павел смотрит на пустые пальцы в пыли...

Загорелся зелёный. Павел нажал на педаль газа и ему осталось ехать каких-то пять минут. «Поверните направо» — сказал навигатор с опозданием. Павел и сам отлично знал, куда ехать. Он не забудет эту забегаловку никогда. Именно там они познакомились с Олей. И именно там, сегодня, Павел надеется, они помирятся. Может ли она всё ещё злиться на него? Как в ту ночь, когда она уходила. Когда стояла с сумками у двери.

— Я думала успею собраться, пока тебя нет, — огорчённо сказала Оля, увидев на входе Павла.

— Ты уходишь, даже не поговорив? Мы можем всё исправить.

Она в очередной раз вздохнула и опустила сумки на пол.

— Можем ли? Паша, я люблю тебя, но наши отношения держатся на страхе остаться одному. Я пью таблетки, а ты врёшь мне и себе, что не врёшь. Если не сейчас уходить, то когда?

— Я не хочу сдаваться.

— А я хочу.

Павел знал, что нужно было сказать. Тогда знал и сейчас тоже. «Я брошу работу, ради тебя». Вот и всё. Простые слова, но такие невыполнимые. И он сам не знал почему. Какое у него было оправдания подвергать себя опасности, рисковать жизнью и смотреть как его «будущая невеста» угасает, пожирая пилюли? Он оставался ради Антона? Прикрывал его? Может, это был выбор? Друг или девушка? Или всё было намного проще: Павел не любил компромиссы? Почему он не мог дать себе точного ответа?

Решая невозможную задачу у себя, в голове, Павел смог оставить шестерёнки мышления, когда увидел чёрно-белую палочку в руках пухленького сотрудник ДПС. И сколько ни надейся, что он не поднимает её перед тобой, у вселенной всегда свои планы.

— Старший инспектор Иван Рогозин, документы, пожалуйста.

Павел сунул руку в бардачок и достал, что просили. Иван чуть отошёл от двери и медленно листал документы. Слишком медленно.

Прозвенел телефон. Павлу пришло сообщение — «я подошла, ты где?»

— Пройдёмте в машину, — к всеобщему несчастью, сказал Иван.

— Что-то не так с моими документами?

— Пройдёмте.

Павел затряс ногой, у него не было на это времени. Он хотел к Оле. Увидеть её лицо, улыбку, глаза.

— Послушайте, меня ждёт человек и мне очень нужно попасть на эту встречу. Если хотите выписать мне штраф, я даже не буду спорить, но давайте побыстрее.

— Побыстрее не получится, — холодно ответил Иван.

— Почему? — Павел схватил ногу, останавливая дрожь.

— Я вам всё объясню, пройдёте.

— Нет.

— Сопротивление сотруднику...

— Послушайте! Я еду к своей невесте, с которой не общался целый год. Я выбивал эту встречу всё это время. Если она уйдёт, так меня не дождавшись, я всё потеряю. Слышите? Всё!

Иван Рогозин вздохнул. Посмотрел на восходящее солнце и вспомнил свою жену. Затем, посмотрел на исчезающий отпечаток кольца на пальце.

— Секунду.

Он отошёл в сторону и достал телефон.

Павел прислушался, опуская окошко до конца.

— Можем как-то ускорить процесс? Как долго вам ехать? Нет, он торопится сильно. Я знаю в чём заключается моя работа. Понял.

Иван вернулся.

— Скажите ей, вашей невесте, что вас остановил сотрудник ДПС и вы будете через полчаса.

— Ей на работу через полчаса. Боюсь, ничего поделать я не смогу.

— Я тоже.

— Вы не можете держать меня без объяснения причин.

Павел взял телефон в руки:

— Если я начну снимать.

Иван тут же схватил телефон Павла. Но не выдернул, лишь держал под контролем, и с грустью в голосе сообщил:

— Мы можем пойти этой дорогой, — усталый взгляд и уже с утра, добавлял гротескность картине, — но правда в том, что, мне приказали задержать вас на полчаса. Так легко от меня вы не отделаетесь. Может, обойдёмся без сцен? Вы позвоните своей невесте и перенесёте встречу?

Павел опустил голову на руль, а Иван отпустил телефон.

— Может ли быть она моей невестой, если не сказала «да»?

Иван машинально взглянул на пустой палец руки. Нет, не может.

#

— Что значит тебе задержали без объяснения причин? — впервые за год, Павел услышал голос Оли, — он вообще ничего не сказал?

— Меня не то чтобы задержали, скорее попросили подождать.

— Чего?

— Не знаю.

После тишины, что длилась вечность, Оля спросила:

— Это может быть связано с твоей работой?

Худшего сценария и не придумать.

— Может быть... скорее всего, — сдался Павел.

— Обстоятельства говорят сами за себя.

— Можем перенести? На завтра?

— Я не знаю Паш, можем ли? Ты спроси у своей работы и перезвони.

Оля сбросила звонок.

— Ну что? — спросил Иван, когда Павел сел к нему в машину, — она согласилась перенести?

— Трубку бросила.

Иван снова посмотрел на пустой палец.

— Эх, столько лет прошло...

— Вы о чём?

А чем чёрт не шутит? Времени у них было полно...

Тридцать минут спустя.

— Я не знаю Паша, может, ей не хватало чего. Так они не скажут никогда. Ты просто смотришь, как изменяется их поведения. Как они скатываются с горки без тебя. Сколько ни кричи, громче, тише, они тебя слышат, но и кричать в ответ не станут, обратно подниматься не будут. Впереди их ждёт другая горка. А с твоей горки захочет скатиться кто-то другой. И ты её ждёшь.

Павел улыбнулся:

— Не я один, похоже, ночами не сплю, метафоры придумываю.

Иван успел лишь кивнуть, как открылась дверь и к ним в машину, на заднее сиденье, плюхнулась Лариса Ивановна. Её дыхание было слегка сбито, она торопилась уложиться в полчаса. В руке держала чёрную папку на молнии.

— Ваня, выйди пока, покури.

Он послушался. Павел с любопытством и раздражением повернул туловище в её сторону.

— Могли просто прийти ко мне в офис, если хотели поговорить.

— Поговорить? Нам не о чём с тобой разговаривать, — спокойно начала Лариса, расстёгивая папку, — более того, этого разговора, тоже не было. Я приехала к Ване, проверить, как идёт служба. Посидела в машине и уехала к себе в комитет, — она положила кипу документов Павлу на колени, затем посмотрела ему в глаза, — ты и твой друг поможете мне поймать одну паскуду. И сделаете это неофициально. Всю информацию, что ты возьмёшь из этих документов, ты получил не от меня. Не знаю как, домовые вам напели, мне плевать. Читай.

Лариса Ивановна вышла из машины и подошла к Ивану. Они стали делать вид, что общаются и смеются. Может, и вправду общались, и смеялись. Следователи в глазах Павла были похожи на шпионов, секретных агентов. Всегда на шаг впереди.

Но не будем отвлекаться. Павел опустил голову и стал рассматривать кипу бумаг. И началось всё печально. Убрав сверху несколько почти пустых листков, ему на глаза попались фотографии мёртвых, изуродованных людей. Мужчины с раскрытыми черепами, с выдавленными глазами, сломанными руками и ногами. Все фото были сделаны в переулках, под заброшенными мостами или за гаражами. Места, где обычным людям делать нечего.

Чьих это рук дело? Павел отодвинул фотографии и вчитался в первый документ с абзацами. Они описывали характер травм, от чего именно умер тот или иной индивид. И каждый патологоанатом утверждал, что для нанесения ран требуется недюжинная сила. Следующие листки сообщали об отсутствии свидетелей на месте преступления. Хоть следы почти всегда указывали на наличие ещё одного человека.

Обычная картина преступления состояла из группы людей, которая что-то делала под мостом или в переулке. Скорее всего, они кого-то избивали или насиловали. И именно тогда появляется ещё один человек, тот, кто ломал кости, кто выдавливал глаза, кто бросал палки, да с такой силой, что сминались черепа.

Закономерность: преступник выискивал банду, что вот-вот убьёт кого-то, и останавливал их, тем же способом. С жестокостью присущему разъярённому зверю.

У следователей были подозрения, что свидетели есть, но они не обращаются в полицию. Эти свидетели и были жертвами бандитов, чьими мозгами раскрашены стены переулков. Эти свидетели намеренно не вылазят на поверхность, тем самым защищая своего спасителя. Они считают его героем, даже несмотря на все ужасы увиденные ими той ночью.

Поиски по видеокамерам тоже не дали ничего полезного. На это у следственного комитета были две версии. Линчеватель либо передвигается по крышам, либо по канализации. Ни одну из теорий доказать не удаётся.

Прошло четыре месяца с первых убийств и теперь на счету у линчевателя двадцать пять жертв. Никаких официальных свидетелей, никаких продвижений по установлению личности линчевателя. Он как ночной туман, как иголка в стоге сена.

Павел убрал документы на соседнее сиденье. Протёр глаза и открыл дверь машины. Только попытался вылезть, как Лариса Ивановна замахала руками показывая мол «оставайся в машине». Сама же оббежала с другой стороны и села к нему, отодвигая разбросанные бумаги.

— Нас не должны увидеть вместе на улице, — сказала она.

— Кто может за нами следить?

— Кто угодно. Ну, что скажешь по поводу дела?

— Я не понимаю, что вы от меня хотите. Поймать убийцу?

— Не просто убийцу. В этом говнюке явно есть что-то от самого дьявола. Он испаряется в ночи словно потухший фонарный столб. Его физическая сила поражает воображение. Здесь пахнет нечистой силой.

Павел не хотел брать это дело и благодарил судьбу, что Лариса Ивановна решила поговорить именно с ним, а не с Антоном.

— Мы не возьмёмся за это дело, и у меня есть уйма причин. Во-первых, это чертовски опасно, убийца с суперсилой, мне продолжать?

— Вы брались за дело с пауками.

— Мы не знали, что там будут пауки. Это другое. Во-вторых, как мы его собираемся искать, если вы не смогли его найти, с помощью всей вашей исполнительной власти? У нас нет кроличьей лапки или волшебной палочки. Если вы не нашли, то и мы подавно.

Лариса Ивановна кивнула.

— А в-третьих, будет?

— Могут сказать, что вся эта секретность уверенности тоже не добавляет.

— Значит, не возьмётесь?

Павел уверенно ответил:

— Нет.

— Хотела я по-хорошему, жаль, нужно всегда прибегать к плохому.

Лариса Ивановна опустила руку во внутренний карман и достала оттуда сложенный лист А4, протянула Павлу.

— Вот, посмотри.

Павел раскрыл бумагу.

— Что это?

— Это список статей административного и уголовного кодекса, по которым вас можно привлечь к ответственности.

Павел сглотнул.

— Это много.

— И уголовных там больше, если ты заметишь. Хранение оружия, мошенничество, введение в заблуждение, обман потребителя и так далее. Конечно же, часть я прямо-таки скажем, натягиваю на вас, но пару слов с прокурором, с судьёй и я думаю, они встанут на мою сторону.

— Шантаж значит?

— Сделка. Вы помогаете мне, я помогаю вам.

— Чем же? Бездействием?

— В том числе. А ещё, если вам что-то понадобится, вы сможете обратиться ко мне. С чем-то легальным, разумеется. Я по старой дружбе помогу.

— Дружба не начинается с шантажа.

— У взрослых людей, начинается.

Лариса Ивановна протянула руку:

— Найдите мне этого линчевателя, узнайте, как и какой силой он обладает. Тем самым мы поможем друг другу. по рукам?

Павел не спешил протягивать руку.

— А к чему такая секретность?

— Я уверена, что моё начальство не одобрит такой подход. К тому же, показывая эти документы, я подвергаюсь опасности штрафа и увольнения с органов. Пожимайте мне руку, и мы разойдемся.

— Вы не оставляете мне выбора.

Их руки соприкоснулись. Павел почувствовал сухость её кисти и крепкую, будто мужскую хватку. Какую никто не захочет почувствовать у себя на шее.

Лариса Ивановна начала собирать бумаги и складывать в чёрную папку.

— В деревне, вы нам сказали, что не будете мешать. Сказали продолжать заниматься, чем занимаемся, спасать людей, охотиться на нечисть. А сейчас, грозитесь закрыть нас? Что изменилось?

— Вот вам нечисть, — Лариса Ивановна показательно приподняла папку, — охотьтесь на здоровье. И людей спасёте. А если откажетесь, я со спокойной совестью прикрою вашу калитку, ведь буду знать, что вы перестали охотиться на нечисть и вас интересует только деньги алкашей, коих докучают домовые.

Глава 11

Прошлое

С каждой новой минутой, морщин на лице юриста становилось всё больше. Это напрягало, подтверждало опасения. Ко всему прочему, в кабинете юриста стоял неприятный запах табачного дыма. Вот только никто не курил. Антон даже и думать не хотел, что у них в офисе пахнет точно так же. А Павел знал — у них в агентстве так и пахнет.

Вентилятор, крутящийся во все стороны, не мог избавиться от вони.

Наконец, юрист положил документ на стол и снял очки.

— Ну, Влад, не томи нас, — ёрзал Антон на стуле, — что мы нарушаем, заключая договор на изгнание домового или привидения?

Влад выдохнул, но совсем не так, как надеялись парни.

— Если уж обобщить, взять, так сказать, ваш договор и приложить его на гражданский кодекс в широком смысле, то перед нами договор оказания услуг.

Хорошие новости. Осталось узнать про узкий смысл и мчать к Ларисе Ивановне с отказом.

— А если не обобщать?

— Тогда это, то же, что и туалетная бумага. Вы где взяли образец?

Или не мчать. Плестись.

— В интернете нашли.

— Вы же понимаете, что всё не так просто? Особенно, и я повторю, особенно в вашем случае.

Павел вмешался:

— Хорошо, хорошо, мы поняли, всё плохо. Можете поконкретнее?

Влад снова взял в руки договор, побегал глазами и выдохнул ещё показательнее, чем в первый раз.

— Если конкретно, то любой ваш клиент может не только вернуть все свои деньги, но и закрыть вашу конторку, достаточно обратиться в суд. Вы ни за что не выиграете. Более того, вы глазом моргнуть не успеете, как вам вменяют административку. Любой прокурор с радостью вас съест. Вам повезло, что вы два года спокойно жили.

— А уголовка может быть?

Влад опустил договор и откинулся на спинку кресла.

— Если прокурор захочет, то и её впаяют, — он увидел страх в глазах парней, — Почему вы сразу не пошли к юристу за консультацией?

— Мы особо не задумывались, если честно. Мы же никого не убиваем, не обкрадываем, не обманываем, — ответил Антон.

— А сейчас, что спохватились?

— Паше следователь пригрозил. Дал нам список статей, которые мы нарушаем.

Павел достал бумажку из кармана и передал Владу. Тот, быстро просмотрев её, ответил:

— И что хочет от вас этот следователей?

— Чтобы мы поймали неуловимого линчевателя. Слышали о таком? — спросил Павел.

— По мне, так он улицы очищает, — Влад протянул бумажку обратно Павлу, — жаль, что вам придётся его ловить, потому что, судя по списку статей, выбора у вас нет.

— Значит, следователь не блефовал?

— Более того, поленился дописать.

Выходя из кабинета Влада, его секретарша, милая двадцати трёхлетняя выпускница университета, заметила, как у Антона с Павлом изменились лица. Выходили они угрюмые, будто идут на войну. Антон даже ей не улыбнулся, как сделал при входе. Она слегка расстроилась хоть и не призналась себе в этом. Когда парни спускались по лестнице, она слышала, как они начали спорить, а потом дверь громко захлопнулась за ними.

— Да потому что, — повысил тон Павел, подходя к машине, — ты был опьянён идеей и тебе в голову не пришло, что нужно подойти к этому со всей серьёзностью, с должной тщательностью!

— А ты что молчал? Что-то я не помню, чтобы ты спросил: «Антон, а у нас точно всё с юридической точки зрения схвачено?». А знаешь почему?

— Видимо, ты знаешь.

— Потому что ты привык всё на блюдечке получать!

Люди стали оборачиваться на Антона. Ему было всё равно.

— С самого начала, вся ответственность лежала на мне. От поиска места до, блин, посуды. Может быть, если бы ты мне помогал, мы бы и отнеслись к этой работе с должной тщательностью.

И опять, если в ситуации с Олей, Павел знал, что нужно было сказать, так же и с Антоном, он знал, что говорить не нужно. Только любви к другу не хватило, чтобы сдержаться.

Антон открыл дверь машины, думая, что они закончили, как Павел выплеснул:

— Это была твоя идея. Я видел в каком состоянии ты был после смерти Анны. Пришлось согласиться. И если мы играем в «если бы, да кабы», то если бы я не тратил большую часть времени на поддержании тебя во вменяемом состоянии, чтобы ты с моста не сиганул, я бы смог отнестись к подготовке с должной тщательностью.

Антон хлопнул перед собой дверь, Павел дёрнулся.

— Каков герой! Так, наверное, тяжело быть тобой. Каждый раз придумывать оправдания своим действиям. Как же повезло твоей невесте, — Антон ошарашенно вдохнул, прикрыв рот ладонью, — Хотя подожди, вы с ней расстались! Но слава богу, у тебя и на это есть оправдания. Ты снова прикрылся мной и моим давно забытым желанием болтаться в петле. И, конечно же, ты бы бросил эту работу, не будь тут меня. И, конечно же, она тебе ни капли не нравится самому.

Павел оскалился, имитируя улыбку.

— Я возьму такси.

— Да, я так и подумал.

Антон открыл дверь, сел в машину и быстро оставил Павла одного на тротуаре.

#

Разбираясь в бумагах, распечатанных для удобства, Антон третий час не мог ничего найти. Отдыхая от печатных букв, он бродил по форумам в поисках свидетелей убийств линчевателем.

Иногда пил чай или лежал на диване, смотря в потолок, всё ожидая, когда придёт Павел

и поможет ему. Не стоило говорить про Олю. Погорячился. Позволил эмоциям взять верх, страху. Что тут сказать, в тюрьму не сильно хотелось.

Бросая надежды на появления Павла, Антон снова садился за бумаги. Он в очередной раз просматривал схемы канализационных путей и пытался определить, где примерно живёт линчеватель. Да только точки, что он понаставил, указывая места нападений, были донельзя случайными, разбросанными по всему городу. Линчеватель не выбирал места нападений ближе к какому-то месту или хотя бы улице. Никакому категорированию они не поддавались категорированию.

Может, связь найдётся, если предположить, что линчеватель передвигается по крышам? Антон тщательно осмотрел фотографии улицы с высоты птичьего полёта и смысла становилось ещё меньше. Пространство в некоторых местах, между одной крышей до другой было слишком велико. И если линчеватель не черепашка ниндзя, ему ни за что не перепрыгнуть с одной крыше на другую.

А если всё же черепашка ниндзя? «Тогда Рафаэль» — подумал Антон, — «Только у него хватит характера ломать кости и выдавливать глаза. Как бы сказали в народе, „только у него есть яйца“. Не то чтобы у других черепах яиц нету...а у черепах вообще есть яйца? Господи, о чём я думаю, как черепашки яйца, помогут мне найти линчевателя?».

А что насчёт крюка-кошки? Думая, что линчеватель может передвигаться по крышам словно Бэтмен, Антон открыл первое попавшееся видео на ютубе и разочаровался. Эффективность крюка-кошки была сильно преувеличена киноделами.

Тогда как он не попадает ни на одну камеру? Как передвигается, оставаясь незамеченным никем? Антон сложил в одну стопку схемы канализации, фотографии крыш и отложил в сторону.

Может быть, ответ где-то ещё? И дело не в том, как он передвигается или где найти свидетелей. Ведь мы говорим о человеке лишённого страха смерти. Он открыто нападёт на толпу убийц и насильников. Презирая их, он сам, не кичиться их методов. Ломает руки и черепа. Кто на такое способен? Какое прошлое стоит за этим?

Антон пододвинул другую кипу документов и расположил перед собой. Перед ним, распечатки всех трагедий и ДТП, произошедшие за последний год. Все, что они смогли найти, по крайней мере, в газетах, в социальных сетях. По закону жанра, нужно искать трагическую смерть жены и детей, с водителем мужем. Таких не было. Было бы слишком просто. Кто-то падал с крыши, кто-то умирал от передозировки. Такие смерти не заставляют родственником заниматься правосудием. Изнасилования обычно кончались арестом виновника. А убийства совершались одни алкашом в отношении другого алкаша. Антон опустил голову на стопку бумаги. Шёл пятый час.

Хорошо. Остановимся на одной мысли: трагедия должна быть. Никто не выбегает по ночам, чтобы зверски расправиться с бандитами просто так. Должна быть причина. Такая же, как у Антона при открытии агентства. Они оба нашли способ сбежать от собственных мыслей. Разные, очень разные способы.

Думай, Антон! Что мог делать линчеватель в первые месяцы после трагедии? Вы не отличаетесь. Найди зацепку. Вспоминай.

Антон поднял голову, отодвинул кипу бумаг. Дал себе секунду посомневаться, затем встал со стула, подобрал ключи от машины и точно знал, куда направиться дальше.

Алина почти уснула в кресле, когда высокий человек в белой робе затряс её за плечо. От него пахло хлоркой и старыми людьми. Девушка сморщилась, поднимая голову.

— К вам гости, — сообщил санитар и помог ей подняться.

Месяцы в больнице сделали Алину неповоротливой. Она хотела спать, даже когда спала. Очень сложно понять смысл этих слов, пока вам не прописали специальные «успокоительные» таблетки, которые нужно было принимать до еды, во время еды и после еды. Врач говорил, что это не только для её блага, но и для безопасности всех мужчин вокруг неё.

В коридоре их ждал Павел. Он попытался поздороваться с Алиной, но ей было всё равно. Она даже на него не посмотрела.

Через несколько минут, когда мужчина в белой робе провёл их в кабинет, ей пришлось посмотреть Павлу в глаза. Смотреть в этой тесной камерке было больше некуда. Санитар вызывал отторжением и страх, независимо от количества специального «успокоительного». Так и хотелось выцарапать ему глаза... хотя бы один.

— Алина, — мягко произнёс Павел, — вы можете мне сказать, что вас сюда привело?

Девушка опустила голову и стыдливо признала:

— Я напала на человека.

— Зачем вы это сделали?

Она начала царапать деревянный стол.

— Он хотел причинить мне вред.

— Какой именно?

— Говорят, я красивая — Алина подняла голову и улыбнулась, — что бы вы хотели со мной сделать?

— Насколько я понимаю, — Павел придвинулся поближе, — это был ваш друг, человек на которого вы напали? Вы знали его с самого детства. Вы уверены, что он хотел причинить вам вред?

— Уверена.

Хотелось человека поговорчивее, но откуда здесь такие.

— С чего такая уверенность? — Павел боролся с поднимающимся раздражением.

— Вы все такие.

Павел обратился к санитару.

— Она, когда-нибудь, не будет под успокоительным?

Мужчина ничего не успел ответить.

— Все... Кроме одного, — прошептала Алина.

Бинго.

— Кроме кого?

Павел скрестил пальцы под столом.

— Человека в чёрном.

Он сжал кулаки от радости.

— Можете рассказать что-нибудь про него? Как он выглядел?

— Как тень... Как... добрый дьявол.

— Ага, может, какие-нибудь человеческие черты? Он был в маске?

— Да

Этого Павел и боялся. Все его поиски привели к свидетелю, который скажет, что линчеватель был в маске. Он столько больниц объездил, столько больных опросил, притворяясь братом, родственником, сотрудником полиции и всё напрасно. Пять часов коту под хвост. Павел встал, махнул на девушку рукой и развернулся к двери.

— Он называл меня так ласково...Настенька. Гладил по голове и говорил Настенька... Настенька... всё теперь хорошо будет. Я пытаюсь ему сказать, что меня Алина зовут, а губы дрожат, не дают. И он всё шепчет и шепчет...Настенька.

#

После смерти Анны, когда алкоголь стал мешать повседневной жизни Антона, ему предложили взять отпуск на работе и походить в группу поддержки.

Стоит ли говорить, что Антон бы не в восторге. Он сидел в кабинете директора и слушал как представитель отдела кадров, настоятельно, рекомендовано-принудительно предлагал на выбор несколько групп.

Антон поднял со стола брошюру.

«Группа поддержки „Новая жизнь“ поможет встать на счастливый путь, побеждая самые большие ваши страхи и горести!»

— Точно не эту, — ответил Антон и потянулся за другой.

— Выбирайте, выбирайте, мы вас не торопим, — ответила неприятная женщина в дешевом костюме.

«Группа поддержки „Не вашим, а нашим“. Заберем всю вашу отрицательную энергетику и...»

Антон бросил брошюру. Осталась последняя.

«Группа поддержки „Свет во тьме“. Мы все там были, и все хотим выбраться».

— Эту.

— Хорошо. В любом случае, это просто филиалы одной организации.

Три года назад, Антон впервые посетил «Свет во тьме». Сложно говорить, о действенности этой группы поддержки, когда из воспоминаний остался только вкус печенюшек, что выставляли на общий стол.

Как раз к этому столу сейчас и подошел Антон. Он положил печенюшку в рот и стал осматривать помещение, думая — «Если бы я был линчевателем, как бы себя вел на таких встречах».

Печенье размякло во рту и его захотелось выплюнуть. В прочем, Антон так и сделал. В свою руку.

— Не те, что раньше, — сказала мужчина рядом.

— Что? — спросил Антон.

— Печеньки. Раньше были намного вкуснее.

Может, это линчеватель? Вокруг ходило много людей. Они ждали начала программы. Когда все сядут по своим местам и начнут по очереди изливать душу. Так почему подошел именно этот мужчина?

— А вы кто? — спросил Антон.

Так и скажи, что линчеватель, избавь от поисков.

— Андрей. Я веду эту группу. А вы? — мужчина протянул руку.

Антон представился и пожал её.

— Вы то мне и нужны.

— Я здесь всем нужен.

— Мне вы нужны по другой причине. Мне нужна информация. Конфиденциальная. Я ищу линчевателя. Слышали о таком? Убивает бандитов в переулках.

Дружелюбность пропала с лица Андрея.

— И что вы хотите от меня?

— Кто-нибудь приходил к вам с рассказами о том, как сильно ему хочется убивать людей? Желательно по ночам и в переулках. Я думаю, вы поняли куда я веду.

Андрей взял в рот печенье, пожевал и выплюнул себе в руку.

Они оба стоял с кашей в ладонях.

— Что будет, если я скажу нет? Вы знаете, что я имею полное право это сделать.

Антон поднял салфетку со стола и взял ею пожеванное печенье из ладони. Выкинул в ближайшую мусорную корзину.

— Хотите посмотреть на фото жертв?

— Я видел. По сети гуляют.

— Вы можете это остановить.

— А что если он чистит улицы?

Антон взял еще одну салфетку и передал Андрею.

— Полиция чистит улицы. А он...

— Делает это лучше? — Андрей нагнулся и выбросил салфетку с печеньем, — Где была полиция, когда эти бандиты загоняли людей в переулки? Чтобы стало с этими людьми не появись он? И вы хотите его остановить? Более того, вы хотите, чтобы я вам помог?

— Знаете, как бывает легко повесить на человека ярлык и не задумываться о том, что в жизни всё делиться не только на черное и белое. С виду всё просто: бандиты, люди готовые на ужасные вещи ради собственной выгоды или развлечения. Линчеватель — герой. Спасает жизни, наказывает злодеев. Но почему никто не задумывается о мотивации героя? Вы сказали, что видели фото жертв. Разве герой может так поступить? Что если, он получает удовольствие от убийства? От жестокой расправы? Что случится, когда он остановит всех преступников? Когда не сможет утолить жажду?

Андрей хотел сказать что-нибудь против. Думал, искал причины отказать. Но знал, что спать спокойно он не сможет.

— На компьютере, в моё кабинете, есть база данных. Имена всех, кто приходит, даже на одну встречу, — Андрей неожиданно сменил тему, — У вас бывало такое, вышел из дома и думаешь, закрыл ли дверь или нет?

— Иногда.

— Вот у меня тоже самое. Хорошо, что у нас тут есть вахтер, который следит по ночам, кто заходит и выходит. Не спал бы еще. После двух где-то. Прямо на стуле своём.

— Но дверь входную то закрывает?

— Да, — Андрей помедлил, — Но туалет, по ночам, проветривают...

Под не работающим фонарным столбом стояла машина. Внутри неё Антон доедал большую пачку чипсов. Хотелось пить. И когда в машину сел Павел, Антон первым делом потянулся за водой, что попросил его купить.

— Спасибо, — облегчённо сказал Антон, опуская бутылку воды на колесо.

— Объяснишь, что мы тут делаем?

Антон снова поднял бутылку и сделал несколько глотков, затем громко выдохнув, будто выплыл из глубин океана, сказал:

— Ждём двух ночи, плюс-минус. Будешь чипсы?

— Нет, спасибо. И что случится в два ночи, плюс-минус?

Антон закрыл бутылку и убрал в бардачок.

— Мы выкрадем список людей, которые ходили в группу поддержки.

Павел поразмыслил.

— А мы знаем кого искать?

— Нет.

— Мы уверены, что в этом списке будет этот человек?

— Нет.

— Тогда повторю, что мы тут делаем?

— Ищем иголку в стоге сена.

— Стог, это преуменьшение. Как ты вообще нашёл это место?

Антон не жаждал отвечать на этот вопрос, но хоть какие-то объяснения он должен был дать своему другу.

— Один знакомый сюда ходил.

— И что случилось у этого знакомого?

— Жену убили. А потом ему посоветовали сходить сюда. Он не верил в это место, но какой выбор у него был. Застрелиться?

— И что в итоге? Ему помогли?

— Отчасти. Не только это ему помогло. Друг у него хороший... был.

— О как, был..., — Павел выдохнул, — извини, что наговорили всякого. Не подумал. Ещё этот юрист настроение испортил.

— Да, я тоже отличился. Не стоило Олю упоминать.

— Не стоило... — Павел посмотрел в окно, — значит, ты думаешь, что линчеватель мог быть здесь? Думаешь, его преступления связаны с прошлым, с которым он борется до сих пор?

— Все мы боремся с прошлым, у кого-то просто хуже получается.

На часах два ночи, плюс-минус. Только они вышли из машины, Павлу сразу не понравилась эта затея. Он чувствовал себя преступником, хотя ещё сегодня днём притворялся кем угодно, но не собой, чтобы попасть в психиатрическую лечебницу. Скрытое проникновение на чужую собственность, казалось, за чертой дозволенного его же совестью.

— Может это ловушка? — спросил Павел, когда они подошли к окну туалета.

— Есть только один способ узнать. Подсоби-ка.

На удивление, Павла устроил этот ответ. Он сцепил запястья кистями рук и вытянул их вперёд. Антон наступил на них ногой и оттолкнулся, хватаясь за узкую форточку туалета.

— Пролезешь хоть?

Антон кряхтел, но пролезал. Он вытянул руки вперёд, хотел встать на них и ногами

нащупать подоконник. Но как это обычно бывает, в голове всё проходит плавнее.

Павел услышал грохот от падения.

— Ты там как, в порядке?

— Да, — встал Антон, отряхиваясь, — жди меня тут.

Поднявшись на четвёртый этаж, он дёрнул за ручку. Дверь открылась. Антон прошёл по тёмному залу к офису Андрея. По пути думая, каким же доверчивым тот оказался. Зайдя в офис, понял, что красть особо нечего, и может поэтому Андрей так спокойно рассказал, как сюда попасть.

Антон включил древний компьютер и стал ждать пока он загрузится. Дальнейшая процедура всем известна.

Павел сидел на траве и прислушивался к каждому шороху. Когда в туалет кто-то зашёл, он прижался к стене.

— Псс, Паша, ты тут?

Павел подошёл к окну.

— Лови бумаги.

Антон бросил в форточку толстую кипу документов, соединённых большой скрепкой.

— Чё так много-то?

И вправду много, было страниц пятьдесят.

— Да я сам в шоке, — Антон просунул голову в форточку, — лови меня.

С горем пополам, напоминая могучих рейнджеров, что соединяются в Мегазорда, Павел смог поставить Антона на ноги без происшествий.

Они быстренько вернулись в машину и только тогда победно выдохнули. А потом вспомнили о результате вылазке.

— Слишком много. Этим списком только подтираться, — сказал Антон, листая документ.

— Вычеркнем женщин, может станет меньше.

— Даже если на половину, всё равно много.

— Будем вбивать каждого в поисковик. Смотреть, может кто наследил и связан как-то с насилием, — пытался утешить его Павел.

— Или трагедия с их участием. Что-то, что оставило неизгладимый след.

Павел опустил голову и поводил пальцем по панели машины.

— Настенька..., — зашептал он, — Настенька... Мне кажется, у нас есть способ сократить список ещё сильнее.

Глава 12

Снотворное

Парни купили в магазине несколько энергетических напитков и поднялись на третий этаж, в свой офис. Свет в здании горел только у них.

Павел включил компьютер и зашёл на свою почту. Там его ждало сообщение от Ларисы Ивановны, которая так же не спала в столь поздний час. Она сбросила им на почту список всех умерших Анастасий за последние пять лет. Линчеватель не просто так это имя произносил. Оно должна быть связано с личной трагедией.

Антон с Павлом расположились на диване и взяли список людей из группы поддержки. Вычеркнули всех женщин и стариков. Взяли список Анастасий и вычеркнули женщин преклонного возраста.

Остальная система выглядела так: они брали фамилию из списка мужчин посещавших когда-либо группу поддержки, например, «Иванов» и обводили в списке всех Анастасий с фамилией «Иванова». Затем взяв новую фамилию, они повторяли процесс, чтобы в конце, когда парни пройдут по всему мужскому списку, они смогут вычеркнуть из женского списка всех необведённых Анастасий и у них останется:

— Двести сорок две Насти, — заключил Антон, почёсывая затылок, — Я ожидал меньше. Человек десять.

Павел прицелился и бросил пустую банку энергетика в мусорное ведро у стола. Промахнулся. Он посмотрел на одинокую смятую баночку и огорчённо сказал:

— По сто двадцать одной Насте каждому. А сколько мужиков осталось?

— Мы их не обводили даже.

Антон смял свою банку и прицелился в ведро. Его телефон зазвонил раньше, чем он успел сделать бросок.

Павел услышал голос Кати в динамике, но что она говорила разобрать не смог.

— Да, я забыл сказать, что задержусь, извини. С утра только буду...не знаю. Да, по линчевателю...пока...Катенька, — Антон сморщился от последнего слова и положил трубку.

— Ты забыл сказать, что не придёшь домой? — Павел поднял брови.

— Почему ты на меня так смотришь?

— И как она отреагировала?

— Нормально.

— Ничего не сказала? Ничего, ничего?

— Должна была?

— Если я не предупредил Олю, что не приду, она начинала думать, что мне домовый по башке дал и я в канаве валяюсь.

— Мы никогда не ловили домовых в канаве.

— Ты понял о чём я. Как Катя так спокойно реагирует на это?

— Не знаю. Мы никогда не поднимали эту тему.

— Сколько вы уже встречаетесь?

— Год с чем-то.

— И ни разу?

— Ни разу.

Павел опустил голову в бумаги. Почему его отношение с Олей не могли быть такими?

Как Катя может доверять ему и не беспокоиться? Может быть действительно, он просто несовместим с Олей? Может быть, они слишком разные?

— Что странно, — начал Антон, — я назвал её Катенькой и мне чуть язык не свело. Кто называет свои девушку или жену таким уменьшительно-ласкательным словом — Настенька...? Паша? Ты слушаешь?

— Да, да, — он поднял голову.

— Никогда в своей жизни так никого не называл. Это то же самое, если я назову тебя «Пашенька». Как ты себя почувствуешь?

— Как ребёнок.

Лампочка загорелась. У кого-то раньше, у кого-то позже, но они оба крикнули:

— Ребёнок!

#

К утру, Павел отправил Ларисе Ивановне десяток мужских имён и к каждому был прикреплен Анастасия с такой же фамилией и недавнего года рождение.

К вечеру они установили родство между одним мужчиной и одной девочкой.

Осталось понять, как именно определить: является ли мужчина линчевателем.

Всегда был самый простой: пробраться ночью в квартиру и обыскать её. Простой он был лишь потому, что до него они додумались сразу. Он был сложный в исполнении. Мужчина жил на четвёртом этаже многоквартирного дома. Парням нужно было каким-то образом, открыть дверь и надеяться на отсутствие дотошных соседей, что не смогли бы удержаться от глазка.

Открытие двери было наиболее сложным манёвром. Нужно было достать ключ, а точнее, украсть его. Узнать, где работает мужчина, пробраться к нему на работу и вытащить ключ из куртки. Сделать слепок или выкрасть с возвратом, до того момента, как он поймёт о пропаже.

— Это же уголовка? Если мы попадёмся?

— Да, — ответил Павел.

Можно было поговорить с этим человеком. Наткнуться на него в супермаркете и завязать разговор. А лучше, встретить его в баре за кружкой пива. Подсесть к нему и помочь развязать язык, заказав ещё по стакану. Таким образом, втереться к нему в доверие и дожидаться, пока он не пригласит выпить дома, или там же в баре не расскажет трагичную историю гибели дочери и о том, как он решил унять боль от этой потери.

Оставался ещё один вариант. Самый скучный, но самый надёжный. Постоянная слежка у дома до тех пор, пока линчеватель не нанесёт новый удар. Если во время убийств мужчина будет дома, смотреть телевизор, то слежка сразу же прекратится и можно будет вычеркнуть его из списка подозреваемых. Или смять этот список и выкинуть, ведь на нём всего один человек.

Шесть дней подряд парни сидели в машине напротив дома и смотрели на телефоне фильмы. Павлу было дома особо делать нечего и поэтому он с безразличием прожигал дни в машине. Антон же, за вечер мог пару раз созвониться с Катей, пожелать ей спокойной ночи и возвращался в машину.

На седьмую ночь, когда все фильмы, что они запланировали посмотреть, закончились, и

оставалось лишь бессмысленно пялиться в лобовое стекло, Антон спросил у Павла:

— Ты куда-нибудь ходишь? В бары или клубы, по вечерам? А то мы тут уже неделю, а ты не отпросился даже.

— Зачем мне куда-то ходить?

— Знакомиться с кем-нибудь. Ты уже год без Оли, а всё ни с кем не подружился.

— Откуда этот странный вопрос? Ты же знаешь, что я не хожу в такие заведения и никогда не ходил. Если хочешь спросить, что-то, спроси напрямую?

Антон повернулся к Павлу полу боком и устроился поудобнее.

— Ты ещё надеешься помириться с Олей?

Павел покраснел.

— Конечно.

— Даже не считая того, что она переносит встречу уже вторую неделю, после того как вы не встретились из-за гаишника?

— У неё дела.

— Ты действительно так думаешь?

— Откуда такой интерес?

— Тут особо заняться нечем, особенно на седьмой день. Так что отвечай на вопрос.

— ...Свет загорелся.

— А?

Павел придвинулся к лобовому стеклу и поднял голову. В квартире мужчины загорелся свет... В три часа ночи.

— Может, он попить пошёл на кухню, вот и включил?

— Он в зале. Я запомнил расположение комнат.

— У меня в детстве холодильник в зале стоял.

— Нет, нет, нет, ночью он никогда не включал свет в зале. За шесть дней, хочешь сказать, он ни разу не вставал попить? Что изменилось в эту ночь? Он пришёл домой как обычно, никуда не уходил, придерживался рутины. А тут?

В окне промелькнул чёрный силуэт и через секунду свет погас.

— Всё, видимо пошёл спать, попил, — сказал Антон.

— Что-то тут нечисто, я выйду из машины, так будет видно крышу дома.

Антон рассмеялся.

— Ты же специально это говоришь, чтобы Олю не обсуждать, придумал как из машины выйти!

— Ты за кого меня держишь, — улыбнулся Павел и, открыв дверь, вышел. Обошёл машину и встал подальше от неё, со стороны Антона. Тот опустил стекло двери и сказал:

— Всё равно от меня не уйдёшь, придётся... — чтобы не хотел сказать Антон, его остановила шоковая гримаса Павла, смотрящего вверх.

Антон просунул голову в окно машины и посмотрел, что так удивило друга.

А причина была уважительная. На крыше пятиэтажного дома стояла чёрная фигура. Она осмотрелась по сторонам и сиганула к краю дома.

— Он собирается... — Антон раскрыл рот.

Плавным, будто не требующим сил прыжком, фигура перебралась на крышу другого дома, преодолевая дюжину метров. Фигура снова осмотрелась по сторонам и повторила прыжок.

Павел обежал машину и сел обратно. Антон её заводил.

— Не могу поверить, что мы оказались правы! — нажимая на педаль газа, сказал Антон.

— Я знаю! Знаю!

Они выехали на дорогу и пытались поймать глазами фигуру.

— Тут налево! — крикнул Павел.

— Да вижу я, вижу. Какой наш план? Едем, пока он не остановится?

— Наверно?

Антон резко повернул налево и тёмную фигуру теперь отчётливо было видно из лобового окна.

— Наверно?!

Педаль газа упала в пол.

— За семь ночей мы не придумали, что делать окажись мы правы?

— Может, остановимся? — сказал Павел нехотя.

— Тогда он точно кого-то убьёт...

— И посадит ещё одну девушку на таблетки!

— Это лучше, чем насильственная смерть!

— Тогда почему мы преследуем его?!

— Чтобы спасти свою шкуру.

— Направо! — крикнул Павел.

Только они повернули, сразу закрутили головой.

— Где он? Только что же был тут! — крикнул Антон, приподнимаясь с сиденья.

Смотрели бы они оба прямо, может быть успели затормозить, перед тем, как тёмная фигура приземлилась впереди них и не двинулась с места.

— Тормози! — закричал Павел.

Антон ударил по тормозам, но было уже поздно. Они въехали в фигуру как в фонарный столб. Подушки безопасности заполнили приподнявшуюся машину. Задние колёса крутились в воздухе недолго, машина с грохотом приземлилась на асфальт, разбрасывая куски машины разных размеров во все стороны.

На пустой дороге, посреди ночи, двое парней, грезил о своих утерянных жёнах.

#

Медсестра кричит каким-то детям:

— Не бегать.

Мальчишки, ничего не слыша, скрываются за углом длинного коридора.

«Жаль, у них ноги не сломана» — думает она и тут же корит себя за такую мысль.

Старческая вредность даёт о себе знать.

Медсестра садится за свой стол и поднимает журнал «Дача». Открывает страницу, на которой остановилась несколько часов назад. Уколы всем проставлены и полы помыты. Можно расслабиться.

— Извините...

Медсестра дёргается. Откуда ни возьмись. Стоит перед ней парень, уже ближе к тридцати годам, с загипсованной правой рукой.

— Ой и напугал ты меня. Даёшь! Что нужно-то?

Павел прочистил горло и сказал:

— Ко мне гость пришёл...

— Так поздно?

— Не смогла днём прийти, работает.

— Девчонка? — ехидно улыбнулась медсестра, — знаем мы таких гостей.

— Она не за этим, поверьте. Ненадолго можно? Десять минут?

Медсестра улыбнулась ещё шире, ещё ехиднее.

— В столовую идите. Там двери не закрываются и слышно всё. Учую неладное, вместе с ней на улицу выпну!

Павел зашёл в просторный зал. Вокруг расставлены квадратные столы и белые табуретки. Пахло хлоркой.

— Мы будем есть? — голос из-за спины. Оля.

Давно он её не слышал, вот так, вживую. Скучал. Сердце сжалось.

— Привет, — обернулся Павел.

— Привет, — Оля улыбнулась.

Они сели за ближайший столик и не могли оторвать взгляда друг от друга.

— Приятно тебя видеть, — сказал Павел.

— Хотелось бы увидеться не в больнице, — с грустью ответила Оля, — и без гипса. Что случилось?

Сказать сейчас или поговорить сначала о другом? Не хочется врать.

— Новое дело.

Оля положила руки на стол.

— Такое же неопасное? Как Антон?

Каждый новый вопрос хуже предыдущего.

— Сломано несколько рёбер. Сотрясение. Но ничего серьёзного, — чтобы как-то сменить тон, Павел сказал — зато мы поймали линчевателя. Ну, не мы лично. Мы его нашли. Поймала его полиция. Спасли бог знает сколько людей, — главное: не говорить Оле, каких именно, — уже и не сосчитать, сколько спасено человек. То дело с пауками, теперь это...

— Я поняла Паш. Можешь не продолжать. Как Катя держится?

Павел ухмыльнулся и выпятил грудь:

— Держится? Она спокойно ко всему относиться. Отпускает Антона, когда нужно, не задаёт вопросов. Любить его. Приходит в палату каждый день, приносит овощи, фрукты. Повезло ему.

— А тебе значит нет? — Оля сама выпатила грудь.

Тут же, Павел скукожился на стуле.

— Извини, — Оля не дала ему ответить, — я сюда не ругаться пришла, — она замолчала. Её осенило, — Честно говоря, сама не знаю зачем пришла. Видимо, услышав, что ты в больнице, выбора не осталось. Бедная Катя...

— Она в порядке.

Оля замотала головой:

— Неправда.

Павел сжал кулаки на столе.

— Ты просто хочешь так думать. Что она терпит его, как терпела ты. Ведь, если твоя теория окажется неправдой, то придётся признать, что ты поступила неправильно!

Оля резко встала и уронила стул.

— Не смей вешать это на меня! Это твой выбор! Твоё желание! Слышишь?! Не смей!

Павел тоже встал. Аккуратнее. Стул не завалился.

— Ты меня бросила! Я был готов идти до конца!

В дверном проёме появилась медсестра:

— Я чё сказала! Устроили тут балаган! Закончилась ваша свиданка!

Оля подняла стул и сказал Павлу:

— Вот и хорошо.

— Великолечно! — махнул руками Павел.

Подойдя к медсестре, Оля повернулась и сказал напоследок:

— Если с Катей всё в порядке, чё она у меня про снотворное хорошее спрашивала?

Павел остался один в столовой. «Действительно, и чё это она спрашивала?».

Глава 13

Линчеватель

Мне никогда не забыть её глаз. В них не осталось ничего, ни радости, ни печали. Воспоминание, что мы делили с ней, пропали. Я помню её смех. Куда ты смотришь, Настенька? Я здесь, рядом. Стою над твоим телом. И так сильно тебя люблю. Что тебе нужно? Что ты хочешь, чтобы я сделал? Голову твою приподнял? Ты только дыши...

Я слышу голоса. Вокруг меня собираются люди. Сочувствуют мне. Хватит! Не смотрите на меня! Они гладят мою спину. Шепчут что-то. Вытирают кровь с лица. Не забирайте её у меня! Они повторяют одно и то же — «отдайте её нам». Я знаю, что вы хотите с ней сделать. Я видел, что вы делаете с такими, как она. Вы положите её на холодный стол. Голую, бледную, замёрзшую. В своих бесчувственных резиновых перчатках вы будете держать скальпель. Такой же холодный как стол, как моя дочь и как ваше сердце. Вы раскроете её и своими руками вытащите душу из моей дочурки.

Она была здесь, со мной, совсем недавно. Я стоял на кухне, смотрел, как она смеётся, играет с нашей собакой. Папа, папа, иди сюда. Я здесь милая, я здесь. Никуда тебя не отпущу. Как бы ни хватили меня. Я тебя не брошу. Отдайте её мне! Нет. Отдайте её мне. Она всё, что у меня осталось.

— Дмитрий?

Глаза поднялись с листка. Часы в кабинете показывали девять вечера.

— Да?

— Вы будете читать, что написали? — элегантная женщина сидела на таком же кресле и качала ногой.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет?

Пристал чёртов психолог.

— Тогда мне понадобится психотерапевт. Вы сказали, что это поможет, выплеснуть мысли на бумагу, но мне кажется стало только хуже. Теперь я вижу, насколько мне плохо, какие травмы внутри меня.

— Это и есть цель занятия. Вы больше не прячетесь за маской. Этот листочек — ваши мысли, ваше зеркало.

— И что дальше? Писать пока меня не начнёт тошнить от своего отражения?

Наталья протянула руку.

— Покажите мне. Не читайте, если вам тяжело, дайте мне посмотреть.

— Хорошо.

#

— Алло?

— Дмитрий Андреевич?

— Да.

— Здравствуйте. Меня зовут Мария, я ассистент вашего психолога — Натальи Вронской. К сожалению, звоню вам сообщить, что она не сможет вас больше принимать

из-за загруженности с другими клиентам. Всего доброго.

— *Постойте...Алло? Алло?*

#

— И в этом сне я отказываюсь от вас? — мягко спросила Наталья.

— Через вашего ассистента, да.

— Как думаете, почему вам это приснилось?

— Без понятия, но вы можете сказать, что мне страшно вас потерять и поэтому снится.

— А вам не страшно?

— Нет.

— Почему нет?

— Не думаю, что вы мне помогаете. Не думаю, что мне вообще кто-то может помочь. Я, блять, дочь потерял. Как после такого возвращаются?

#

Очередной бессмысленный сеанс был закончен, и Дмитрий сидел на остановке. Вечер. Блестят лужи от проезжающих машин. Где-то далеко орут мальчишки во дворах. Собаки лают и мешки с мусором со смачным звуком грохаются на дно бака.

Во всём этом шуме сложно было разобрать шаги мужчины, почти пожилого возраста, с зонтиком над головой. Он встал рядом со стеклянной остановкой. Под козырёк не заходил.

Дмитрий осмотрел мужчину с ног до головы, и что-то заставило его сказать:

— Дождя то нет, зачем вам зонт?

Мужчина же, будто ожидал, что с ним заговорят, ответил:

— От солнца.

— Ночь же, может тогда от луны?

Мужчина повернулся полубоком.

— Прячусь под зонтом, словно оборотень? Вместо того чтобы бежать по лесу, выискивать добычу? Бросьте. Зонт да зонт. Что вам с того? У вас самих забот полно.

Дмитрий легонько кивнул и отстал от мужчины. Они провели в молчании несколько мгновений, пока человек с зонтом не спросил:

— Поздновато для автобуса не думаете?

— Я здесь каждую пятницу в это время, обычно приходит один. Должен был быть ещё пять минут назад, но отчего-то затерялся.

— И что вы здесь делаете каждую пятницу?

Дмитрий улыбнулся.

— К психологу хожу.

— И как, помогает?

— Лучше, чем группы поддержки вроде анонимных алкоголиков, но это как умножать на ноль.

— Что с вами случилось, что пробуете всех?

— Что вам с того? У вас самих забот полно.

Мужчина обернулся полностью.

— Вам всё равно ждать автобус. А история ваша наверняка интересная. Такие вещи сразу вижу, — его глаза заблестели.

А чем чёрт не шутит. И так всем треплю, психологу, людям из группы поддержки. А мужичок хоть необычно выглядит. Может, что посоветует хорошего. Видно по нему, мудр не по годам.

— Дочь умерла.

— Сожалею.

Мужчина захлопнул зонт и сел рядом.

— Видел я таких. Горем сломленных. Они-то, самое полезное в этом мире и делают. Что случилось, если не секрет?

— Сбили, на дороге. Рядом шёл, по зебре с ней. А уроду одному плевать было. Пьяный. Да ещё и замяли потом всё. Сынок чей-то попался. Важной шишки, богатенькой. Срок дали, конечно, но совсем копейки. Хотелось бы достать его, отомстить. Да он не в России уже. Улетел, как вышел с зоны. И тут обломили, — Дмитрий тёр кулак ладонью, — суки.

Мужчина пораскинул мозгами. Зонтик из рук в руки перебросил несколько раз.

— Так помимо него, есть ещё люди. Такие же плохие, как ваш богатенький, только без денег. Такие по ночам тут ходят. Как говорится в песне...псы с городских окраин, во. Слышали такую?

— Не слышал.

— Ну не слышали и ладно. Я, впрочем, не об этом. Раз вы в такой ситуации, что кулаки чешутся, да и мне интересно, куда всё зайдёт, предлагаю заключить сделку. Я дам вам силы, о которых вы даже мечтать не смели. А взамен прошу, чтобы вы мне обещали, каждого бандюгу, что видите, каждого пса на место ставить. Усыплять, так скажем. Что думаете?

— Думаю, что вы пьяны, — Дмитрий посмотрел на него, как на безумца и отодвинулся.

— Такой шанс упускаете. Я хочу ваше желание исполнить, а вы отмахиваетесь от него.

Вы же хотите отомстить псам этим? Вижу, что хотите, по глазам. Решайтесь же!

— Из любопытства, соглашусь. Давай мне силы.

Мужчина усмехнулся:

— Что ж, хозяин барин. Будут тебе силы. Жди. А пока, автобус твой подъехал.

И вправду. Поднялся шум и откуда ни возьмись, перед ним остановился названный мужчиной транспорт.

Дмитрий сел в автобус. А когда посмотрел в окно, мужчина с раскрытым зонтиком шагал во мрак.

Из записок линчевателя

1.

Хоть я и перестал ходить к психологу, считая её наставления и советы полной чушью, всё же оставил себе один. Буду записывать свои мысли. Это помогает не сойти с ума. Даёт перспективу что ли, не знаю, на душе легче становится. Особенно в свете последних событий.

Я встретил кое-кого. На остановке. Тогда стемнело. Он появился словно

неоткуда, с зонтиком и, в общем, предложил мне возможность или даже право, отомстить за всех немощных. При условии, что я не буду никого щадить. Согласился. Никогда не было в планах никого щадить. Они ж людям боль приносят. Хорошим, нормальным людям. Таким же отцам.

В первые несколько дней после той встречи, я ничего особо не чувствовал. Как обычно жил своей никчёмной жизнью (потом вычеркнуть слово «никчёмной»), пока, очень это было неожиданно, кружка не лопнула в моей руке. Я даже не понял сначала? что случилось. Услышал звон от падения и посмотрел на руку, а кружки нету. Лишь осколки. Я ожидал, что кровь пойдёт. Смотрел на ладонь, искал раны, но ничего не было. Более того, рука дымилась, ведь чай был горячий, но я не чувствовал этого. Не будь дыма, и не понял бы. И не сказать, что я вообще всё перестал чувствовать. Я подошёл к крану и подставил руку. Включил горячую воду и ждал, пока станет больно. Сначала почувствовал тепло. А потом, через пару секунд, пошёл пар от воды, а рука даже не покраснела. Вода была тёплой для меня, просто тёплой, под такой я обычно руки мою. Пар начал заполнять кухню, и я бросил эту затею. Испугался не на шутку. Думал в больницу сходить, а потом вспомнил о том человеке на остановке и о силе, которую он сказал, что даст, и для чего именно. Если это правда, то лучше не светиться по больницам.

Я взял иголку. Ткнул ей в подушку указательного пальца и почувствовал покалывание, слабое. Я надавил сильнее, а покалывание, как было слабым, таким и осталось. Тогда я, признаюсь, под влиянием ситуации, со всей силы вдавил иголку в палец... И ничего... не смог проткнуть кожу. Ни крови, ни боли. Тогда-то всё и началось. Я бил по стене кулаками, не жалея сила. Никакой боли! Даже маленького синяка на руках не было! Я смеялся, был не то что счастлив, а скорее возбуждён изменениями. Это было невероятно. А когда я прыгнул! Боже! Так головой ударился о потолок! Не будь я неуязвим, точно бы сотрясение получилось.

С того момента события только и успевали друг друга сменять. Я купил себе маску, начал прыгать по крышам, ночью, разумеется. Всё тестировал свои способности. Как далеко могу прыгнуть, сколько во мне физической силы, каков мой болевой порог. В итоге, после всех тестов, я понял, что лишь дальность прыжков ограничена, а сил у меня была полная бочка.

На одной из последних моих тренировок я и наткнулся на первую группу мразей. Они даже никого не трогали. Стояли в темноте, ржали. Но я знаю таких бродячих псов, эти стаи. Первый прохожий станет их жертвой, вопрос времени. И чтобы убедиться в своей правоте, этим прохожим стал я. Иду себе, посвистываю, никого не трогаю. И тут меня эти псы с городских окраин окружили (песня хорошая оказалась, запала). Мол, отец, денга есть? А телефон? А огонёк? И нож достают. Щелчок слышу, это он так раскрывается. Я говорю им, у вас есть один шанс оставить меня в покое, и уйти целыми (на самом деле, я бы их никуда не отпустил). Они смеются громче и один из них кидается на меня, пока что без ножа. Бьёт мне по лицу, а я даже не пошатнулся. Вижу, голову поднимает, за руку держится, а в глазах проблески страха. Понравилось мне это чувство, за ним теперь и гоняюсь. Я хватать его за шею, душу. А на меня, исподтишка, нападает другой пёс, уже тот, что с ножом. Я даю ему возможность сломать свой нож о мою спину. Все

остальные начинают отходить от меня, а когда я сдавливаю шею до хруста, начинают убегать. И сразу стало проще. Бежали они в темноте и очень медленно. Я их по одному — хватать! Распластались в итоге по всему переулку. Раздавил их головы. А на душе так хорошо! Это меня напугало, не понимал в кого превращаюсь. Потом вспомнил Настеньку. И да, правильно я поступил с ними. Нечего тут сомнениям всплывать. Хватит с меня их. Когда жена уходила, вот тогда моё сердце треснуло, когда дочь умерла, оно разбилось и ничто его теперь не соберёт. Долго я с этим боролся, пытался склеить куски, да всё без толку. Как оказалось, не всё сломанное можно собрать. Мой брак, моё сердце, этот жестокий мир. Я могу лишь сделать свой вклад, каким бы маленьким он ни казался.

2.

Кто-то следит за мной. Уже седьмую ночь. Думал, кажется. Но семь ночей подряд, одна и та же машина. Что за дилетанты? И ведь не полиция. Они бы меня давно схватили. Меня ищут. Я знаю. Но я был очень осторожен. Лицо не светил, передвигался по крышам, да только там, где нет освещения и камер. Всегда в перчатках... Тогда кто блядь за мной следит? Не знаю, что делать. Убить их могу очень просто. Если они бандюги какие-то, тогда хрен с ними, прикончу. А если нет? Есть только один способ узнать. Заманю их куда-нибудь да всё узнаю, кто они и что от меня нужно.

3.

Не этого я хотел. Не знаю, что случилось. Страх может вверх взял? Так я неуязвимый же, какой страх? Видимо, старая привычка осталась, бояться. На дорогу вышел, думал припугнуть, остановить машину своим же телом, во они наложат в штаны. И что-то не рассчитал, то ли с какой скоростью они едут, то ли как близко к ним приземлюсь. Получилось, что чуть не убил их. Так и не понял кто они. С виду не бандиты. Два пацана, молодые ещё, по сравнению со мной, конечно. Жаль, что так получилось. Скорую сам вызвал, с их телефона, вроде живы остались. Да только менты подключились. Знает где моя хата. С окна смотришь, и люди разные ходят, таких я раньше не видел, высматривают, выжидают. Я думал бежать, да только куда? И зачем? Мне ж их всех убить придётся, кто на пути встанет. А дальше что? Пока все менты не будут мертвы с ними биться? Нет, так дело не пойдёт. Я за дочь свою мстил, за неё родимую воевал со сбродом. Не хотела бы она, чтобы я невинных убивал. Придётся сдать. В тюрьме мне бояться нечего. Меня никто там обидеть не сможет. Ни снаружи, ни внутри.

4.

Как видите, ручку я достать сумел. Много изменилось за эти три дня, или четыре, может пять? Не помню. Нет старых записей у меня здесь, сложно сказать. Решил я всё-таки сдать. Сомневался до самого конца, боялся конечно, хоть и тяжело это признавать себе. Перед другими страха не показываю. Наоборот, внушаю его. На меня так смотрели, когда я в СИЗО заходил. С уважением что ли. Меня тут уже все знают оказывается, предъявляете? Мне соседи все рассказали, какой я герой для них. Они этих насильников тут тоже решают, так скажем. Интересные ребята в общем. И я вот что осознал — я чувствую себя гораздо свободнее, с тех пор как сюда попал. Удивительно, не правда ли? Из всех мест... И

люди тут ближе мне. У всех за плечами трагедии, боль которую так и нужно выпустить. Но это только СИЗО, что в самой тюрьме будет...

Следователь попался вредный, женщина, забыл, как её зовут уже. Не понравилась, такая командная, не люблю таких женщин, больше ласковые нравятся, тихие, чтоб без моего слова никуда. Ни то чтобы я тираном каким-то был, жена была счастлива такому. Хах, счастлива. А что ушла тогда?

В общем, пока ничего интересного не происходит. Могу лишь добавить, что парни живы остались, что в меня врезались, и слава богу.

5.

Перечитывал тут, что написал недавно, странно, будто кому-то пишу на волю о своей жизни, а не для себя веду записи. Может так меняется мышление, когда попадаешь в такие места. Это единственное объяснение, писать-то мне некому.

6.

Судья хороший мужик. Строгий, бандюганов не любить, но ко мне уважение проявил, в глазах его это увидел. К следователю начинаю привыкать, Лариса Ивановна звать её. Запомнил.

На заседание были мужики эти, что в меня врезались — Антоха с Пашей. Добрые. Теперь ещё больше совесть грызёт за них. Может и правильно, что меня закроют. Небось натворил бы чего оставаясь безнаказанным. Смерть невинного человека не перенёс бы. Вижу, как в СИЗО люди страдают некоторое, что по дуруости своей руку подняли на жену или на брата. Жаль их.

7.

Сегодня тяжелее всего. У нас в комнате телевизор стоит. Включать его только на новости можно. Мы иногда правили нарушаем, но нечасто. Палево серьёзное. Да и уважают нас, что мы как крысы по ночам будем смотреть без звука почти, всякую дребедень американскую. Я это к чему, включил новости, а там дети в школу идут с цветами. Сразу Настю вспоминаю. Мы с ней успели лишь на одно 1 сентября сходить. Почему у некоторых есть всё? Кто выбирает их? Если это случайность, то почему случай не срабатывает на мне? Неужели я потерял всё из-за случайности? Просто «потому что»? Обычно в такие дни я выходил убивать. Здесь же...хорошо, что меня закрыли.

8.

Постоянный сквозняк. И дождь. Льёт и льёт. Уже от его стука по крышам хочется уши оторвать. А я могу.

Иногда, когда выглядываю на улицу через окно, вижу, что-то двигается между деревьями, моргнуть не успею, как исчезает. Буду смотреть дальше.

9.

Дождь не заканчивается. Смотрю в окно. Слежу за деревьями. Всё равно делать нечего.

10.

Думал делать почасовые записи, отказался. Это всё-таки в лечебных побуждениях пишется. Я не шпион.

Был прав. Между деревьями постоянно что-то двигается. Всегда в разное время. И вот что странно, появляется именно тогда, когда у нас по расписанию что-то новое начинается. Подъём: промелькнёт, зарядка: промелькнёт, завтрак

тоже, просмотр новостей тоже. Будто изучает расписание. Жутко. Хорошо, что я неуязвим.

11.

Эх, правильно я подумал. Он изучал расписание, ждал, когда я буду один в камере. Не знаю как, но только я прилёт на кровать, а в углу стоит он, мужчина с раскрытым зонтиком. В темноте стоит, улыбается. «Здравствуй» говорит, и ждёт пока ему ответу. Я поднимаюсь с кровати, принимаю стойку, если что, ударить его готов. Смеётся гад, «не поможет» говорит, ближе подходит. «Обещание ты нарушил, Дмитрий». Я прошу у него пояснений, ссылаясь что, нет, ничего я не нарушил.

— Ты поклялся, что ни один урод не выживет.

— Никто и не выжил, — говорю я твёрдо.

— Да? А как же те, кто здесь сидят? Сколько здесь насильников, ты знаешь?

— Я что, должен каждого встречного насильника убивать?

— Надо было условия лучше проговаривать. Ты ничего не сказал, вот я и решил, что каждого встречного.

— Дурачить меня не надо. Не проговорили, так давай сейчас проговорим. Не каждого встречного.

Мужик злится. Он отпускает зонтик и тот держится в воздухе сам по себе. Следующим движением он сближается со мной и хватает за запястья. Я пытаюсь освободиться, но всё без толку. Его руки будто приклеились. Я чувствую жжение. Впервые за долгое время. Чувствую боль. Падаю на колени. Сдерживаю крик.

— Ты мне условия не ставь, — говорит он, — я могу сжечь тебя прямо сейчас. Превратить в прах. Ты дал мне обещание. Не сдержишь его, я заберу твою душу. Убей их всех!

— Нет, — процедил я.

— Значит, их души важнее твоей?

— Начну я убивать кого-то, меня сразу попытаются остановить, а невинных убивать не стану.

— Тогда я тебе дочь верну. Хочешь?

Хотел. Больше жизни хотел.

— Как?

— Мои методы тебе не виданы, да и знание о них не нужны. Сделай, что требуется.

— Где гарантии, что ты сдержишь слово?

— Для меня воскресить кого-то, как пальцем щёлкнуть, зачем мне врать?

— А зачем эти игры устраивать? С убийствами? Если ты обладаешь такими силами, вот и сам их убей.

— Это должен сделать ты. Даю тебе два дня, не считая этот. По их истечении, когда я здесь появлюсь, либо увижу море крови, в которой ты купаешься и одарю тебя потерянной дочкой, либо заберу твою душу.

Он отпустил мои руки, поймал зонтик и исчез.

Глава 14

ДЫМ

Записки линчевателя вернулись в папку. Павел сделал глоток воды. Во рту пересохло читать всё это Антону для экономии времени. У них всего два дня как-никак. Времени читать по очереди не было. К тому же, у Антона недавно было сотрясение. Вдруг не так что поймёт или язык запутается.

Они сидели в кабинете Ларисы Ивановны. Пока что вдвоём. Ждали, пока она вернётся. Антон примерил кресло следователя в её отсутствие.

— Ну, что думаешь? — сказал он, крутясь в кресле.

— Джин?

— В точку.

Сегодня утром, Дмитрий потребовал свидания с Антоном и Павлом, и тем самым стал их клиентом. Он передал им записки и попросил помочь, разобраться с «этим дьяволом».

Антон крутился в кресле всё быстрее.

— Исполнение желания. Торг душой. Жжение рук. Джинов же четыре вида всего? Какие там были?

— Ифрит, Гуль, Сила, Марид, — ответил Павел.

— Жжение рук. Торговля дочкой. Есть доступ к загробному миру. Какой из них владеет огнём?

— Ты же сам это знаешь, вместе рыскали по форумам. Ифрит владеет.

Антон остановил кресло, твёрдо поставив ноги на линолеум.

— Он же и самый сильный из них. Неуязвимый. Самый опасный. К тому же садист.

У Павла заныла рука. Гипс сняли совсем недавно.

— Как мы его остановим?

— Криптонитом, — ответил Антон.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Это лучшая идея, что у меня есть. Мы не сможем остановить джина. Он сильнее нашего линчевателя. Его никак нельзя убить. Нигде об этом не сказано. Пора сказать Диме, что выбор за ним. Либо дочь, либо душа.

— Он сказал, что не будет никого убивать. А мы своим бездействием убиваем его.

Антон оттолкнулся от пола и закрутился в кресле.

— Я знаю.

— А что насчёт его зонтика?

— Что насчёт него?

— В мифах сказано, что у каждого джина есть свой артефакт. У кого-то лампа. А у нашего — зонт. И часть силы джина находится в этом артефакте. Если найти способ забрать его.

— И что дальше? Мы начнём из него шмалять магией? Думаешь на нём есть курок? — Антон снова остановился — Надо его как-то обхитрить. Заставить свалить без убийств и без души. Эти джины, они живут в параллельных мирах. Как-то его надо туда загнать. Там же и запереть.

— Его же зонтиком, — ответил Павел. Они что-то нащупывали.

Антон положил руки на стол Ларисы Ивановны.

— Мы не умеем пользоваться этим артефактом. Но если в нём находится часть сил...и, если мы найдём способ его уничтожить... Джин ослабнет. Тут на сцену выходит наш супермен и задаёт ему взбучку. Джин, покалеченный, убегает в своё измерение.

Павел придвинулся поближе и медленно прошептал:

— Как мы уничтожим артефакт?

Антон пожал плечами.

Павел откинулся на спинку.

— Отлично.

— Артефакт и джин, они же связаны?

— Да. Неразрывная связь. Так говорится в мифах.

— И если их разделить? Джин умрёт?

Павел сложил руки на груди.

— Ты что у меня-то спрашиваешь? Не знаю. Может умрёт, может нет. Как мы эту связь разорвём?

— И всё же, это вариант. Подытожим: мы либо уничтожаем артефакт, либо разрываем между ними связь. Можно ли заклинанием эту связь разорвать?

— Если да, то каким? Есть ли вообще такое заклинание.

Антон обнажил зубы в злостной улыбке.

— А нам оно и не нужно. Главное, чтобы джин знал о существовании такого заклинания.

Лариса Ивановна вернулась через несколько часов. Её усадили на кресло и стали рассказывать о разработанном плане.

Через несколько минут, молодая девушка, практикантка, шла мимо кабинета Ларисы Ивановны и краем уха поймала её голос:

— Эта самый идиотский план, который я слышала в своей жизни. Что случится, если он не сработает?

— Мы все умрём, — ответил басистый голос.

Практикантка напугано вздохнула.

#

Откровенно говоря, по мнению всех, кто сидел в бобике, они ехали в один конец. Большое здание можно было разглядеть в окно: СИЗО. Рядом со входом стояло несколько автобусов. Туда садился весь рабочий персонал. В СИЗО останутся: Дмитрий, Антон, Павел Лариса Ивановна, водитель бобика и все заключённые. Последние будут заперты по камерам. Никаких прогулок, никаких столовых. Повезёт, если они доживут до вечера.

Последний автобус стал отъезжать.

Антон стоял у входа в СИЗО. Павел и Лариса Ивановна так же. В руках у Павла был чёрный пакет, простой, из магазина.

— Пробежимся ещё раз по плану? — спросил Антон.

— Спасибо не надо, у меня и так волосы дыбом стоят, — ответила Лариса Ивановна.

— Тогда чего ждём? Ни пуха!

Они прошли в СИЗО. Все, кроме водителя бобика. Тот остался, а улице. Для осуществления плана «А» он был не нужен. План «Б» был побег.

Лариса Ивановна подошла к камере Дмитрия. Тот встал с кровати и вежливо поздоровался.

Камера открылась. Парни со следователем отошли.

Дмитрий вышел.

— План помнишь? — спросил Антон.

— Помню.

— Вот и хорошо. Не подведи. Мы на тебя рассчитываем.

Джин появился ровно в полдень. Не скрываясь, он подошёл к входу в СИЗО. Его никто не встретил. Руки чесались и ему стало досадно, что никто не собирается его останавливать. «Неужели Дмитрий всех убил?»

Идя по длинному коридору, джин стал насвистывать. Когда подошёл к камере Дмитрий, свист прекратился. Пустая. Странно. Что ж эти людишки задумали?

Пройдя дальше по коридору, джин вышел в большой зал. По бокам лестницы, ведущие на второй этаж. Верхние камеры можно было видеть снизу, но Дмитрия нигде не было. Джин чувствовал присутствие людей. Их было слишком много. Он словно очутился в муравейнике. Его это начало раздражать.

— Дмитрий, выходи! Ты мне душу задолжал!

В ответ, из каждой камеры каждого этажа раздался грохот. Заключенные били по прутьям, заглушая шаги бегущего Дмитрия.

Джин успел повернуться и увидеть его, но не успел ничего предпринять.

Дмитрий прошёл в ноги.

Антон выглянул из-за угла. Момент настал. В действии первая часть плана, самая важная.

Джин падает на спину. От удара, от неожиданности, его рука ослабляет хват и зонтик оказывается на полу. Катиться всё дальше и дальше от своего хозяина.

Антон выбегает из-за угла и бежит к зонту.

Джин очень быстро поднимается на ноги. Его руки загораются в нетерпении разобраться с Дмитрием и вытащить из него душу. В последний момент он замечает Антона. Зонт в его руках. Это отвлекает его от линчевателя. Джин разворачивается и кричит:

— Он мой!

Дмитрий обхватывает джина руками, сцепляет кисти и надеется на лучшее.

Антон, в беговых кроссовках, разворачивается с зонтов руках и скрывается за углом.

В огромной зале темнеет. Всё СИЗО содрогается. Непонятно откуда слышен гром.

Дмитрий осознаёт, что он уже никого не держит. В его руках, людская одежда джина, а само магическое существо, превратилось в огромный столб красного дыма и отправилось за Антоном.

Осколки лопнувших лампочек сыпались Антону за шиворот. Вой джина раздавался по всему коридору.

Лариса Ивановна вышла из-за угла и протянула руки, а увидев, как столб красного дыма догоняет Антона, они ещё и затряслись.

— Бросай зонт! — крикнула Лариса Ивановна, не скрывая страха.

Антон оттянул руку за спину и, выглядя как олимпийский чемпион, бросил, что есть силы, зонт вперёд.

Лариса Ивановна нагнулась вперёд и успела поймать зонт у самого пола.

Джин не стал тратить время на парня и погнался за своим артефактом, пролетая у потолка. А когда он завернул за угол, где должна была бежать от него Лариса Ивановна, никого не увидел. По бокам — тюремные камеры. Все закрытые. Она могла прыгнуть в одну из них. Красный дым заполнил весь коридор и стал прислушиваться к каждой камере.

— Они на улице, — крикнул Антон, кашляя, дым попал ему в рот, — превращают твой зонт...эм, в обычный зонт.

Джин завопил, оглушая Антона и лопаая оставшиеся лампочки. Собрался в дым поплотнее и исчез за углом, направляясь к выходу.

Антон открыл камеру в которой пряталась Лариса Ивановна и сказал:

— Выходи.

Дым выбил парадные двери, словно проезжающий поезд.

На лужайке, посередине, стояла металлическая бочка, по пояс. Рядом с ней — Павел. В его левой руке — раскрытая книга, в правой — зонт. Павел читал что-то на языке похожей на латынь. Читал громко и пафосно. Чтобы джин понял серьёзность его намерений.

Дым рассеялся и снова появилась мужичек в костюме.

— Что ты делаешь? — спросил он из любопытства, подходя и готовясь забрать его душу.

Павел произнёс последнее слово заклинания, обратил внимание на джина и не сводя глаз с его глаз, опустил зонтик в бочку с водой.

— Лишаю тебя артефакта, — добавил он, всё ещё держа зонт под водой.

Джин подошёл к бочке и посмотрел на свой зонт под водой. Его недоумению не было предела. Он смотрел то на зонт, то на Павла.

— Дай-ка мне книжку свою, — Джин протянул руку.

Павел был не промах, оттого сразу бросил книгу в бочку.

— Ах ты сученыш. Хватит с меня этого концерта, — немного красного дыма вышло из его ушей.

Джин опустил руку в воду и схватил зонт. Теперь они оба его держали.

— Отпусти, — сказал джин.

— Ты отпусти.

— Отпусти, и я убью тебя быстро. Не как твоих дружков.

— Ладно, — Павел вытащил руку из воды, — попробуй, своим зонтом.

Джин не стал спорить, достал зонт, отошёл на два шага от бочки и вытянул артефакт, целясь в сердце.

— Последние слова?

— Давай уже.

Но ничего не происходило. Мокрый зонт, так и оставался...мокрым зонтом, а не высасывателем душ.

Павел улыбнулся:

— Бывает. У всех мужчин иногда...

— Заткнись, — ответ джина был твёрдый, грозным, но глаза выдавали страх. Он взял зонт двумя руками и стал трясти им в сторону Павла, как волшебной палочкой.

— Я расколдовал твой зонт. Если тебе ещё не понятно.

Гнев затуманил рассудок джина. Его руки покраснели. Он вытянул свободную вперёд и сказал:

— У меня всё равно хватит сил вытащить из тебя душу!

Павел сложил руки на груди:

— У меня да, а у него? ДИМО-О-О-о-он!

Вылетает наш герой из окна третьего этажа, разбивая решётку и стекло. Одна рука протянута вперёд. Ноги подогнуты. Он приземляется совсем рядом с джином. Поднимает голову, встаёт с колен и разминает руки.

— Приехали. Чё ты там про мою душу говорил? А?

Руки джина тухнут. Он пятится назад. Всё произошло так быстро. Дай ему время подумать, осознать происходящее. Тысячелетняя мудрость не устояла перед простыми эмоциями. Джин прижимая зонтик к груди, начинает телепортироваться в параллельный мир, подальше от угрозы. Он превращается в дым, чернеет. Внутри него: грозы, буря. Он кричит. Ничего понимает. Его глаза в дыму видят на траве зонт. Он должен был быть частью дыма, частью джина. Почему им не стал?

Перед смертью джин думает о доме. О его семье и о том, как легко его облапошили люди.

Дым белеет. Становится тише. А затем и вовсе рассеивается, не оставляя никаких следов существования.

Вот так и победили джина. Взяли хитростью. Поставив на кон свои души.

Весь вчерашний день Дмитрий воссоздавал на листе бумаги зонтик джина. Воссоздавалась каждая деталь, какой незначительной она ни была. Потом этот рисунок отправился в мастерскую, где делали зонты. Всю ночь мастер корпел над точной копией зонта джина и поутру выдал свой шедевр, что уложили в чёрный пакет.

Как только джин зашёл в СИЗО. Павел выкатил бочку, достал несколько канистр с водой и наполнил её. Взял книгу с мистической обложкой в левую руку. А в правую взял обычный зонт, которых смахивал на артефакт джина. Осталось дожидаться, когда из СИЗО выбежит джин. По плану: Дмитрий должен был выбить зонт из рук джина. Антон этот зонт должен был подобрать и передать Ларисе Ивановне. Все они предполагали, что к этому моменту джин переключит своё внимание на них. Разумеется, превращение в дым никто не предвидел. Антону пришлось бросать зонт с большего расстояния, чтобы Лариса Ивановна успела спрятаться в одной из камер вместе с артефактом. Выход был неподалёку и джин должен был решить, что следователь туда и выбежал. На улицу, где ждал его Павел.

Заклинание читалось на выдуманном языке. Зонт опускался в воду для пушщего эффекта. Затем, мнимый артефакт возвращался джину в руки. Дмитрий выпрыгивал из окна третьего этажа для запугивания.

У джина оставалось два пути. Первый: он осознаёт, что его разыграли, что зонт в его руках не артефакт. В таком случае с душами прощаются все причастные. Второй: джин под влиянием эмоций, от страха, решает сбежать в параллельный мир. Отправляясь туда без артефакта, он одновременно с этим разрывает между ними связь. Данное действие приводит к слабости или смерти. Судя по случившемуся: к смерти.

Всё закончилось. Павел умыл лицо водой из бочки. И только сейчас заметил, как Дмитрий шатается из стороны в сторону.

— Ты в порядке?

Дима хотел ответить «да», но боль в спине парализовала голосовые связки. Он кивнул, с осознанием в глазах. В первую вылазку, один из бандитов ударил его ножом в спину, но тогда тот сломался, а теперь...вернулся, вместе с болью.

Дима упал на колени, руками пытаясь дотянуться до раскрывающейся раны. Павел

подбежал к нему и сел рядом, опустив руки на плечи.

— Что происходит?

— Я возвращаюсь к своей дочери, — кровь пошла изо рта.

— Нет, нет, нет. Ты разве не видишь, Дима, мы победили! Мы победили! Не умирай!

Было поздно. Бездыханное тело упало на Павла.

— Не умирай, — протянул он, — мы же спасли тебя. Не делай наши старания напрасными. Я столько пожертвовал... Пожалуйста, не умирай!

Тёплая кровь марала одежду, руки.

— Так не должно быть, — Павел аккуратно положил Диму на землю, придерживая голову, — не должно... — он сделал несколько резких вдохов, осматривая тело. Неужели всё было напрасно? Этот дурацкий план, эта дурацкая работа? Боже, это стоило ему отношений.

Павел не заметил, как подбежал Антон.

— Что случилось? — он расставил ноги, будто сейчас побежит за помощью. Некуда бежать за помощью. Здесь только заключённые, следователь и водитель бобика.

— Мы победили. Джин умер. Но я не понимаю, что произошло с Димой, — Павел посмотрел на посеревшие глаза, смотрящие в небо.

— Ты весь в крови.

— Я знаю, — Павел закивал.

Следом подошла Лариса Ивановна. Ей ничего не нужно было объяснять. Она проверила пульс Дмитрия прикоснувшись к его шее и вызвала скорую.

— Отпусти его, — Антон сел рядом, — нам здесь больше нечего делать.

Павел прижал Диму к себе.

— Нет. Он не должен был умереть. Мы спасли его.

— Мы не можем спасти всех.

— Тогда зачем жертвуем своими жизнями?

Павел так сильно хотел услышать ответ. Антон помотал головой и спрятал глаза.

— Что насчёт артефакта, мы можем использовать его силы?! — молил Павел.

— Он рассыпался. Видимо, в момент, когда умер джин.

Лариса Ивановна оказалась за спиной Павла.

— Скорая вот-вот будет. Отпусти его, — она села и положила руки ему на плечи, — пожалуйста, — она кивнула Антону, и они вместе отцепили Павла от тела и подняли на ноги.

— Мне надо сделать звонок, — Павел зашагал вперёд, чуть тряхнув плечом, давая знать, что его надо отпустить.

Пройдя до забора СИЗО, что находился примерно в сорока метрах от места смерти, он остановился и достал телефон. Набрал номер и поднёс к уху.

— Паша? — на другом конце ответила Оля, — Алло?

— Прости меня. За всё, что сказал тебе в больнице. За то, что игнорировал твои страдания, — он боролся с печалью поднимающуюся из груди к шее.

— Что случилось?

Павел упёрся спиной в холодную плиту забора.

— Я не смог его спасти.

— Кого?

— А это важно? Человека. Я сожалею, что поступил так с тобой. Ты была моей жизнью.

— Ты где? Хочешь, я приеду?

— Нет, нет. Я просто хочу, чтобы ты это знала, как мне жаль.

— *Ещё не поздно...*

Павел не сдержал смешок, вырвавшийся вместе с жалостью к себе.

— Я не могу его оставить. Ты знаешь меня. Он мой друг. Лучший друг.

— *Я знаю. Ты хороший человек. И...раз уж мы говорим прямо. И ты прости меня. Ты знаешь мой темперамент. Эта злость...иногда, мне кажется, что она должна быть обращена на меня, а не на самых близких мне людей. Мне нужно поработать над собой.*

— Мне тоже. Увидимся когда-нибудь потом? Как с тараканами разберёмся.

— *Мне будет это по душе...Я люблю тебя.*

— И я тебя.

Павел опустил телефон и выдохнул. Ему стало легче. На сегодня.

Глава 15

Дорога без возврата

Недавно кого-то хоронили, следы шин свежие. В воздухе запах спирта и блинов. Помятые кусты между заборами. Антон уже и такие вещи стал замечать. Зачастил он на могилу своей жены, если такое возможно.

Антон обхватил кучу вырванной травы двумя руками, сложил её в мешок. Снял перчатки и сел на лавку рядом с памятником. На него смотрела прекрасная чёрно-белая девушка. Чуть улыбаясь.

— Я всё ещё его не нашёл, — Антон смотрел на фотографию Анны, — будто сквозь землю провалился. Этот вампир или кто он там. Я пытаюсь. Ну ты знаешь, что я тебе рассказываю. Знаешь, что я всё переверну ради тебя.

Она молчала. Смотрела на него и молчала.

— Я пытался тебе помочь. Вернуть тебя. Похоже, не вышло. Меня преследуют одни неудачи. Извини, — сказал Антон и сразу же пожалел. Анна не любила извинения. Всегда это в ней его удивляло. — Я не могу изменить то, что с тобой случилось. Никакие гадалки и никакое вуду не могут вернуть тебя. Никаких книг о возвращении мёртвых не существует. Сколько я не искал. У меня остались лишь воспоминания и извинения.

— А разве не у всех? — сказала бы Анна. Антон часто так делает. Говорит с ней на кладбище.

Сколько бы он сюда ни приходил, всегда разыгрывался какой-нибудь спор. Иногда о работе, иногда о личной жизни. После одного из таких разговор он и решился на свидание с Катей.

— Ты не можешь всю жизнь быть один, — сказал бы ему Анна, — тем более из-за меня. Ты знаешь, что я такого не потерплю.

Антон послушал свою жену и отправился в ночную библиотеку. Они с Катей поладили с ходу. А после первой совместной ночи, он ещё долго не мог прийти на могилу. А когда пришёл, щёки сразу покраснели. «Глупости» — думал он, но именно это позволило осознать, что Анна навсегда останется в его сердце и неважно, сколько женщин будет после неё. Стало легче.

Они поженились, когда им обоим было по двадцать два года. Рано, но были пары и помоложе. Познакомились ещё в школе и стали не разлей вода. Странно подумать, но они даже не встречались первые несколько лет. Дружили. Они не были готовы к романтическим отношениям, им хватало близкой дружбы. Друзья Антона ему не верили. Всегда думали, что тот по уши втюрился в неё. А он, улыбаясь в ответ, надеялся, что и они однажды поймут: тепло можно передавать словами.

Антон окончил школу с удовлетворительными оценками, Анна была отличницей. Ей предложили поступить в хороший университет, что находился в другом городе. Анна до самой смерти не могла поверить, как это Антон хотел так просто её отпустить. Когда он узнал, что ей предложили, сразу пошёл её поздравлять.

— С чем? — удивилась Анна.

— Как с чем, с переездом в новый город. Ты же отправляешься за мечтой!

Анна прищурилась.

— Ты шутишь, да?

— Нет?

— Ты же остаёшься здесь!

— Ну да.

— И отправляешь меня в другой город на 5 лет?!

— Что у тебя с тоном?

— Отпускаешь, одну, без тебя?

— Я не встану на пути твоих возможностей, твоего потенциала.

В тот вечер они впервые поцеловались, а Антон сдержал слово. Он не встал на пути. Так они жили пять лет, в разных городах. Они постоянно приезжали друг к другу, писали письма, разговаривали по телефону. Рассказывали о своих мечтах, планах на будущее.

Окончив институт, Анна вернулась в город к Антону, и они поженились.

Когда им обоим было по двадцать пять, Анну убили. Антон открыл дверь и увидел на недавно купленном ковре, женское туловище. Его глаза прошили по комнате в поисках её головы, которую так и нашли. Он упал рядом. Не хотел верить, что это она. На теле — платье, что они выбирали вместе. И ладони её. И цвет ногтей, розовый, она их вчера показывала. На шее были две отметины, как от клыков. И крови не было, ни в теле, ни на ковре.

Никто ничего не видел. Не было криков, шума. Врачи не смогли установить, умерла ли она от потери крови или до того, как последняя капля покинула её тело. Все разводили руками.

Через полгода после смерти, Антон ходил туда-сюда возле подъезда Павла. А когда тот вышел, сказал ему:

— Я не знаю, что её убило, но это «что-то» не подчиняется законам природы. Более того, я не первый кто пострадал от этого. Никто от этого не застрахован и не защищён. Я хочу это предотвратить.

После этого Антон начал длинный рассказ с планом, что именно он задумал. Как именно он хочет помогать людям. Ничего сверхопасного. Домовые, безобидные привидения или собаки переростки. Павел сомневался, пока Антон не показал вырезки из газет и не убедил его, что все эти истории настоящие. Окончательно закрепило сделку другое: цена таких услуг. Они будут единственными на рынке, поэтому они свободны сами называть цену. В дальнейшем окажется, что непослушные домовые обычно заводятся не у самого богатого слоя населения, а привидение водятся в старых обшарпанных домах, где так же живут не самые успешные люди. Оттого у цен был потолок. Богатыми парни не стали, но денег хватало более чем. Увидев привидение, люди в страхе поднимали все сбережения, продавали что подороже, лишь бы с ним кто-то покончил.

На кладбище холодало. Ветер гонял траву. Антон засунул руки в карманы куртки и встал. Посмотрел на фото Анны и сказал:

— Увидимся на следующей неделе.

— Я буду ждать тебя здесь всегда, мой милый.

— Я знаю, в этом и проблема.

#

Двери лифта открылись и Антон, крутя на пальце ключи от машины, поднял голову.

Двое мужчин стояли у двери «Агентства по борьбе с нечистой силой». Один нервно шагал туда-сюда, опустив голову. Другой стоял спокойно. Именно он первым повернулся в сторону лифта и сказал:

— Слышь, Денис, это похоже он, я его фото видел на форуме.

Денис поднял голову и моментально махнул рукой.

— Мы вас уже полчаса ждём.

Пока Антон подходил, успел спросить:

— А моего напарника разве нету?

— Дверь закрыта. Меня Толя зовут, это мой друг Денис.

Антон пожал им руки, повернулся к двери, вставил ключ и провернул два раза.

— Проходите.

Клиенты сели у стола на два мягких кресла. Это была идея Павла. Он заметил, что стулья не лучший вариант для клиентов, поскольку рассказывать о чём-то безумном и сверхъестественном, лучше в чём-то максимально комфортном. Пришлось раскошелиться на мягкие кресла. Сам же Антон сел на стул, на котором раньше сидели клиенты.

Денис с Анатолием явно нервничали. Первый заметнее другого. Именно поэтому Антон решил спрашивать Анатолия и больше сосредотачивать диалог на нём.

— Чем могу быть полезен?

— Это прозвучит странно.

— Поверьте мне, я слышал многое.

— Я знаю. Читал на форумах о вас. О том, как вы помогаете людям. Пролистал страниц тридцать, но ничего и близко к тому, что я вам сейчас расскажу, не попадалось, — завёлся Анатолий.

Антон часто это слышал. Не про форум, разумеется, нет, это в новинку, про него он мало что слышал, знал только, что он есть, вот и всё. А часто он слышал фразу — «такого вы ещё не видели», а потом клиент выдавал что-нибудь про двух домовых, поселившихся в одной квартире. Хоть случалось это не часто, почему это должно удивлять, не совсем понятно. Огромные собаки тоже по какой-то причине оказывались в категории невероятного.

— Удивите меня.

— Даже не знаю, как начать, чтобы не опарашить вас. Короче, наш прораб дал нам задачу, отвезти ненужные строительные материалы на старый склад, где мы храним вещи, что остаются после ремонта квартир. Часть мы распродаём, а часть увозим на этот склад. Так вот, собрались короче ехать на этот склад, я, Денис и Костя, ещё один друг наш. Накидали хлама в кузов и поехали. Склад далеко, загородом, большой такой амбар, металлический. Приезжаем, выгружаем всё и решили отдохнуть, благо на складе, и матрасов полно. Лежим, отдыхаем, подпили чуть-чуть, самую малость, почти трезвые, если что. И тут Костя находит куртку какую-то. Хорошую, почти новую. Надевает, и прям сидит на нём она очень хорошо. Мы ему это и говорим, мол, хорошая куртка. Радуемся за него. А он сам то не видит, начинает зеркало искать. И одно там было. Длинное, широкое, завешанное простыней. Снимает он эту простыню и смотрится в зеркало. А вокруг него ещё хлама было куча, он, когда к нему подходил несколько раз чуть не запнулся. В общем, стоит, любуется, говорит, домой заберу эту куртку. Разворачивается и цепляется этой курткой за какую-то железяку, и она его так потянула назад, что он спиной на это зеркало и полетел. Ну, мол с кем не бывает, ща удариться да встанет, башка у Кости крепкая, сами знаем. Да только вот

не бьётся он об это зеркало, а в нём и пропадает. Проходит сквозь него.

Анатолий резко замолк и уставился на Антона.

— Куда прошёл?

— Не знаем. Мы камень кинули в зеркало и камень туда же прошёл, насквозь.

— И не вернулся? — Антон сузил глаза.

— Неа.

— Ну что, удивили? — заговорил Денис.

Антон не знал с чего начать. Может, его разыгрывают? Поедет он на склад и там ему по башке трубой дадут, да телефон с кошельком вытащат? Дай бог не разденут.

— А вы сами пытались заглянуть туда? За зеркало?

— Мы че совсем что ли? Голову просовывать? Мы покричали Костю и сразу о вас вспомнили. Это всё случилось-то, пару часов назад. Ему помочь надо, Косте, достать его как-то. Что посоветуете?

Ничего Антон не посоветует. Очень он не любил, когда приходили клиенты с вопросами, на которые не мог ответить, таких, к счастью, было мало, и в конце концов ответы всегда находились. Но никогда не было зеркала, в котором пропадают предметы.

— Наверняка, зеркало — это портал в другой мир, — предположил Антон.

— И всё? В какой мир?!

— Чтобы ответить на следующие вопросы нужно будет дождаться моего напарника, подписать договор, выехать на ваш склад и... У вас случаем нету селфи-палки?

#

Павел с Антоном, поднимая ноги повыше, чтобы не запнуться, приближались к зеркалу. Оно было накрыто простыней.

— А зачем накрыли-то снова? — спросил Павел и обернувшись, обнаружил, что Денис с Анатолием стоят как можно дальше — А вы чего там далеко стоите? Зеркало же не взорвётся?

— Мы с этой хренью никаких дел иметь не хотим. Поэтому и накрыли. Поэтому и стоим так далеко, — ответил Денис.

Антон схватил серую простыню, сказал «ни пуха» и дёрнул её вниз.

Павел увидел себя в отражении обычного зеркала. Оно было чуть больше стандартных, но ничего магического в нём не наблюдалось.

— Это точно оно? Может есть ещё одно?

— Оно, — выкрикнул Анатолий. Казалось, они отошли ещё дальше.

Антон протянул селфи-палку, которую они купили по дороге, в сторону Павла.

— Мой телефон?! — Схватился Паша за сердце.

— Ты проспал сегодня!

Павел достал из кармана двенадцатый айфон.

— Я его совсем недавно купил. А у тебя там что, андроид?

— И что это должно значить?

Павел поджал губы.

— Ладно, — он резко схватил селфи-палку и нацепил на него телефон, — проспал я... просто будильник не сработал, не моя вина.

— А чья?

— Телефона.

Антон улыбнулся.

— Вот он и платит.

«И то верно» подумал Павел и сделал ещё несколько шагов к зеркалу. Протянул палку вперёд, почти касаясь зеркала.

— Стой! — крикнул Антон.

— Что? — дёрнулся Павел.

— Камеру-то включи!

— Точно.

Закончив приготовления, Павел дотронулся телефоном до зеркала.

— Я не чувствую сопротивления, — заметил он.

— Давай глубже.

— Кхм, глубже значит глубже, — телефон исчез в зеркале, — твою мать... Посмотри за зеркалом что, видно айфон?

Антон заглянул и тут же вернулся.

— Нет.

Ладони Павла вспотели.

— Ну всё, я возвращаю телефон.

Он дёрнул палку на себя. Затем ещё раз.

— Сука, застрял!

Павел обхватил селфи-палку двумя руками и потянул со всей силы.

— Что-то его не отпускает, тянет туда. Помоги!

Антон не растерялся, подбежал и схватился руками за палку. Потянули вместе.

Знали бы они, что по ту сторону зеркала, за эту же селфи-палку держаться три сильных рыцаря... Одновременным и резким движением рук на себя, эта троица не только получила в своё распоряжение новенький двенадцатый айфон, но и в придачу обзавелась двумя парнями из «агентства по борьбе с нечистой силой» ...и телефоном на андроиде.

На дворе — четырнадцатый год правления золотого короля Владислава.

Глава 16

Поход

Посреди густого зелёного леса расположилась небольшая полянка. В её центре пустили корни два дерева. Два больших толстых дуба. Как старые братья, они облакачиваются друг на друга своими макушками. А расстояние между ними напоминает дверь, портал в другой мир.

Истории о прекрасной земле, находящейся между этими дубами, были не более чем сказками. Дети часто пробегали между деревьями и приходя домой рассказывали родителям о выдуманных мирах. В одних — дети становились королями всей земли. Таким королям поклонялись и любили беспамятства. В других историях, дети становились могучими рыцарями. Они сражались с огнедышащими драконами и спасали чудесных принцесс. Дети не знали, и к лучшему, что рыцари уже не те.

Йогаст отцепил ножны от ремня и бросил на траву рядом с двумя дубами. Рядом с ним, ещё два рыцаря — Август и Бертольд сделали то же самое и плюхнулись, звеня латными задницами, на землю. Они сняли свои шлемы и положили рядом с мечами. Бертольд махнул своей шевелюрой.

— В баньку бы, — вздохнул он.

— С такими-то волосами, конечно, — усмехнулся Август, — бери пример с Йогаста, лысый как ёжик.

Рыцари засмеялись. Но осознание быстро вернулось.

— Нам бы что-нибудь великое, — Бертольд поднял руку и сжал кулак, — чтоб оставить след. Чтоб про нас сказки писали! А мы что? Сидим, караулим два дуба? Чушь сивой кобылы! Ждём пока ещё один мудрец появится. Одного мало было королю убить! Тридцать суток мы здесь. Пора возвращаться. Что скажете?

Август водил пальцами по траве.

— Времена такие настали. Тёмные. И в замке черте что твориться. В городе Люди пропадают. Не к добру всё это.

— А я про что! — поднял голос Бертольд, — вот оно, великое. Надо быть там. В гуще событий. Йогаст, что молчишь? Как считаешь?

— Мне тоже надо в замок. Дела важные.

Бертольд посмотрел на Августа, и они оба заулыбались.

— Девчонка... — сказали они почти одновременно.

Йогаст хотел ответить грубо, без шутовства, но их перебили. Между двумя дубами показалась странная вещица. Прямоугольная, тонкая совсем. Цвета...тёмная ночь.

— Я не один сошёл с ума? — поднимался на ноги Йогаст, а за ним все остальные.

Тёмный прямоугольник держался на палочке, что так же проявилась.

— Что делаем? — спросил Август.

— Хватаем, — Бертольд сделал два шага и поднял руки над палкой, — вы со мной? В сказку?

Они втроём схватили палку и потянули на себе. Соппротивление было небольшое, и рыцари с лёгкостью его пересилили.

Между деревьями появился человек, за ним второй. Они упали на траву, отпустив палку. Рыцари отскочили с испуга. Несколько секунд промедление, а затем они вытащили мечи из

ножен.

— Кто вы такие?! — Йогаст вытянул меч к горлу Павла.

— Кто вы такие?! — Крикнул Антон.

— Мы посланники золотого короля Владислава! Сторожим портал, на случай... что ж, получается на ваш случай, — ответил Бертольд. Он держал меч двумя руками, концом к небу, — а вы, должно быть мудрецы?

— Можно мечом в горло не тыкать, — вежливо попросил Павел, — нам бы обратно, в портал, — он обернулся и не увидел своего отражения, только глубинку леса. — Мне кажется мы застряли...

Антон повернулся к дубам и побегал глазами. Обратился к рыцарям:

— Вы не можете попасть к нам в мир? Через эти дубы?

— Нет.

Йогаст подумал о замке. О девушке.

— Вставайте. Пойдёте с нами, к королю.

— Нам бы домой, — ответил Павел, поднимаясь, — мы не хотим неприятностей.

— Знаем мы вас, мудрецов, — вставил Бертольд, — сначала не хотите неприятностей, а затем голова на пиках оказывается.

— Простите, — Антон стал подниматься, — что за мудрец? Он появился из этих деревьев, так же?

— Разумеется. Такие вещи знал. Вот его и прозвали — мудрец Константин.

Антон повернулся к Павлу:

— Это их третий. Со склада мужик, который провалился в зеркало.

— Так это было два часа назад? — Павел обратился к рыцарям, — как он так быстро мудрецом стал? За два часа?

Рыцари засмеялись.

— Какие два часа? Четыре месяца здесь был, мудрец ваш.

— Они соврали? — говорил Антон с Павлом.

— Или здесь время по-другому идёт? Зачем им врать?

— Так! А ну, тихо! Давайте вперёд идите. Мы мечами вас будем подбадривать, — сказал Йогаст, — в замке и разберётесь. Со всей свитой.

Павле сплотнул. Вдруг, в его голове появилась прекрасная идея. Он быстро развернулся и пробежал между деревьями. Рыцари не успели отреагировать. Но ничего не произошло. Разве что Павле теперь стоял чуть подальше. Он со стыдом обернулся и пошёл обратно.

— За попытку... — смеялся Антон.

— Заткнись, — угрюмо ответил Павел себе под ноги.

Рыцари, слегка улыбнулись. Йогаст поднял телефон.

— И это покажем королю. Бертольд, обыщи их.

Так и Антон остался без своего телефона. Айфон и андроид положили в мешок, а парней повели в замок.

— Долго идти-то? — спросил Антон.

— Идти долго. Скакать быстрее. У нас лошади неподалёку, в лесу.

Три белых коня спокойно гуляли по чаще. А когда им свистнули, они покорно подбежали к рыцарям.

— Послушные, — сказал Антон.

— У рыцарей других быть и не может, — ответил Бертольд, — жаль, времена, когда это

было важно, прошли. — Он подошёл к Павлу, — протягивай руки.

Йогаст связал руки Антона и привязал к лошади конец верёвки.

— Мы будем идти? — спросил Павел, — быстрее не получится же?

— Зато безопаснее, — ответил им Август, — чем меньше у вас сил, тем больше желание слушаться.

Никто с этим спорить не стал. Они отправились в путь.

Дорога была долгая. Шли по широкой тропе среди деревьев и зелени. Иногда мимо проезжал караван. Торговцы одобрительно кивали рыцарям, а их дети любопытно выглядывали из-за коробок с товаром.

За весь день сделали две небольших остановки для трапезы. Йогаст достал из мешка несколько кусков хлеба и поделился с пленными.

— Это лучший хлеб, который я ел, — заметил Антон.

Павел одобрительно закивал и следующим укусом оторвал ещё больше мякучки.

С наступлением ночи, вся орава прошла в лес. По пути собирая сухие ветки, они искали подходящее место для ночлега. Такое подвернулось очень быстро.

Антон с Павлом сели на траву, их ноги гудели.

— Может, развяжем их? — обратился к своим товарищам Йогаст, — бежать им некуда.

А если и захотят, то пожалуйста, волки их загрызут.

— И что мы королю скажем? — спросил Август, привязывая лошадей к дереву.

Йогаст бросил палки на земли, сел и стал строить из них пирамиду.

— Я просто не верю, что они куда-то сбегут. Они весь день на ногах были. Да и не убийцы. По ним видно.

Август навис над парнями.

— Может, ты и прав. Даю вам один шанс. Дичь выкинете какую-нибудь, — Август вытащил нож, — каждому по глазу выколю.

Парни кивнули.

Август разрезал путы.

— Но только на ночь. Бежать им действительно некуда.

Йогаст поднёс к сухим веткам два необычных камня и стал бить одним по-другому. Вскоре появился огонь.

Бертольд сидел рядом с костром и насаживал беличье мясо на палки.

— Мм, шашлычок, — Антон облизнул губы.

— Мы тоже голодные, — добавил Павел.

— Вы попали в чужой мир и так легко это восприняли, отчего? — спросил Бертольд с силой, натягивая кусок белки. Никак она ему не поддавалась. Видимо, упрямая при жизни была.

— Видели вещи пострашнее, — ответил Павел, — к тому же, пока ничего сверх необычного мы не видели: лес, людей в латах. Не осознаём в полной мере.

Бертольд задумчиво кивнул. Август, сидевший рядом, спросил:

— А что страшного видели?

— Пауков, гигантских пауков, — ответил Антон.

Йогаст подошёл к парням из-за спины. Всё это время он патрулировал окрестности.

— Насколько больших? По пояс? — спросил он.

— Чуть выше колена, — ответил Антон и заметил, как рыцари разочаровались. — Но матка была выше головы!

Это их взбодрило.

— И как вы эту матку прикончили?

— Она застряла между деревьями.

Рыцари снова разочаровались.

— Ну не дело. Не по-рыцарски это.

— Зато мы живы, — сказал Антон.

— Мы ещё с джином сражались, — похвастался Павел.

— Гадкие твари, эти джины, — сказал Бертольд, нацепив наконец белку на палку, — сталкивался с такими. Эх, были времена. Но признаюсь, не смог одолеть. Он в туман превратился и мой меч уже ничем не помог. А у вас получилось?

Павел поведал о случившемся, о плане.

— Ловко. Тупо, но ловко.

Бертольд встал и раздал всем по беличьей палке.

Август приподнял мясо над костром. Задумался, будто задремал. Затем, резко спросил:

— А вы вообще кто такие? Пауки, джины, теперь это? Как вас угораздило всё это пережить?

Павел загордился собой, отвечая:

— Мы людям помогаем. Они обращаются к нам с проблемой. В виде пауков или чего ещё необычного, и мы решаем эту проблему.

У костра с палкой присел Йогаст.

— Как рыцари? — спросил он.

— Хотелось бы думать, — ответил Антон.

После ужина и небольшой беседы, Бертольд затоптал костёр, а Йогаст отправился дальше патрулировать местность. На этом решили покончить с бодрствованием. Каждый стал нарывать себе траву для «кровати». Приготовления вскоре закончились и все легли на землю.

— Всё равно не мягко, — сказал Антон, ёрзая.

— Терпимо, — ответил Павел, настолько вымотанный, что ему было в самый раз.

После недолгой паузы, Антон сказал:

— Ты же знаешь, мы найдём выход.

— Да, знаю.

Поднялись с первыми лучами солнца. На тот момент в патруле был Август и именно он всех разбудил. Они быстро перекусили.

Йогаст достал верёвку из мешка.

— А это обязательно? Я думал мы теперь друзья! — сказал Антон.

— У вас здесь нет друзей, к сожалению.

— Хороший совет.

Парней опять привязали к лошадям и путь продолжился.

Через несколько часов пути встретился ещё один караван. На этот раз рыцари его остановили, задав несколько вопросов.

— Уважаемый, как дорога? Ничего не видели?

Торговец пожал плечами. Ничего он не видел.

Рыцари отпустили караван и двинулись дальше по тракту. Антону стало любопытно.

— А что увидеть должны?

Поскольку Антон был привязан к лошади Йогаста, у него он это и спросил.

— В последнее время, — начал рыцарь, — чем ближе к замку подъезжаешь, тем больше странностей встречаешь. Находим животных. Мёртвых. Туши обескровленные. Даже у птиц.

Всего лишь совпадение?

— Кто это делает? Какой-то хищник? — спросил Антон, будто всего лишь хотел поддержать разговор.

— А чёрт его знает. Не водилось у нас таких хищников, да и какой на такое способен, чтобы кровь пить?

— Кхм, может, вампир? У вас такие водятся?

Йогаст, смотря вперёд, задумался.

— Легенды ходят. Но это сказки заскучавших людей. Сам я в такое не верю.

Антон тоже не верил. Пока его жена не была найдена обескровленной, без головы.

Оставшийся путь Антон провёл в раздумьях. Его настораживало это совпадение. Но также давало надежду. Сможет ли он поквитаться за смерть Анна? Убить вампира? И пусть он будет другим, непричастным к её смерти, зато представителей их вида станет меньше.

К назначенному месту они добрались после полудня. Встав на холме, Антон с Павлом получили возможность оценить королевство. Замок стоял на возвышенности, таким образом, отделяя себя от города. Расстояние между ними заполняло поле размером с футбольное.

Город преимущественно состоял из одноэтажных деревянных домов, а высокие, кирпичные стояли только в центре поселения. Делился он на две части, разделённый рекой. По сравнению с нынешними городами, нашего мира, этот больше походил на деревню.

— Сколько человек здесь живут?

— Около пятисот, — ответили рыцари.

Спустившись с холма, они предстали перед большими воротами, последним препятствием на пути к жителям города и замку короля. Ворота охранялись двумя солдатами с копьями.

— Йогаст, Август, Бертольд, — начал один из стражей, — приятно видеть вас в здравии, — откуда пленники?

— Мудрецы, — объявил Йогаст, — с тех же краёв, что и Константин.

Солдаты переглянулись между собой и дёрнулись открывать ворота.

Солнце скрылось за тучами, окутывая город в серые краски. У самых ворот стояли деревянные казармы. Здесь обучали солдат, что в будущем будут служить в замке или в патруле города. В большей степени в казармах жили подростки. Именно они сейчас побросали свои дела, чтобы посмотреть на рыцарей и мудрецов. Каждый мальчишка мечтал о рыцарстве. Но этот титул давался за особые заслуги и с каждым годом всё реже и реже. Оттого, эти мужчины в блестящих доспехах привлекали внимание. Они были ходячими легендами.

Бертольд оценил взгляды и почувствовал вину. Ведь последний его подвиг был почти десять лет назад! Какой из него рыцарь, какой пример подражания?

Пройдя через казармы, они вышли к торговому переулку. Здесь, вдоль тропы, расположились прилавки с рыбой, мясом, шерстью, глиняной посудой и прочими бытовыми принадлежностями. Торговцы так заняты своим ремеслом, что не обратили внимание на прибывших. А их покупателей больше интересовал товар, чем какие-то прохожие. В торговом квартале они были невидимыми.

Что не скажешь о центре города. Его вид начинается с трёхэтажного, длинного

кирпичного дома, почти дворца. Его балконы украшены красными лентами, а сам кирпич покрашен в серые цвета. Павел спросил, о том, кто здесь живёт, рассуждая, что место наверняка принадлежит богатому торговцу или родственнику короля. На что рыцари ему ответили:

— Частично ты прав. Богатому торговцу. Но торговцу не рыбой или шерстью, а женскими телами. Это бордель.

— Бордель?! В самом центре?! — спросил Антон, осматривая постройку.

— Если у тебя есть монеты, хоть в замке ставь. Вопрос в количестве этих монет, — ответил Йогаст.

Все вокруг уставились на прибывших, и, казалось, даже бросили свои дела. С балконов борделя, дамы в неглиже, недвусмысленно намекали о желании принять великих рыцарей. Август вежливо ответил им отказом.

Обычные горожане такого гостеприимства не предлагали. Напротив, их взгляды бросали Антона с Павлом в дрожь.

— Такое ощущение, что мы уже им как-то насолили, — сказал Павел.

— Не вы, а мудрец Константин. Многие считают, что исчезновение людей, как-то связано с ним. А раз вы из того же теста, принимайте ненависть, — ответил Август.

— А почему они её не направят на Константина?

— На мёртвых сложно злиться.

Павел сглотнул.

— За что его убили?

— Не наше дело в это лезть. Спросите у короля, если будет возможность.

Пройдя мимо центра, они попали в жилой квартал, где внимание уменьшилось. Здесь было спокойно, люди занимались домашними делами и не выглядывали в окна.

Рыцари с парнями вышли в поле, за город, а оттуда быстро добрались до замка.

У ворот, в окружении стражи, их ждал седой, бородатый мужчина. Он был в чёрной робе. На его голове серебряная корона с маленькими зубчиками, устремляющимися к небу.

— Это мудрецы? — спросил он.

— Из того же портала, — ответил Йогаст, слезая с лошади.

— Меня зовут Генрих. Я — серебряный король, — громко объявил мужчина, — как вас называть.

Парни представились.

— Простые имена, — подметил Генрих.

Август вышел вперёд.

— У них при себе было это.

Павел увидел, как его айфон передают в руку серебряного короля.

— Это что? — спросил он.

— Мой телефон, — ответил Павел.

Генрих произнёс слово «телефон» и повертел языком, будто дегустирует вино.

— Что он делает?

Антон вступил в разговор, когда Павел, дважды открыв рот, так и ничего не вымолвил.

— Он как голубь. Передаёт сообщения от одного конца света на другой. Только он работает намного быстрее. Намного, намного быстрее. Мы говорим о мгновениях.

Генрих покрутил телефон в руках.

— И как им пользоваться? Где его крылья? И где лапка, чтобы привязать послание.

— В этом весь прикол.

— Что весь?

— Прикол? Коза?

— При чём тут коза?

— В этом вся суть! Суть! Йогаст, мой телефон у тебя, дай его королю.

— Серебряному королю, — поправил сам Генрих.

— Прошу прощения.

Генриху положили в руку второй телефон. Его лицо напряглось от попыток вразумить невиданную технологию. Антон ему помог.

— Вы отдаёте телефон любому человеку, кому хотите, вашей жене, например, дочери или сыну. И до тех пор, пока телефон не разрядился, где бы не была ваша жена, за сто километров отсюда или за тысячу, вы можете с ней разговаривать с помощью этих штук. Говоря в одну трубку, ваш голос издаётся в другом.

Где-то на половине рассказа Антона, о том, как работает телефон, Павел начал осознавать, что телефоны не будут работать. Для них нужны телефонные вышки. А для них нужно электричество.

— Покажи мне, — сказал Генрих.

— Боюсь, это невозможно, — вмешался Павел, пока Антон не наговорил на палача, — они работают только в мире, откуда мы пришли. Это очень сложно объяснить, но в вашем мире эти телефоны то же самое, что и камни. Им нужно электричество.

Антон легонько шлёпнул себя по лбу.

— Электричество... — Генрих снова продегустировал слово на языке, — да, теперь я понимаю, что это мудрецы, а не какие-нибудь самозванцы. Либо мудрецы, либо сумасшедшие. В любом случае, пока золотой король Владислав занят, наши гости займут лучшие спальни замка... в подземелье.

История земли нашей

Параграф 12.

Король умер, да здравствует король. Золотая корона упала на голову Владислава, второго сына короля Ивана и все выдохнули. Король Иван умудрился, на облегчение всей земле, убить в гневе своего первого сына и, не выдержав горя, умереть от болезненного жара в кровати через неделю после трагедии. Второй сын — Владислав хоть и не был олицетворением добродетели, его всё же минула жажда к жестоким расправам, пьянствам и насилию. Он был очень скрытный. Даже серебряный король, на тот момент — Ульрих, не мог сказать, каким будет новый золотой правитель.

Вся королевская свита собралась в тронном зале. На голову Владислава возложили золотую корону. Все затихли. Ждали слово короля. Некоторые певцы говорят, что по первому указу короля можно понять, как будут править землями. Я скажу — чушь. Однако, я всего-навсего историк и лишён хорошего слуха (прим. автора). Владислав поднялся с трона. Сердца всех в зале затрепетали. «Вот он король! Даже когда говорит, встаёт, чтобы все его видели и слышали», — думали присутствующие. А король сказал: «Всё? Можно идти?». Под таким девизом и прошёл первый год правления Владислава, первого своего имени. На заседаниях совета королей он не появлялся, в принятии законов участия не принимал. Поговаривают, что король даже читать не умел и поэтому вёл себя так отстранённо. Мол, учился читать. Правда это или нет, мы уже не узнаем.

На третий год правления король впервые вышел к народу и зачитал новый свод законов. Голос был его громкий и уверенный, читал хорошо.

Одно появление за три года всё же настораживало. Ходило много сплетен и слухов. Одни утверждали, что на самом деле у Владислава был брат-близнец, который и вышел тогда прочесть новый свод законов и только он умел читать. Другие, что король на самом деле женщина — Владислава и поэтому её не показывают народу, чтобы те не сбунтовались. Эти слухи были чистой выдумкой и ничего общего с правдой не имели. Да, король Владислав, после выхода в люди, впервые за три года, снова ушёл в «подполье» ещё на несколько лет. Только не оттого, что его брат-близнец, умеющий читать, не хотел выходить на публику. Не было у него брата. И не из-за того, что король на самом деле, боже упаси, был женщиной. Никто бы не позволил женщине сесть трон. Не будь у короля Ивана сына, а только дочь, тогда, как полагает обычай, серебряный король сменил бы свою корону на золотую.

Нет, дело тут в другом. Как утверждают некие приближённые к королю люди, чьи имена я обязан защитить не называя их, короля Владислава больше интересовала старая библиотека, чем правление землями. Наш король всегда любил одиночество и скрытность, а где ещё его можно найти, если не в королевской библиотеке, доступ к которой разрешён только трём королям по иерархии: золотому, серебряному и бронзовому. Книг в этой библиотеке было столько, что за всю жизнь не прочесть. Король Владислав считал иначе.

Для этого он большую часть дня там и проводил, пока страной руководили два других короля, рангом ниже. Нужно отдать им должное, руководили они хорошо, даже предпочитали именно такое положение дел. Никто от Владислава не требовал, чтобы он принимал участия в советах и принятии законов, всех устраивало его отрешённость и погружённость в книжках.

Серебряный король Ульрих и бронзовый король — Деволь, правили ещё при короле Иване. Именно поэтому к смерти Ивана не привязывают новую управу дел, как это обычно происходит, когда корону надевает новый король. Ведь Ульрих и Деволь поддерживали управу дел короля Ивана и после смерти так же ей придерживались. Только с появлением мудреца, можно сказать, появились первые шаги в сторону новой управы дел, когда король Владислав наконец взял правление в свои руки.

Королю Владиславу едва исполнилось тридцать пять, когда умер Ульрих. Впервые за долгие годы ему нужно было выйти из тени и как подобает традициям, назначить нового серебряного короля. Не имев друзей или хоть какого-то рода приближённых к себе людей, Владиславом сложно было управлять, тем более направлять в сторону нужных решений. У совета короля и Деволя были свои кандидаты и после смерти Ульриха, все они полагали, что им и предстоит выбрать нового серебряного короля самим. Тут и вмешался мудрец.

Появившись на улицах под замком, мужчина в странной одежде, стал привлекать внимание к себе не хуже великих бардов. Всё, что он говорил и рассказывал, передавалась от одного горожанина к другому. К слову, внимание он привлекал не только рассказами, но и своей красотой. Утверждая, что ему всего тридцать лет от роду, выглядел он намного моложе своих сверстников. Его руки были мягкие и гладкие, как и кожа на лице. Волосы — шелковистые, без рыхлых чешуек и совсем не седые. Может, именно поэтому его пристанищем стал бордель. Все женщины его полюбили без исключения, он любил их в ответ. Мудрец, со своим молодым личиком и славной кожей стал достопримечательностью борделя. Ходили слухи, что сам серебряный король Ульрих наведывался в бордель «посмотреть» на красавца и, что именно там он был поражён болезнью, от которой и умер. Её называли — любовь... Или сифилис.

Описывая появления мудреца и его первые месяцы в наших землях, даёшься диву, как он смог в дальнейшем получить своё прозвище. При короле Иване, нашего мудреца давно бы вытащили голого на площадь, таща по грязи, и били плётками день и ночь, пока он сам не стал молить о смерти. А вот короля Владислава никогда не интересовали женщины. Так же никто из приближённых к дворцу не видел его с женщиной. Только с книгами. Может поэтому, услышав о мудреце в первый раз, он не обратил внимание на его пребывание в борделе и развратное поведение. Его больше интересовали рассказы о другом, дивном мире, где лошадей заменили маленькие дома на колёсах, что двигались, без чьей-либо помощи. О мире с миллионами солнц.

Более того, короля настолько заинтересовал этот мужчина с гладкой кожей, что он не отправил стражу привести его, а сам, встал из-за стола библиотеки и направился в провинцию.

Спускаясь с холма быстрым шагом, без какой-либо охраны, его постепенно замечали все горожане. Вся работа приостановилась. Короля видели впервые за десять лет, реже, чем солнечное затмение. Солдаты нагнали его только у самого борделя. Мудрец уже ждал его.

Дальнейший разговор передавался из уст в уста, пока не дошёл до этого учебника:

— Ваши рассказы потрясают моё воображение. Я с радостью приму вас в своей

библиотеке, если вы поделитесь своей мудростью.

Последнее слово и зародило прозвище незнакомца.

— А женщины в вашей библиотеке будут?

До сих пор неизвестно, правда ли мудрец это спросил или же к диалогу приложил руку один из пересказчиков.

Независимо от сказанных мудрецом слов, король ему ответил:

— Я готов платить за ваши знания золотом, вином и женщинами. Всё, чего пожелаете, пока я не вижу в ваших глазах клевету.

Мудрец растянулся в улыбке и потёр ладонями. Король даже слегка улыбнулся в ответ, а может мастера историй добавили и эту деталь.

Все уже собирались расходиться, как мудрец добавил ещё одно условие к сделке:

— Я хочу забрать отсюда девушку, с собой, — мудрец прокашлялся, стал серьёзным как скала, — и не в качестве шлюхи, а в качестве друга. Яна, выйди.

Из толпы едва прикрытых женщин, вышла девушка двадцати пяти лет, босая.

Король и глазом не моргнув согласился на его условие. На что хозяин борделя возразил:

— Ваша честь, эта девушка моя собственность, по укладу дел, золотой король не может лишить меня собственности.

Эти слова прочно засели в голову королю в последующие дни. По старому укладу дел, король мог забрать, что угодно у кого угодно. При короле Иване это запомнили все. Тогда почему хозяин борделя говорит об обратном и с полной уверенностью в своей правоте? К этому мы ещё вернёмся.

— Я могу лишить тебя головы, думаешь я не могу лишить тебя шлюхи?

Король не стал дожидаться ответа. Он махнул мудрецу с девушкой в сторону замка, а солдаты окружили их для защиты, хоть для этого не было необходимости. Хозяин борделя смотрел, как уходит его актив, а женщины на зад красавца мудреца. Именно в тот день было положено начало становлению новой управы дел.

Мудрец поселился рядом с библиотекой. Так было удобнее королю. Каждый раз, когда Владислав спускался к книгам, ему было достаточно постучать в дверь ведущую в спальню мудреца, тем самым дав знать, что он ожидает его в библиотеке. Наверняка, мы уже никогда не узнаём, о чём именно разговаривал король с мудрецом.

Поступив в распоряжение короля, Яна ни на шаг не отходила от мудреца и поэтому ей всегда был приготовлен стул в библиотеке.

Наконец, вернёмся к смерти серебряного короля Ульриха. Как вам уже известно, на освободившуюся должность, необходимо было назначить нового короля и делал это исходя из обычая — золотой король.

На совете короля, бронзовый король — Деволь, зачитывал список кандидатов на рассмотрение, с мыслью, что именно ему достанется право решающего голоса, когда все услышали звон доспехов за дверью. Открывшаяся дверь представила перед взором бронзового короля дюжину солдат с самим королём Владиславом и мудрецом во главе.

— Деволь, я из коридора слышал, как вы произносите имена, не как иначе, кандидаты на пост серебряного короля?

Деволь покраснел за мгновенье. Осмотрев комнату в поисках поддержки, его постигла неудача. Казалось, будто все сделали шаг назад, к стенам зала.

Король Владислав продолжил:

— И всё же, меня одолевают сомнения, поскольку выбор кандидата в отсутствие

золотого короля считается предательством короны, будь она даже бронзовой.

Деволь встал, прочистил горло, вышел из-за стола и обратился к королю.

— Ваше сиятельство, я лишь зачитывал список для составления укороченного варианта, для вас. Чтобы не отвлекать от ваших библиотечных дел.

— Сир Кобольд! — король Владислав обратился к летописцу совета, человеку, благодаря которому мы знаем о происходящем событии в таких роскошных деталях, — Принести мне пожалуйста управу дел, мы с Деволем пока присядем за стол, ожидая вас.

Сир Кобольд побежал за прошеным, покинув помещение. Что происходило пока его не было, нам знать не дано.

Вернувшись, короли сидели за столом. Весь остальной совет стоял ещё ближе к стене и не шевелились, словно декоративные растения.

Вопреки ожиданиям, король Владислав не стал открывать управу дела, а пододвинул её Деволю и сказал:

— Открой и прошу тебя, со всей искренностью, найди закон, в котором сказано, что король не имеет право забирать собственность горожанина.

Мадам Белатрисс, член совета, ответственная за красоту и плодородность земель, упала в обморок, успев проронить вздох.

Деволь сглотнул, потянув управу дел на себя.

Что именно склонило короля Владислава подняться из-за книжного стола и отправиться в башню замка, где заседал совет? Многие летописцы и умоискатели спорят до сих пор. Одни, как, впрочем, и я, ссылаются на мудреца и его влияние. Другие утверждают, что дело в хозяине борделя и его словах про собственность. Будто король что-то заподозрил и решил взять дела в собственные руки. Разумеется, слова хозяина борделя могли повлиять на короля. Но если смотреть на картину целиком и применять более реалистичный и последовательный метод мышления, можно увидеть, что за десять лет, что король просидел в библиотеке, он прекрасно понимал, какую свободу дарит другим королям земли. И что законы управы дел явно пишутся не в его сторону. Король Владислав мог просидеть в библиотеке всю свою жизнь, и никто бы его не тронул, это была незримая сделка между Владиславом и остальной верхушкой королевства, что всех устраивала. Так зачем золотой король поднял свою корону? Может, кто-то ему нашептал? А может, ему нужна была реальная власть, чтобы сделать то, что было задумано и приведено в действие впоследствии?

— Нашёл? — нетерпеливо спросил Владислав.

— Ещё нет.

— Сир Родерик! Если в течение следующей минуты, Деволь не найдет нужный закон, отрубите ему голову!

— Вы не имеете права! — закричал Деволь, плескаясь слюнями.

Золотой король ударил по столу.

— Не надо говорить об отсутствии прав! Я золотой король! Я имею права на всё! И ваши писульки... — Владислав провёл пальцем по всем представителям совета, — не смогут меня этого лишить! Дай сюда, — король вырвал стопку бумаги у Деволя и сразу же нашёл нужный закон.

Владислав встал из-за стола и зачитал с листка:

— Учитывая необычный род увлечений золотого короля Владислава и в целях исключения тиранического поведения, вышеуказанный король лишается прав на изъятие какой-либо собственности, а также прав на решающий голос, право вето по любому поводу

связанному с увольнением, назначением, распоряжением лиц и имуществом королевской знати!

Хлопком, Владислав положил листок на стол.

Удивительно, насколько мало написано сиром Кобольдом о процессе принятия сего закона. Складывается впечатление, что разговоры о законе происходили вне собрания совета. Точно знаем мы две вещи, первое — серебряный король Ульрих был инициатором данного закона, и второе — будь он жив, стража короля, была бы на его стороне. Он был мудрее всех королей и вызывал больше уважение, и имел грязь на всех главнокомандующих королевской гвардией.

Деволь, по какой-то причине, не получил эту грязь в своё распоряжение после кончины Ульриха. И именно поэтому, в тот день, на пол упала голова Деволья, а не Владислава. И опять же, с другой стороны, будь вы на месте сира Родерика, которому отдали приказ обезглавить одного из королей, вы бы выбрали того, чей титул переходит по наследству или того, на чьё место можно было назначить любого? Ведь отрубите вы голову золотого короля, кто займёт его место? Детей у Владислава не было. Что тогда? Я вам скажу — смута! Смертей стало бы ещё больше! Пока, внизу, горожане готовились ко сну, решались их судьбы и проснувшись поутру, они даже не представляли как близки были к переулкам залитыми кровью.

С тех пор, королём, был заменён почти весь совет и назначены новые короли рангами ниже. Участие Владислава в делах королевства увеличилось и именно тогда, на столе совета появилась новая управа дел. Для начала король Владислав отменил все законы, введённые против него самого. Затем изменил часть законов, внесённых при короле Иване, улучшая положение простых граждан. Так, он постарался задобрить толпу и заставил не бояться изменений, что произошли в замке. Людям это понравилось и расправу над старым советом стали воспринимать как победу над укоренившимся злом, что отравляло земли.

Хоть король и принимал активное участие в делах, всё же в библиотеке он проводил времени больше. Ночи напролёт, король Владислав, мудрец Константин и бывшая куртизанка — Яна, перебирали книги одну за другой, в поисках, судя по упорству, смысла всего бытия. И может быть, до чего-то они докопались. Так, в одну из летних ночей, в полную луну, к сирю Кобольду пришёл слуга короля и сообщил, что Владислав собирает всех в башне совета. Сир Кобольд, не успев ещё осознать происходящее, поднимался с бумагами по закрученной лестнице башни, уступая дорогу всем остальным членам совета, более молодым и более быстрым.

Король ждал всех за столом и, не дожидаясь пока все рассядутся, объявил о своём отбытии в чужие земли. Шум, поднявшийся в башне, будил служанок у конюшни. Но решение было принято. На рассвете, король Владислав, вместе с мудрецом и Яной, отправится неизвестно куда, в сопровождении десяти лучших солдат и вернётся... когда вернётся. Правление будет передано серебряному королю — Генриху.

Тридцать ночей спальня короля пустовала. Его ждали на рассвете, его ждали на закате. Волнение в совете нарастало, учитывая их шаткую позицию. Не вернись король, справились ли бы новоиспечённые власти дворца с нарастающей смутой и тревожностью горожан? Не обвинят ли они совет в сговоре и убийстве короля?

На тридцать первую ночь, за холмом увидали королевский герб: золотая корона с орлом. Подходя к замку, сир Кобольд насчитал: сам король Владислав, мудрец Константин, девушка Яна и девять солдат.

— Ваше сиятельство, а где сир Родерик? — спросил Кобольд, махая по кругу факелом?

Король, спустившись с лошади, ответил, опустив голову:

— Всё, что я тебе сейчас скажу, будет записано в летописи?

— Разумеется.

— Тогда я предпочитаю промолчать и таков приказ отдаю всем своим товарищам, что меня сопровождали.

Никто так и не нарушив приказ короля. Мы до сих пор не знаем, что случилось с сиром Родериком и куда отправлялась дружина.

Во дворце все как можно быстрее забыли об этом спонтанном королевском походе и вернулись к привычной рутине. Всё, кроме вышеупомянутых участников похода. Здесь и начинаются заметные изменения в поведении и дальнейшем правлении короля.

Однажды ночью, сир Кобольд, проходя мимо комнаты короля, заметил отсутствие стражи. Он постучал в дверь и не получил ответа. Тогда он постучал громче, но получил всё тот же результат. Приоткрыв дверь, стало ясно, король отсутствовал. Сир Кобольд позже установил, что король всю ночь провёл в библиотеке. На следующую ночь, сир Кобольд, уже не случайно, опять проходил мимо королевской спальни и заметил отсутствие стражи. Король Владислав иногда засиживался допоздна в библиотеке, но не до столь позднего часа и точно не два дня подряд. На третью ночь всё повторилось. И на четвёртую.

На заседании совета, сир Кобольд, единственный осведомленный о ночных посиделках короля, был удивлён бодростью Владислава, что сидел перед ним в нескольких метрах без малейшего мешка под глазами. Более того, последние четыре дня король был чрезвычайно весел и полон сил. Румянец с его щёк так и не слезал. Мудрец же, сидевший напротив, выглядел, как и подобает не спавшему четыре дня человеку. Бледный до ужаса, глаза красные, движение медленные.

Убиваемый любопытством, сир Кобольд, на пятую ночь решил самолично спуститься в библиотеку, написав на бумаге: «Как слуга короля, совать нос в его дела не должен, но как летописец, мне предсказано спуститься в библиотеку в эту ночь». К большому сожалению, это была последняя запись сира Кобольда. Наутро его кровать была пуста и в библиотеке не было следа его пребывания. Король, хоть и разозлился, поведал, что сир Кобольд, куда бы ни отправлялся, до библиотеки так и не дошёл. На замену пришёл летописец — Боров. Записей о королевских делах в библиотеке, по ночам, он не делал, и мы так и не узнаем, чем закончилась вся эта история.

Сир Кобольд не стал последним пропавшим человеком при короле. На руках уже было два таинственных исчезновения и как подобает, третье не заставило себя долго ждать. Однако, связать напрямую с королём следующие исчезновения будет затруднительно. Единственная зацепка, где именно они происходили.

Каждое утро, хозяин борделя делал сверку куртизанок. Считал деньги и наказывал недостаточно хорошо поработавших по его мнению. Сперва, хозяин обрадовался выручки, узнав, что девять девушек принесли выручку, словно работали вдесятером. Улыбка эта быстро превратилась в гнев, когда он увидел в журнале, что на смену вышло десять женщин. Нигде в борделе не было десятой. Никто не видел её поутру.

Хозяин борделя, натерпевшись от короля оскорблений, особенно от такого слабого, по его мнению, как Владислав, отправился напрямиком в замок на аудиенцию к королю.

Больше его никто не видел. Подождав ради приличия, неделю, пришлось выбрать нового хозяина борделя.

Какого было его удивление, когда он, считая выручку за десятерых женщин, снова увидел лишь девять. Десятую девушку искали с факелами всю ночь, по всей деревне, но к замку не совались. Поиски ни к чему не привели. Люди расходились по домам, надеясь, что больше девушек пропадать не будет. А бордель тем временем пустел. Пропало столько женщин, что смогли выявить закономерность. Каждые третий день, наутро, их становится на одну меньше. Картина всегда одна и та же. В комнате, где последний раз видели девушку, приоткрытое окно и никаких следов борьбы. Никакая охрана не помогала. Как по расписанию, с первыми лучами солнца, постель оказывалась пустой.

В это время, в замке, по совпадению, прислуга слышала крики и ругань. Слова брани принадлежали — Яне, бывшей бабочке борделя. Кричала она, разумеется, не на короля, раз у неё все ещё был язык. Все крики доставались мудрецу Константину. Он утешал её, но каждый третий день крики возобновлялись с новой силой.

В один день они прекратились. Яна пропала. Тело её так и не нашли. На этом заканчивается её пребывание в этой книге. Было её исчезновение связано с дальнейшими событиями и уничтожением королевства? Или же именно смерть мудреца, последовавшая спустя неделю после её исчезновения, стало точкой отсчёта? Боюсь, мы никогда об этом не узнаем.

Глава 18

Мрак

В подземелье не было окон. Капли воды, а может, крови, разбивались о холодный камень. Издалека доносились слабые стоны. Никто не проходил мимо. Клетки не были заперты. Каждый заключённый был свободен передвигаться. Но эти люди: напуганные, исхудавшие, ещё в первый день находили самый острый камень и забивались в угол камеры, ожидая гостей.

Генрих сказал парням далеко не забредать, на случай если король захочет их увидеть, но предупредил, чтобы они на это не рассчитывали — «Библиотека его привлекает больше, чем эта бездна».

Антон попросил факел, Генрих засмеялся и закрыл дверь темницы.

Парни нашли немного сена, собрали в кучку и сели на него у холодной стены. Уже сложно определить, сколько часов назад это было.

— Что будет, если мы проголодаемся? — спросил Павел.

— Я вроде слышал крыс.

Да, он тоже их слышал.

— Мы здесь умрём. От голода. Ты знаешь, насколько это мучительно?

— Откуда мне такое знать! — повысил голос Антон.

— Ну раз бесишься, понимаю, что ты это осознал, хорошо. Просто хотел убедиться, что мы на одной странице.

— На одной, на одной, — уже спокойнее ответил Антон, — пора переворачивать её. Пойдём.

— Куда?

Антон встал.

— Ты сам сказал, надо искать еду. Сколько тут заключённых может быть? Они же что-то едят.

Парни вышли из камеры и пошли по узкому коридору. Темнота впереди не позволяла заглянуть далеко. Они шли медленно. Щупали стены.

— Стой.

— Что?

— Камера, прямо передо мной, — ответил Антон.

— Ты что-нибудь видишь?

Антон просунул голову.

— Псс, есть кто живой? Мы не причиним вам вреда. Нам бы поговорить, о еде, например..? Похоже никого нет. Давай зайдём.

Глаза хоть и привыкли к темноте, были они не кошачьи. Из-за этого почти наверняка определить присутствие живой души можно было только по звукам.

— Пусто, — подтвердил Антон.

— Пойдём дальше.

Они вышли в коридор.

Сделав несколько шагов вперёд на новую камеру, наткнулся Павел.

— Может, первый пойдёшь? — спросил он.

— Чего это?

— У тебя уже есть опыт.

— Давай, умник, топай.

Медленными шагами Павел появился в камере. Хотя он ничего не видел и не слышал, как и в предыдущей камере, эта всё же отличалась чем-то. Непонятным чувством жжения в спине.

— И тут никого, — сказал Антон.

Павел хотел сообщить, о чувстве в спине, но боялся потерять контроль над ситуацией.

— Паша, пойдём отсюда.

Шепнуть ему тоже было рискованно. Павел был уверен, за ними наблюдают. Кто-то в этой камере был.

К счастью, Антон неглупый малый и до него наконец дошла суть молчание Павла. Он сам не чувствовал жжения в спине, но доверял инстинкту друга. Протянув руку, он дотронулся до Павла и рисуя на его плече сначала квадрат, а затем указательным пальцем тыкая в углы этого квадрата, смог донести свой план. Топнув ногой, Антон подал сигнал, и парни разбежались в разные углы.

Ножки затопали. Павел с разбегу врезался в правый верхний угол камеры, Антон в левый верхний. Оба стукнувшись головой об камень, они, не теряя время, побежали в нижние углы, в правый и левый соответственно. Снова ничего. Лишь два лёгоньких стука о камни.

Павел отдышался и, не успев спросить, поймал ли кого Антон, хотя по звукам понимал, что наверняка нет, услышал, как тот опять куда-то побежал.

— Антон, ты куда? Углов-то четыре, — чуть ли не смеясь сказал Павел.

— Я думал, это ты побежал.

— Эмм, секундочку, если это не я и не ты, то кто?

Сглотнув, Антон ответил:

— В одном из углов кто-то ещё. Он наверняка перемещался вместе с нами, чтобы не выдать шагами: себя.

— Ближе к тебе или ко мне сейчас были звуки?

— Я не знаю.

— Так-так, хорошо, новый план, мы сделаем вид, что побежим, но остановимся на полпути и прислушаемся в какой угол побежит третий.

— Будь я не так напуган, посмеялся бы над твоей тупостью. Он же нас слышит! И весь твой план тоже!

— Чёрт! Хорошо, хорошо. Нам нужен такой план, зная который, ты всё равно не сможешь его остановить.

— Это какой?

— Придумал! Ты будешь менять углы, а я прислушиваться. Ты мне или нам, скажешь, в какой угол ты пойдёшь, и я буду искать звуки, исходящие из других углов. Готов?

— Да.

Павел наострил уши, но не услышал третьего. Чего уж там, он и Антона не услышал.

— Антон, ты тут?

— Да, да, я боюсь чутка.

— Понимаю. Как будешь готов, сообщи.

— Тогда я и его предупрежу. Может, без объявления обойдёмся?

— Да, ты прав. Значит, я всегда готов. Жду, когда ты побежишь.

В камере зашумели. Ножки затоптали, так же неожиданно, как и перестали.

— Ну? — в нетерпении спросил Антон.

— Я не знаю. Ниче не понял. Ни куда, ни откуда.

— Ещё раз?

— Да, давай.

Павел наострил уши.

— Я готов.

Последняя буква спрыгнула с языка, как зашуршали ноги. Всё снова затихло.

— Ну?

— Я не понимаю.

— Опять?

— Это не так легко, как кажется!

— Я тебя знаю, у тебя всё сложно! Давай теперь я слушаю, а ты бегаешь.

— Что значит у меня всё сложно? Сейчас сам убедишься, что это не легко! Сложно у меня...

— Ты готов?

— Да! — крикнул Павел.

Проверить, действительно ли всё у Павла сложно или нет, так и не удалось. Хотя... с какой стороны посмотреть на дальнейшие события. Добежать до угла Павел не смог. Где-то на полпути его сбили с ног. Справедливости ради, он тоже кого-то сбил с ног. Антон, стоявший углу вместо шагов, услышал, как сталкиваются лбы и как кости падают на пол. Кто-то завизжал.

Павел оклемался быстро и первым делом попытался ухватиться за любую конечность другого человека. Ухватившись, понял, что этим человеком оказалась девушка с грудью среднего размера.

— Отпусти! — крикнула женщина.

— Простите.

Антон услышал шаги.

— Ты её отпустил?

— Пришлось.

Антон побежал к выходу из камеры. Слегка промахнулся и ударился о клетку. Сделал шаг влево и выбежал в коридор.

Поднявшись, Павел услышал звуки борьбы и долго на месте не стоял.

Женщина могла бы ускользнуть, не будь она голодной и обезвоженной. Антон повалил её на землю.

Можете ли вы представить, о чём она подумала? Что с ней будут делать двое мужчин в подземелье? Когда она только сюда попала, эта картина первой поселилась у неё в голове. Ей удавалось избегать мужчин по системе темноты и углов, но стоило наткнуться на мужчин умнее дуболомов, её план провалился.

Она всегда была аккуратна. Выходила из тени, только когда к ней приходил друг с едой.

— Что вы со мной сделаете?! — кричала женщина отбиваясь.

Антон вздрогнул, услышав её голос.

— Прошу, не берите меня силой. Дайте мне еды, воды, и я сама сделаю всё, что вы захотите. У меня есть опыт в этих делах, я раньше работала в борделе.

Антон отбросил атакующие его разум мысли и сказал:

— Мы не причиним вам вреда.

— Дышать тяжело.

Он всё ещё сидел на ней.

— Извини, извини. Только не убегай, пожалуйста, когда я встану. Обещаешь?

Не дождавшись ответа, Антон встал с неё, но с запястий руки не убрал.

— Как тебя зовут?

Женщина села.

— Яна.

— Привет, Яна, меня зовут Антон, тень рядом со мной — Павел.

— Ага, — ответил она, — и что дальше?

— Паш, что дальше?

— Эмм, нам нужна еда, вода или выход отсюда. Получается всё то же, что и тебе, Яна.

— Что здесь едят? — спросил Антон.

— Крыс.

— А пьют?

— Кровь. Два в одном получается.

— Никто не может выжить с такой диетой, — возразил Павел.

— Сюда отправляют умирать. Если ты не нужен для показательной казни и не слишком важный, чтобы держать живым и сытым, то оказываешься здесь.

— И никак не сбежать? — спросил Антон.

— Нет.

Сперва он подумал, что сходит с ума. Ведь как такое может быть? Его подсознание выдала желаемое за действительное? Что это за игры такие? И дело не только в знакомом голосе. Нет. Даже интонации те же. И вещи ещё страннее, как дыхание, что он уже чувствовал рядом с собой, лёжа в кровати. И кожа...такая же гладкая и...Антон провёл ладонью по руке Яны. Такая же...точно такая же.

— Эмм, кто меня гладит?

К нему сразу вернулись слова Йогаста о животных, высушенных, обескровленных.

— Могу я потрогать твоё лицо?

Антон почувствовал, как сердце Яны забилось быстрее.

— Я ничего плохого не сделаю.

— Зачем тебе трогать её лицо? — спросил Павел.

— Не вмешивайся, — отрезал Антон.

Знакомый Павлу тон. Так он реагировал на упоминание Анны.

— Лишь проведу пальцами, — голос Антона дрожал.

Яна согласилась и сразу почувствовала, как холодные пальцы упали на её щеку. Они поднимались вверх, ко лбу, затем пройдя по нему, опустились к другой щеке, далее вниз к ямке над губами, потом уже тёплые пальцы остановились на нижней губе. И наконец ушли.

— Яна, — голос Антона стал мягче, — что ты знаешь о высушенных животных? О пропавших людях?

— Высушенные животные?! — воскликнул Павел так громко, что Антон почувствовал его дыхание, — при чём здесь они?

— Я знаю о них всё, — ответила Яна, — даже больше, чем нужно, чтобы оставаться в живых.

— Расскажи нам, пожалуйста — сказал Антон.

— Сначала отпустите мои руки. И пообещайте, что не тронете меня. Я знаю, что вы можете нарушить слово, но надеяться мне...

— Мы обещаем, — ответил Антон и отпустил Яну, — никто не тронет тебя, ни мы, ни кто-то ещё. Я буду защищать тебя, пока жив.

«Громкое обещание для девушки которую они только что встретили» — подумал Павел.

— Что именно вы хотите знать?

— Всё, по порядку, — сказал Антон.

— Тогда присаживайтесь. Это началось, когда меня с мудрецом Константином забрал к себе в замок сам король.

— Ты знаешь мудреца? — перебил Павел.

— Знала. Он мёртв. Если будете перебивать вопросами, история затянется.

— Молчим.

— Так вот, прибыв в замок, у короля Владислава были планы на Константина. Его удивили странные познания Кости о вещах, которые никому не веданы. Король стал расспрашивать его обо всём и Костя, ничего не укрывая делился знаниями в самых подробных деталях. Владислав был так поражён умом мудреца, что пригласил его к себе в библиотеку, где они вместе что-то искали. Я помню, как Костя приходил ко мне и рассказывал об удивительных вещах, что он открыл и для себя. Он говорил о магии и том, что в его мире, он никогда не видел ничего подобного.

Ко времени, когда меня пригласили в библиотеку, казалось, будто Владислав и Константин подпитывали друг друга. Одному нужно было знать про механических коней другому про единорогов. Их энтузиазм, в конце концов, достиг величайших масштабов, они хотели сворачивать горы своими знаниями.

Именно мудрец подтолкнул короля на путешествие. Он сказал, что хочет показать королю, свой, механический мир, откуда он и пришёл. Они нашли в одной из книг, знания, позволяющие путешествовать в другие миры.

Мы собрали десять солдат и отправились за какими-то свитками или чем-то подобный, тут извините, я так и не разобралась в этой магии. Нас не было тридцать дней. Почти все они ушли на дорогу. Мы шли четырнадцать дней. На пятнадцатый день мы достигли места назначения — перед нами была пещера.

Мы расположили рядом лагерь, плотно пообедали. Подожгли факелы, достали мечи из ножен, все кроме меня, и вступили в пещеру. Мы ожидали бандитов или медведей, но за весь путь не встретили никого. Шли долго. Было много крутых спусков, но у нас было для этого снаряжение. В самом конце пути, пройдя длинный тоннель, мы увидели что-то вроде комнаты. Там было несколько столов, стулья и много-много разбросанных бумаг, всё жёлтые, от старости. Место было заброшено. От свечей, что были на столах, остались комки воска. Мы собрали все бумаги. Король, осмотрев их мельком, не смог сдержать радости. Стало понятно: мы нашли, что искали.

На обратном пути, почти у самого выхода, нам не повезло, король шёл позади нас и, судя по всему, мы своими шагами, создавали вибрации по всей пещере. Земля под ногами стала разваливаться. Те, кто шли первыми, не были в опасности, те, кто в середине, прыжком вперёд, смогли избежать падения, те, кто шли последними, прыгали к нам и надеялись, что их подхватят. Всех подхватили, кроме короля. Он провалился. Было страшно, первые несколько секунд, пока никто не отвечал на наши крики. Затем: «Всё хорошо» — крикнул король, — «я поищу, где здесь можно подняться, не прыгайте за мной». Мы вышли

из пещеры и стали ждать короля. Уговор был таков: не вернись он в течение короткого времени, мы все спускаемся к нему. Но до этого не дошло. Король Владислав вышел из пещеры вскоре. Он был полностью в порядке за исключение одной неприятной досады, его укусила летучая мышь. Ранку осмотрели и промыли. Король чувствовал себя хорошо, и мы отправились путь, с бумажным богатством.

На следующий день королю поплохело. Он весь побледнел, был мокрый. Хотели остановиться, но король настаивал, чтобы мы шли. К вечеру ему стало лучше. Сильно лучше. Он всех обогнал, шёл впереди, размахивал мечом и упивался своей силой. Утром всё повторилось. Пока светило солнце, король был обессилен, еле шёл. К вечеру, словно рождался заново.

— Яна, прости, что перебиваю, но не могу не заметить, — начал Павел, — летучая мышь, солнце плохо, ночь хорошо, у вас в мире есть такой термин, как «вампир»?

— Я хотела поддержать интригу, — никто не видел, но Яна слегка улыбнулась, — да, мы начали подозревать, что король мог заразиться вампиризмом. Мы даже осмелились ему об этом сказать, но я чуть забегая вперёд.

Примерно на четвёртый день, точнее вечер, когда мы ждали, что королю станет лучше, ничего не поменялось, он как ходил немощный и бледный на солнце, так и при луне. Пришлось сделать остановку. Уложить короля на траву и дать отдохнуть. Остальные, последовали его примеру, и мы все легли спать, все кроме сира Родерика, что остался на дежурстве.

Наутро он пропал. Никто не слышал его криков ночью или звуков борьбы. Король Владислав первым рванул его искать. Солнце поднялось над нами, ударив в полную силу. Было чертовски жарко. Все мокрые, кроме короля. Никогда его не видела таким при свете дня. Он скакал чуть ли не по деревьям в поисках сира Родерика. Ещё удивило, как быстро он приказал перестать его искать. Сказал «дорогу знает, догонит нас». Естественно, нас он не догнал. Больше мы его не видели.

Хоть большинство солдат книгу в жизни не держали и образованием не кичатся, думать умеют и простые вещи складывать тоже. Стали перешёптываться. Обсуждать, кто с королём поговорит. Выбрали Костю, он был ближе всех к королю и знает к нему подход. Все собрались у костра. Владислав, к вечеру, весёлый как подобает, полон сил, щёки красные, глаза блестят. Рассказывает истории, что вычитал в библиотеке, как Костя его перебивает. Говорит, ваше сиятельство, я не мог не заметить вашу болезненную реакцию на солнечный свет. Король такое лицо делает, будто понятие не имеет, о чём тот говорит, а затем, видимо, понимает, что театральные навыки его скудные и никого не проведут. Сдаётся, и вздыхая, говорит, что может подцепил чего, от насекомых, что летают в округе, а может еда походная ему не по вкусу и плохо переваривается. Мудрец замечает, так вы не едите ничего, за пять последних дней, вы и крошки хлеба в рот не положили. Король лицо своё скалит, разводит руками и говорит — «на что вы намекаете». Мудрец впрямую отвечает «болеете вы, и думаем мы, что вампиризмом заразились». Как я поняла, в вашем мире такой болезни часто не встретишь, и Косте нечего было добавить. Пришлось мне подхватить, сказав: «вам плохо на солнце, хорошо под луной и это началось после укуса летучей мыши, болезнь не частая, но случается». Король бросил хворост в огонь и приказал замолчать. Не только мне и мудрецу, но и всем солдатам. Сказал, что полетят головы за такие домыслы, предупредил, что, если по замку пойдут эти слухи, головы лишатся все сидящие у костра. Никто в ту ночь не мог уснуть.

Остаток обратного пути прошёл гладко. Из солдат никто не пропал. Иногда по пути встречались мёртвые животные, наутро. Мы все понимали, но держали язык за зубами. Безумие. Сейчас об этом думаю и понимаю, какими глупцами мы были. Заразись вампиризмом кто угодно, а не король, ему бы отрубили голову на месте и дело с концом. А тут получается, что самый влиятельный человек в королевстве стал животным жаждущим крови. И мы вели его в замок, туда, где его уже не достать. С нами было девять бойцов. Мы могли убить его там, на месте. Прийти в замок и сказать, что он пропал в пещере. Конечно, нам могли не поверить и пытаться, может быть, один из нас и прокололся, может быть, нас всех казнили. Зато мы бы людей спасли, ни в чём не повинных.

— А король не мог сам понять, что с ним творится?

— Вампиризм поражает душу, как говорят, затуманивает рассудок. И сил даёт нечеловеческих. Это опьяняет.

— А лекарство есть?

— Это нам и предстояло выяснить с Костей. Этим мы занялись по возвращении. Не сказать, что это было просто. Король перестал спать, за ненужностью. Он был в библиотеке, днём и ночью. Вампиризм не только физических сил придаёт, нет, он улучшает все ваши навыки. Король стал быстрее читать, быстрее писать. Мудрец не попевал, и Владислав это видел. Со временем он стал смотреть на него свысока. Костя тогда мне сказал, что времени у нас мало найти лекарство, говорил, что скоро не будет нужен королю и мы потеряем доступ к книгам, которые он мне приносил, для изучения вампиризма.

Шли дни, я читала книги, одну за одной, искала зацепки, но кроме отрубленного голов зараженных, ничего не находила. В одной из книг я прочитала, что для поддержания жизни вампира и его способностей, в случае если вампир не находится в глубокой спячке, нужно пить кровь примерно раз в три дня. И когда из местного борделя стали пропадать девушки, с тем же интервалом, одиннадцать человек, что находились в замке, даже не удивились.

Мы знали. Ходили по коридорам замка, переглядывались, но что-то сказать боялись. Сколько девушек должно были умереть, прежде чем один из нас подставил бы свою голову под плаху? Мне хватило четырёх. К своему стыду. За эти двенадцать дней, пока пропадали по очереди четыре девушки, король, используя свои обострённые навыки, приблизился к разгадке портала в другие миры, как никогда ближе. Мудрец, не по своей воли, а из страха, ему помогал.

Я помню, он пришёл ко мне, в ужасе, сказав, что у них есть текст заклинания, что ещё чуть-чуть и король будет иметь доступ к другим мирам. Он сможет проходить в них, и как думал Костя, убивать людей, пить их кровь, опустошать их тела и возвращаться как ни в чём не бывало. Таким образом, он сможет питаться вне своего мира. «Не гадить там, где ест» — сказал мудрец. Для меня это было последней каплей. Я говорила, даже кричала, что нужно покончить с этим, соберемся все вместе, девять солдат и мы с ним. Пойдём в библиотеку, с мечами и одному из нас должно повезти, ведь так? Мудрец согласился. Решено. К вечеру, у каждого солдата под подушкой лежал клочок бумаги со словами «пора — это прекратить, если ты с нами, бери меч и выходи во двор».

Мы на многое не рассчитывали. Нам нужно было ещё хотя бы двое, хорошо будь их пять. Один за одним, из-за двери, во двор, вышли все девять солдат. Слова друг другу не сказали, все всё понимали. Подходя к библиотеке, достали мечи, слышали, как король что-то напевал себе под нос, так близко мы были.

Видите ли, никто из нас с вампиром не дрался раньше и не видел ни разу, на что они

способны, как они двигаются. Знали бы, напали сразу. А так, мы сначала зашли, все вместе, хотели посмотреть ему в глаза, не по чести это, сразу нападать. Король терпеливо ждал, пока мы все пройдем в библиотеку и выстроимся вокруг него. Костя заговорил первым: «ваше сиятельство, вы больны, вы убиваете невинных горожан. Мы предлагаем вам пройти в ваши покои и запереть вас там. Каждые три дня, мы будем приводить к вам по одной кабаньей туши, пока не найдём лекарство». Король спросил: «Или?». Один из солдат ему ответил: «или отрубим вам голову...ваше сиятельство». Не знаю, играл ли с нами король или действительно думал, но заговорил лишь спустя время, обратившись к мудрецу он молвил, что дописал заклинание, и наконец может путешествовать в другие миры, он попросил у мудреца и у всех остальных, отпустить его, сказал, что сгинет в другом мире, никогда сюда не вернется. Я не знаю, как понял Костя, но сказал: «лжёт, отрубите ему голову». Рванули на него все разом. Мечи над головами, латы гремят. Я понять ничего не успела, как меня волной в шкаф ближайший отнесло. В ушах звенело, в глазах туман. И крик такой, нечеловеческий, пронзил меня насквозь. Поднимаю голову и вижу: солдат, бегущих на огромную летучую мышь. Она в крови вся, на самой ни царапины, а рыцарей не девять. Повсюду кровь, страшные крики, головы летят, бьются о шкафы. Одна прямо ко мне подкатилась. Думала умру. И поделом мне было. За ошибки нужно расплачиваться.

Благо, мудрец перед глазами появился, кричит мне что-то, а я не слышу, в ушах звенит. В руках его, бумаги, заклинание, то самое, что портал в другой мир открывает. Хватает меня за руку и ведёт из библиотеки. Мы Бежали. Я не знала куда, пока мы не спустились. Как раз сюда, в подземелье. Ключ у него откуда-то был. Открывает дверь и говорит, что нужно мне здесь спрятаться. Только тут он меня не найдёт. Вампиры, они как собаки, могут найти человека по его запаху. Я соглашаюсь, выхода не было. Он обещал, что меня здесь будут кормить, подсовывать еду, когда никто не видит. Я ему сразу сказала, что его план не самый лучший, мягко говоря, ведь как только король не сможет уловить мой запах, он поймёт, что я нахожусь в этом подземелье, он спустится сюда и найдёт, рано или поздно. Костя согласился со мной, замолк, смотрел в пол, думал, затем резко выпалил, аж напугал меня, что у него есть идея: он скажет Владиславу, что разобрался в его бумагах и открыв портал, отправил меня в другой мир, а сам остался, чтобы остановить его. Как быстро он это сказал, так же быстро и ушёл.

Я осталась одна, в этом подземелье. Иногда мне приносят еду. Не так часто, как хотелось бы, но хоть что-то, — Яна многозначительно выдохнула. Её рассказ подошёл к концу.

Как раз в это же время, железная дверь подземелья отворилась. Жёлтый свет упал на лица наших героев. Они были не так далеко, чтобы остаться незамеченными.

— Эй! Вы ж те мудрецы? Идите сюда! — крикнул солдат.

Павел, не зная, что делать, следовать ли приказу стражи или бежать в другую сторону, хотел перекинуться словом с Антоном. Повернувшись к нему, он его даже не узнал. Его друг побледнел. Его глаза покраснели, а губы дрожали.

— Ты в порядке? — спросил Павел перед, тем как заметить, что Антон, всё это время смотрит на Яну. Пришлось и ему взглянуть. Что такого ужасного он разглядел на её лице. Красивые пухленькие щёки, голубые глаза с небольшим носиком и вздутыми губами. Грязь в волосах не могла испортить их шелковистость и объём. Она была прекрасна. Так отчего теперь и его глаза раскрылись широко, а челюсть медленно поехала вниз?

— Этого не может... — с трудом прошептал Павел.

— Эй! Вы чего там, не заставляйте нас к вам идти! Живо сюда! И девчонку свою прихватите!

Антон поднял руки, облизнул большие пальцы и протёр щёки Яны от грязи. Она была напугана взглядом парней и находила комфорт в холодной стене, пытаясь продавить её спиной.

— Что с моим лицом? — спросила она.

— Последнее предупреждение! — кричал солдат.

— Нам нужно идти, — Павел схватил запястье Яны и Антона. Вставая, он потянул их на себя, — Ну же, потом разберёмся с этим!

— Король хочет вас видеть! — сказал стражник, когда они подошли. — А это что за девчонка? С вами была что ли!

Второй стражник вступил в разговор:

— Нет, их же двое было, я точно помню. Погоди-ка, лицо знакомое у неё. Неужто это так шлюха что с мудрецом всё якшалась?

— Ты чего, не может этого быть, я помню, как король всему двору её голову показывал, вместе с теми девятью рыцарями и мудрецом. Девка похожа просто, может сестра? Была ли у неё сестра?

— Была не была, разница-то какая! Покажем королю, мало чего, скажет обратно закинуть, так и сделаем, но лучше перестрахуемся.

Стражник связал каждому руки и приказал идти впереди.

Поднимаясь по винтовой лестнице, Павел зашептал:

— Мы сошли с ума? Ты тоже это видишь? Её лицо!

— Она выглядит как Анна.

— В точности как она.

Антон еле шагал. Его голова кружилась. Он смотрел на идущую рядом девушку и понемногу вспоминал, какие чувства в животе, пробуждала его любовь к жене.

— Я не могу в это поверить.

— Вот так совпадение, — сказал Павел.

— Не просто совпадение. Мне кажется, я начинаю понимать, что именно произошло.

— Вы что там шепчетесь, а ну, тихо! — крикнул стражник.

Они вышли в коридор с высокими потолками. Расположение дверей по бокам напоминали гостиницу. Они вели в комнаты, где жили солдаты и прислуга. Окон здесь не было. Их путь освещали расставленные свечи. Они дошли ещё до одной винтовой лестницы, поднялись по ней и вышли к новому коридору. Этот был попросторнее, однако напоминал предыдущий.

— Куда мы идём? — спросил Павел.

— В библиотеку, к королю Владиславу.

Где-то на полпути, парням удалось краем глаза оценить тронный зал. В нём блестели полы. На весь потолок изображён герб королевства, а по бокам стояли каменные скульптуры всех прошлых королей.

Тронный зал остался позади.

Они вышли к месту, которое Яна видела сотню раз и где потеряла свою свободу.

— Библиотека короля, — объявил стражник, открыв дверь в помещение.

За столом сидел мужчина, с длинными светлыми волосами. Локоны волос дотрагивались до бумаг, над которыми склонился король. Он что-то записывал. Его не стали

перебивать и тихонько стояли у двери.

Золотой король Владислав, первый своего имени, поднял голову. Мудрецы привлекли большее внимание.

— Уважаемые гости! — король отложил ручку и встал из-за стола, — Честь принять вас здесь, в моём царстве! — затем он посмотрел на Яну. Его лицо дрогнуло, уголки губ потянулись вниз, но он успел их остановить. — Не думал, что увижу вас снова!

Обойдя стол, король Владислав приближался к гостям, не отрывая взгляда от Яны. Подойдя к ней, он коснулся пальцем её подбородка.

— И где же ты была всё это время?

— В подземелье, ваше величество, — ответил стражник.

— Я не вас спрашивал. Вы можете быть свободны. Мне не нужна защита, тем более от них.

Стражники с облегчением удалились из библиотеки.

— Вернёмся к тебе, моя дорогая. Я смотрю в твои глаза и вижу хитрость. Нет, не твою, боже упаси, а мудреца. Даже после смерти, он смог меня одурачить, и я не могу понять, как он это провернул. Потрудишься объяснить? Я тебе голову оторвал.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — Яны попыталась говорить твёрдо, но воспоминания расправы над девятью солдатами, не позволяли ей успокоиться.

— Может, это вернёт тебе память.

Король ударил Яну по лицу тыльной стороны кисти. Она нагнулась, закрыла щеку рукой. Король поднял руку, чтобы ударить по затылку, но Антон преградил путь, встав между ними.

— Нет.

Владислав засмеялся.

— Женские чары, что они только не делают с мужчинами.

Владислав схватил Антона за горло и оторвал от пола.

— Назови хоть одну причину не сломать тебе шею прямо сейчас?

— Она не знает, — начал шептать из синих губ Антон, — как тебя обхитрил мудрец, но я знаю. Убьёшь меня, останешься без ответа. Ты же хочешь знать, правда? Ты всё хочешь знать, поэтому ты здесь, в библиотеке?

Король отпустил Антона, и тот приземлился на ноги чуть не упав.

— Я слушаю.

— Расскажи я тебе сейчас, что остановит тебя от тройного убийства?

— Что останавливает меня сейчас от двойного?

— Я. Ты ведь хочешь большего, чем разгадку? Мы поэтому здесь, в твоей библиотеке, а не в подземелье крыс едим? Я знаю, чего ты хочешь больше всего и эти двое тебе не помогут. Одна просто не может этого дать, у другого кишка тонка.

«Ну спасибо» — подумал Павел, — «надеюсь, эти унижения стоят того плана, что придумал Антон».

— И чего же я хочу?

— Ты видел другой мир. Тот, что с механическими конями и высочайшими замками. И я готов поспорить, что он напугал тебя до чёртиков. Один ты не справишься. Ты знаешь это. Именно поэтому ты там больше не бывал, с прошлого раза. Тебе нужен проводник.

Король отошёл к столу. Он посмотрел на свои книги, затем вглубь библиотеки, на бесконечные ряды и полки с книгами.

— Я всю жизнь искал что-то удивительное, неподвластное моему разуму. Что-то, что не смогу разбить на логические кусочки и понять, как это устроено. Куда ни погляди, что не прочитай на этих старых пергаментях, всё одно, да потому. Слова меняются, суть одна. И когда я нашёл, что и искал, взглянул в эту бездну неизведанного, я тут же отвернулся. Струсил. Иронично, не правда ли? — король обратился к Антону — Хорошо. Что ты хочешь взамен?

— Эти двое. Ты их не тронешь. Мой друг отправится домой, в другой мир и мы забудем о его существовании. Яна, не знаю, возьмёт лошадь, горсть золота и ускачет куда глаза глядят. Сразу после этого, я в твоём распоряжении.

— Звучит разумно. Что-то ещё?

Антон посмотрел на Яну с Павлом.

— Ещё ужин, мы голодны. А после, я расскажу, как тебя обхитрил мудрец и ты покажешь мне заклинание, которое перемещает в другой мир.

Перед тем как король отправил гостей в комнату, ждать ужина, он остановил взгляд на Антоне и сказал:

— Если ты солжёшь мне или попытаешься вывернуться из сделки, будешь смотреть, как я медленно снимаю кожу с твоих друзей.

— Тогда мне лучше не лгать.

Глава 19

Ужин

Расстояние от окна комнаты до земли — около трёх этажей. Павел закрыл его. Выглянул в коридор. Там стояли стражники, закрывали вид своими панцирными железными грудями. Он успел заметить несколько прислужниц, пробегающих мимо с красивой посудой. До ужина оставалось недолго.

Павел закрыл дверь перед стражниками.

— Я не знаю, как мы выберемся из этой передраги.

— Мы не можем дать ему то, чего он хочет, — Яна сидела на большой кровати рядом с Антоном. Он не произнёс ни слова, как они вышли из библиотеки короля.

— Антон? Скажи нам, что у тебя есть план, — обратился Павел, — и не говори, что ты не блефовал, когда разговаривал с королём.

Антон посмотрел на Павла, впервые за долгое время.

— Если мы ничего не придумаем, какой выбор остаётся?

— Умереть, — вмешалась Яна, — нельзя помогать этому монстру. Сколько людей погибнет, реши ты ему помочь.

— У него уже есть заклинание, — ответил Антон, — ты думаешь, страх другого мира парализует его навсегда? Рано или поздно, он наберётся смелости и отправиться туда. Люди умрут. Вопрос только в том, сможет ли его кто-то остановить. Я могу его контролировать.

— Контролировать вампира? Мы тоже так думали. Костя, я. И посмотри, что из этого вышло!

— Я так просто не сдамся. Не позволю выпить себя досуха!

Увидев, как Антон с Яной ругаются, ему это напомнило спор семейной пары.

— Может и это обсудим? — обратился Павел к Антону.

— Вы о чём? — спросила Яна.

— Я не думаю, что это сейчас важно.

— А я думаю, что важно. Удивительное совпадение, не правда ли?

— Возможно, — Антон пожал плечами.

— Что-то мне в этом не нравится. Будто мы что-то упускаем...

— Что?

Не успел Павел открыть рот, как за дверью начался спор. Третий голос не принадлежал стражникам, но парни узнали его сразу.

— Мы не можем пускать кого попало к заключённым! — выставил руку стражник.

Йогаст хотел отрубить эту руку на месте. Затем их головы.

— На мгновенье, — настаивал он, — я буду у вас в долгу.

— В насколько большом?

Язык Йогаста предавал его сердце, говоря:

— По мешку золотых.

Стражники довольно заулыбались, представляя, на кого из девок они потратят это золото.

— Ты купил себе время, пока мы будем в туалете, заперев комнату снаружи.

— Идёт.

Замок защёлкнулся за Йогастом. Он попал в комнату. Два мешочка были ничем в

сравнении с тем взглядом, что он получил от Яны. Она рванулась к нему со слезами на глазах. Он крепко сжал её в руках, чувствуя, как сильно бьются их сердца.

— Я пришёл с едой в подземелье, искал тебя, пока мне не сказали, что вас троих увели к королю. Я никогда так не боялся. Больше никаких прятков, никаких хитростей, я вытащу тебя отсюда.

— Он найдёт меня по запаху.

Антон встал с кровати.

— Чья была голова? — спросил он, — Король сказал, что оторвал Яне голову и высушил её тело. Чья была голова?

Йогаст отпустил Яну.

— Я не знаю, какой-то девушке, похожей на неё.

Антон потёр безымянный палец правой руки.

Павел посмотрел на Яну, затем Антона, затем повторил это движение, уже быстрее.

— Ты не думаешь?.. Нет, этого не может быть, она умерла четыре года назад.

— Кто умер? — спросила Яна.

Йогаст взял её за руку.

— Стражники скоро вернутся. Я должен тебя отсюда вытащить. Встань за моей спиной и не отходи ни на шаг. Как только стражники придут...

— Нет! — Крикнула она и тут же прикрыла рот ладонью. Успокоилась и продолжила, — мы ни за что не выйдем из этого замка живыми.

— Надо сбегать после ужина, — предложил Павел, — у нас будет больше времени. Король будет в своей библиотеке, стражники сонными. Сможешь раздобыть ещё людей?

— Бертольд и Август.

— Я видела, что он может сделать с девятью солдатами, — предупредила Яна.

— Что насчёт горожан? — спросил Антон, — После исчезновений в борделе, какое настроение у людей? Сможешь поднять бунт?

— Я рыцарь! А не глашатай! У меня взятку дать рука еле поднялась.

Антон сложил руки на груди.

— Если твоя честь превыше всего, то всмотришься в личико Яны хорошенько, запомни его, поскольку только память о нём будет согревать тебя по ночам. Если хочешь её уберечь, без кровопролития не обойтись. Можешь дожидаться стражников, разрубить их напополам, взять Яну под руку и бежать, пока вас не встретит гарнизон. А если, предположим, что ты справишься с ними и вы сбежите, как быстро король вас найдёт? Ему достаточно лишь запаха! Как скоро ты зайдёшь в избу, где вы остановились, на берегу реки, и обнаружишь обескровленное тело своей жены? Ты хочешь её спасти? Мы должны убить короля! А для этого нам нужны люди! Это единственный способ!

Дверь распахнулась. Йогаст сжал рукоять меча.

— Время вышло, друг, пора выходить, — сказал стражник.

Яны качала головой, смотря на своего рыцаря. «Не надо».

— Хорошо, — поддался Йогаст, отпустил рукоять, развернулся и покинул комнату. Дверь захлопнулась.

— Как ты смеешь ставить его в такое положение? — Яна повернулась к Антону, её губы тряслись то ли от злости, то ли от печали.

— Если мы не остановим короля сейчас, сколько людей погибнут? В любом из миров, неважно. Мы попытаемся его оставить, любой ценой, любыми жертвами. Если умирать, то

нападая, а не забившись в угол ждать своей очереди. Надеюсь, твой друг это понимает.

#

Как сцена театра, большая комната наполнялась реквизитом. Слуги переглядывались. Такой большой стол они не накрывали со времён короля Ивана, когда он обедал со своими детьми и женой. Четыре стула, один на краю стола, вокруг него ещё три, два слева и один справа. На столе в идеально выверенном промежутке, чтобы все могли дотянуться, дымилась туша кабана с яблоком во рту. У каждого будет посуда: тарелка, вилка, ложка, нож, полотенце и бокал для вина. Гостей уже ждало вино, а в бокале короля было пусто. Он пил только-то «вино», что приносил с собой.

Служанка, взяв вилку, стукнула по колокольчику на столе три раза.

Стражники распахнули двери. Антон шёл впереди. За ним: Павел и потом Яна. Король стоял за своим стулом, сжимая спинку длинными когтистыми пальцами. С его сверкающих зубов капала кровь.

Антон сел слева от короля, Павел с Яной справа. Служанка подошла к столу, взяла длинную вилку и воткнув в кабана, стала разрезать тушу ножом, что в другой руке.

Король сел за стол, отхлебнул своего вина и уделил всё внимание Антону.

— Я думаю, нам стоит подружиться, — кивнул он, — столько нужно обсудить, столько нужно показать друг другу. Будет лучше, если мы будем честны.

— Костя был твоим другом, — вмешалась Яна, — и ты всё равно отрубил его голову.

Владислав неохотно повернулся к Яне и ответил:

— Он попытался это сделать первым. Ты будешь винить меня за то, что у меня это получилось лучше?

Кусок кабана лёг на тарелку Яны, но она на него даже не посмотрела. Её взгляд принадлежал другому бездушному животному.

— Ты вынудил его. Ты хочешь знать, каким другом он тебе был? Хочешь знать, сколько раз оправдывал твои поступки и защищал тебя?

— Он делал это для себя. Оправдывал мои действия, чтобы успокоить свою совесть. Хочешь знать откуда я это знаю? Как только он решил, что не может торговаться с совестью, он не пошёл ко мне с этой болью, он пошёл ко мне с мечом.

— Это ты говоришь себе перед сном? Ты предал его первым. Ты поддался этой болезни и стал убивать. Ты напугал своего друга. Ты не пошёл к нему за помощью. Ты решил стать монстром.

Владислав откинулся на спинку стула, поднял бокал и допил кровь в бокале за два глотка. Опустил стакан вверх дном и демонстративно потряс его вниз. Последние капли упали на белую скатерть. Король поджал губы в досаде. Затем, протянув руку в сторону Яны, сказал:

— Протяни свою руку... Мне повторить?

Девушка протянула трясущуюся руку. Король, как ястреб, резко схватил её за запястье и другой рукой сделал надрез на ладони. Подставил под него свой бокал.

— Так и держи, пока не заберу.

Чтобы как-то успокоиться Павел опустил голову на кусок кабана и стал его резать, пока тарелка не закрипела он ножа.

— Простите, — Павел остановил нож.

Владислав не обратил на него внимание, его взгляд вернулся к Антону.

— Я хочу услышать то, что ты мне обещал, — сказал ему король, — почему эта девушка сидит передо мной, хоть я отчётливо помню её тухлую голову.

Антон злился, но тщательно это скрывал. Только Павел мог разглядеть эту злость в глазах.

— Твой мудрец, когда ты спросил его, куда тот спрятал Яну, что ответил?

— Что он отправил её в другой мир. Он сказал, что изучил заклинание на бумаге и смог открыть портал в лесу, откуда вы пришли.

— Он солгал тебе. Этот идиот решил кинуть тебе кость в другую сторону, и ты повёлся. Готов поспорить, что он не смог его открыть, потому что будь это правдой, он сбежал бы отсюда вместе с Яной. Но не смог. В нашем мире он мудрецом не был, это простой рабочий, которому платили копейки. Он был мудрецом на фоне вас.

Антон отрезал большой кусок кабана с тарелки и закинул в рот.

— И всё же, — начал Владислав, — я открываю портал и прохожу в него. Я вижу огромные башни и чудеса, о которых не мог и мечтать. Я взлетаю к небу и чувствую знакомый запах. Следую ему. Он приводит меня к дому из кирпича, и сквозь окно я вижу её, — он кивнул в сторону Яны, — она выходит из комнаты в прекрасном платье и пахнет точно так же.

Антон прожевал мясо.

— Могу я увидеть заклинание? На бумаге? Ты наверняка носишь его с собой.

Король улыбнулся.

— Проницательно.

Он достал свёрнутый в трубочку лист и передал Антону. На бумаге был расположен текст на полстраницы. После каждого слова в скобках — транскрипция. Настолько простая, что Антон мог её прочитать.

Что это было? Всего лишь случайность? Глупость, ошибка, жажда крови? Трусость людей? Их некомпетентность? Беснаказанность? Он забрал его мир, его жизнь. Почему? Не повезло? Не повезло, что у этого человека оказался тот же запах? Тоже лицо? Те же глаза? Почему он должен страдать за ошибки людей из другого мира?

— Девушку, которую ты убил, звали Анна. Она ничего не знала о вас. Она не из этого мира. Так случилось, что из семи миллиардов людей, именно она обладала тем же запахом, тем же лицом, что и Яна. Она была невиновна в её действиях.

Владислав приподнял руку Яны и схватил бокал. Пригубил.

— Понимаю. Именно её голову я принёс.

— Она умерла четыре года назад, — сказал побелевший Павел, — а по рассказам Яны, вы были там совсем недавно.

— Мне кажется, что портал не привязан ко времени, — сказал Антон, — скорее к образам. Владислав знал Яну и проходя в другой мир, держал её образ в голове. Этот образ и привёл его к Анне. Девушке того же возраста. С тем же запахом. Вне зависимости от времени.

— Это же безумие! Путешествие во времени?! — не успокаивался Павел.

— Да ты посмотри на неё! — не сдержал крика Антон. — Посмотри на неё! Посмотри на её уши, на её волосы, в её глаза! Это она! Её точная копия! Моей Анны!

Его грудь горела, а глаза тонули. Антон поднял нож трясущими руками, чтобы увидеть в

нём своё отражение. И увидел он там человека, ради которого вселенная вывернулась наизнанку только для того, чтобы его сломать.

Король больше не улыбался. Он опустил голову, взял салфетку со стола и протёр уголки губ от крови.

— Значит, я убил близкого тебе человека.

— Жену, — Антон бросил нож на тарелку.

— Она твоя, — король указал на Яну, — я её не трону. Считаю этой жестом справедливости.

— Я не твоя собственность, — указала Яна.

Король не заметил её слов.

— Друг останется здесь, в гостях, пока ты показываешь мне свой мир. Девушка вольна идти куда тебе заблагорассудится.

— Сколько людей ты убил? — спросил Павел, уставший смотреть со стороны.

Король поднял на него голову. Павел хотел сжаться, но удержал себя.

— Я не знаю. Много.

— Тогда почему ведёшь себя так, будто смерть Анны что-то значила для тебя?

— Она не была шлюхой.

Яны не могла смотреть на него из-за ярости, бурлящей в её глазах, словно огонёк свечи под сильным ветром.

— Я убиваю лишь недостойных людей... или когда защищаюсь.

— Что насчёт сира Родерика? — спросила Яна, повернувшись к королю, — Я прошу твои слова о недостойных людях для того, чтобы узнать зачем ты его убил.

— Он был моей единственной ошибкой.

— Сир Кобольд тоже был твоей единственной ошибкой?

— Он налетел на меня с ножом, когда увидел меня в другом обличье, мне его жаль.

— Наверное удобно, убивать и не считать себя виноватым?

Не сдерживая улыбки, король протянул Яне пустой бокал:

— Можешь остаться и налить мне ещё вина или стража проводит тебя в спальню.

Яна встала из-за стола и служанка, стоявшая у двери, выскользнула в проём. Через минуту, стражники увели Яну в спальню, где её заперли на замок. Она легла на кровать в одежде, прекрасно зная, что не сможет сегодня уснуть. Её разум будет в комнате, где проходил ужин, вспоминать хищные глаза Короля и полные сожалений глаза Антона. Он смотрел на неё, а видел кого-то ещё. И хотел перед этим человеком извиниться.

— Мы не должны враждовать, — король придвинулся к Антону, — я не хочу войны, не хочу мести. В наших силах это прекратить. Что думаешь?

— Она сказала что-нибудь? Ты ей что-нибудь сказал? Перед тем как...

— Нет. Она ничего не сказала. Смотрела на меня, будто первый раз в жизни увидела. Меня это удивило. Она была вежлива со мной. Спросила, чем может помочь, пригласила войти.

Антон попытался улыбнуться.

— Она всегда была слишком доверчива. Что потом?

— Она не мучилась, если ты об этом. Я не люблю, когда они мучаются. К тому времени, я научился убивать быстро. Она не почувствовала ничего.

Павел, подслушивая разговор, не мог не заметить.

— Когда убиваешь животное, одно из причин убить его быстрее, чтобы страх не

испортил мясо. А что насчёт крови? Страх портит её вкус?

— Вы не хотите мне верить, — хоть король и обращался к двум, взгляд от Антона не открывал, — вы слышали слово вампир и уже приняли решение насчёт меня. В ваших глазах я монстр.

— Ответ на вопрос, — приказал Антон.

Король резко встал, опрокинув за собой стул.

Павел дёрнулся.

— Я убиваю шлюх! — закричал он, — Шлюх, чья жизнь не имеет никакого значения! Знаете, что происходит в борделе, когда я их забираю? Ничего! Они берут новую, точно такую же шлюху! Шлюху, что за копейки готова продать своё достоинство. Они ни о ком не думают, кроме себя и тех копеек, что бросают им эти грязные мужчины. Мой отец, был таким, мой брат. Столько этих низких женщин они приводили к нам во дворец. Столько ночей я лежал в кровати и слушал их грешные стоны. И знаете, что самое отвратительное? Что не даёт мне покоя? Одна из этих шлюх, моя мать!

Влад поймал глазами служанку у двери, с опущенной головой.

— Вам только повод дай. Вы ни о ком не думаете кроме себя. Слабые, слабые существа. Напуганные при одном только моём виде. Пускаете страх в свою кровь, портите этот дарованный богами напиток своей слабостью. Конечно, страх портит вкус крови! Но я не монстр! Мне просто не повезло...

Успокоившись, король вернулся к столу, поднял стул и сказал, опустив голову к Антону:

— У тебя есть время до завтра. Реши, что тебе важнее, месть или бессмертие. Я могу даровать тебе одно, но не другое. Достаточно будет взглянуть в твои глаза и узнать, что ты выбрал. Теперь оставьте меня в покое. Стража!

Парней развели по разным комнатам. Более роскошная досталась Антону. Он сел на кровать, разулся. В окне, далеко, виднелся лес. Тёмные деревья синхронно качались. Он получил ответ. Четыре года неизвестности. Он почти потерял надежду. И ответ свалился, когда Антон ждал его меньше всего. Что теперь? Мечь или бессмертие? Он любил Анну. До сих пор любит. Яна только подтвердила это. Но бессмертие? Столько всего можно сделать, столько увидеть. Падение цивилизаций, их рассвет. Неужели мечь настолько ему важна, что он готов упустить такой дар? Что бы для него хотела Анна? Что если, загробный мир существует, и она его ждёт, как ребёнок в садике ждёт родителя. Антон уснул, представляя Анну на узкой скамейке. Позади неё разноцветные шкафчики других детей.

Павел ходил по комнате. Его положение было хуже всех. Он либо пленник в чужом мире, либо сопровождающий ущерб в мести Антона. И он не мог понять, что хуже. Весь ужин он чувствовал себя ненужным. Его таким сделали — ненужным. И дело было ни в том, что король всё внимание уделял Антону и даже ни в том, что они встретили точную копию Анны. Нет, он был ненужным уже давно, до их встречи. Никому он здесь не нужен. Никогда не был. Только один человек заботился о нём, несмотря на боль и несварение желудка. Павел так долго чувствовал заботу Оли, отчего развил неправильное представление о жизни, думая, что его друг заботится о нём, что любому человеку присуща такая забота. Пришлось забросить его в другой мир, чтобы он увидел правду о людях.

В пустой таверне по столу гуляла ворона. Холодный туман плыл по старому деревянному полу.

— Чё ворота растопырил, закрой либо с этой, либо с той стороны, — прорычал хозяин таверны протирая кружку, сидя у шкафа с выпивкой.

Йогаст закрыл дверь.

Никогда здесь не было так пусто. Неудивительно, что Ермхиль втирал всю свою злость в бедный пивной стакан.

— Куда все делись? Завтра же выходной, а в таверне пусто.

Ворона на столе не сводила глаз с Йогаста.

Ермхиль ударил стаканом по столу.

— Сегодня третий день! Все закрылись по домам. Прячут дочерей, жён. С вилами в руках, стоят у двери, у окон и ждут.

Йогаст взял стул и подошёл к хозяину таверны. Сел рядом с ним.

— А ты почему здесь?

— А мне терять уже нечего...

— Я слышал, что пропадают только девушки из борделя.

Ермхиль оглядел рыцаря с головы до ног. С отвращением.

— Пока его не закрыли, чтобы убереечь товар. Спрятали всех шлюх. Тогда и начали пропадать все, кто ни попадя. Кто в туалет выходил, кто гулял рядом с домом, кому не спалось. Люди стали всех прятать. Без разбору, шлюха не шлюха. Если ты женщина, значит давай в погреб.

— Помогло?

Ермхиль взял бутылку с полки и налил себе эля в тот самый стакан, который начищал до блеска.

— Нет, — сказал он и сделал несколько больших глотков эля, — ну...смотря чего мы добивались. Мужчины стали пропадать. Сука, даже мальчишки.

Заорала ворона, Йогаст дёрнулся.

— Да не ссы ты, это мой друг. Он не мужик и не баба, его не заберут...пока что.

— Если теперь пропадают мужчины, то почему ты так спокойно сидишь? Хочешь умереть?

Ермхиль выдал смешок. Сделал несколько глотков эля и выдал отрывку.

— В том то и дело, что лучше бы меня. Мужики в этой таверне собирались, все самые, блять, смышлёные, и говорят, не дело это, чтобы мужики помирали. Кто же будет работать? Охотиться? И все ему, сука, кивала. Шкура своя дороже оказалась. И знаешь, что они предложили друг другу? Мол, без мужиков сильных не обойтись, не защитит земли. А бабы что? С ними, конечно, хорошо, они кровать греют, но лучше живым, но без бабы, чем мёртвый!

Йогаст протянул руку к стакану эля. Ермхиль не стал ему препятствовать. Рыцарь опустошил стакан и поставил на стол. Ворона закаркала.

— Тихо там, — крикнул хозяин таверны.

— И как это происходит? Они каждые три дня бабу выводят?

— Оставляют кого не жалко в доме, а сами в погреб прячутся. Все так делают и надеются, что к ним не придут, что не их женщина. Одной семье всегда не везёт. Они и кричат на всю улицу. Остальные выдыхают, ложатся спать. Ждут третий день.

Йогаст схватил рукоять меча.

— И все смирились? Так просто?

— А что остаётся? К королю обращались, они молчат, в замке своём укрылись. Бежать из города, а куда? С голоду в лесу сдохнуть? Или волкам пир устроить? Остаётся только что бухать, да молиться.

— К какому королю обращались? Почему я ничего об этом не слышал?

— К Владиславу, он сам к нам пришёл, один, без стражи. Сказал, что сделает всё возможное. Но, честно говоря, чем-то тут пахнет и от него тоже. К нам с замка никто не спускается. Ты первый, кто пришёл. Нас тут бросили, подыхать, как свиней на убой.

Йогаст бы извинился, но не нужно это Ермхилью. За такие извинения можно получить по лицу.

— Вы видели, как пропадают люди?

— Хер его знает. В темноте не увидишь толком. Знаю, что свечи гаснут. Это первый признак. Второй — крик. Нет, скорее визг. Потом звук, будто громкий хлопок. И нету больше женщины твоей. Тёмная тварь унесла. Всё проламывает. Стены, двери, полы. Как такое чудище убить? Ты ж рыцарь, вот и скажи.

А какой выбор у него есть? Люди и так гибнут. Никто больше не придёт, не поможет. Каждые три дня, бойцов будет меньше. Антон был прав.

— Вампир на вас нападает. В форме летучей мыши.

Ермхиль закивал, не удивился.

— Откуда ты знаешь?

Осторожнее надо быть.

— Видел, как король Влад в такую мышь превращается.

Кружка полетела в Йогаста. Он опустил голову и увернулся. Отпрыгнул назад. Ермхиль побежал на него.

Йогаст выставил кинжал. Хозяин таверны коснулся его, кончиком кадыка.

— Я пришёл сюда помочь. Знаю, что поздно. Знаю, что люди умирают. Но я, ваша единственная возможность попасть в замок. Никто вам ворота не откроет. Если подойдёте, гарнизон прикончит вас всех из арбалетов.

Ермхиль был зол как чёрт, но глаза его все понимали. Рыцарь опустил нож в ножны.

— Соберём людей, — сказал Йогаст, — прямо сейчас.

— Нет, — Ермхиль схватил его за руку, — если мы хотим иметь хотя бы шанс ему противостоять, надо застать его врасплох.

— Что ты предлагаешь?

Ворона закаркала.

— Начнём собирать людей, до пропажи девушки, потеряем преимущество. Пусть он улетит с жертвой. Пусть питается ею, пока мы идём к замку.

— Мы можем не успеть.

— Мы уже не успели.

Ворона вылетела в окно. Рыцарь и хозяин таверны сели обратно за стол.

— Давай чего не будет покрепче, — сказал Йогаст.

Ермхиль достал две стопки.

— Мы крик услышим отсюда?

Хозяин выдохнул.

— Услышим.

Глава 20

Пир

Они увидели две сотни факелов. Папироса командира гарнизона упала деревянный пол. Он потушил её подошвой ботинка.

— Рано или поздно, это должно было случиться.

Гарнизона хватит, чтобы опустить каждый факел на траву. Но никто не хотел пожара.

Серебряный король Генрих вертелся в мокрой постели. Его мучили кошмары с тех пор, как пропала первая женщина из борделя. Он знал. По глазам короля, по его румяным щекам. Знал и молчал. В зеркало перестал смотреться. Бежал от себя. Но с наступлением ночи нужно было остановиться. Тогда совесть и отыгрывалась на нём, пробуждая во сне самых жутких чудовищ.

Его разбудил непрерывный стук в дверь, расходившийся эхом по всему коридору.

Генрих встал, быстро протёр мокрую спину и предстал перед солдатом в одних панталонах.

— У тебя должна быть хорошая причина, чтобы так долбить серебряному королю в дверь, боец.

Что-то ему подсказывало, что она была. Этих глаз, что смотрели на него в страхе, он ждал каждый день с момента возвращения золотого короля из похода.

— Это горожане, они взяли за факелы и идут к воротам замка.

— И что требуют?

— Так они ещё идут. Не знаем.

— И на кой меня будите, если не знаете? У вас что, королей мало?

— Моргута, бронзового короля нету в его покоях, а Владислава мы не беспокоим в библиотеке, сами знаете.

Генрих кивнул сам себе. Действительно, только он и остался у этого королевства. Серебряный король показал солдату спину и пошёл одеваться. Накидывая свою робу, он подумал о Моргуте и как повлияли на него исчезновения, и общий упадок настроения в замке. Генрих думал, что из них двоих, Моргута эта коснётся в меньшей степени. Он мог посмотреть на Серебряного короля и думать — «раз и он бездействует, то не стоит себя так корить за то же самое, за ним ведь больше ответственности». На деле же, бронзовый король успокоился, только когда заткнул рот бутылкой. «Помогает заснуть» — говорил он, — «и просыпаясь, первым делом думаешь о том, как сильно болит голова, а не о том, что мы королевство просираем».

Положив на голову корону, Генрих вышел из комнаты и вместе с солдатом они отправились к воротам.

Толпа подошла к замку. Они кричали, требовали переговоров. Для начала. Командир гарнизона пытался отправить их домой, но вид они сделали, будто не слышали его криков вовсе.

— Может, напугаем их, пару стрел выпустим?

Солдат, сказавший это, получил по затылку.

— Ты не видишь, что ли, там одни женщины да дети.

— Эй! — кричит Генрих командиру, — подними ворота, я выйду, поговорю с ними!

Пока поднимались ворота, Генрих пытался унять озноб. Ночи становились холоднее, значит зима близко. С таким королём, зиму не продержаться.

— Дай факел, солдат.

Тепло факела окатило лицо серебряного короля. Полегчало.

Ворота открылись, как раз, когда командир гарнизона спустился к королю.

— У замка женщины и дети, мужчин нету. И всё же, почувствуете опасность, дайте сигнал, король, и мы начнём стрелять.

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — улыбнулся ему Генрих.

Командир проводил его взглядом, надеясь, что видит его не в последний раз.

У самых ворот серебряный король остановился. Повернулся к командиру.

— А где мужчины? Не проходили здесь?

— Нет.

Генрих напряг лицо.

— Думаете, отвлекающий манёвр, король?

— Было бы слишком очевидно. С другой стороны, что взять с простого народа? Отправь бойцов в подвал под туалетом, к трубам, через которые отходы в реку стекают, и побольше людей, там может их и встретим. Проход узкий, можно будет по одному протыкать.

— Будет сделано.

Король выдохнул. Вроде ко всему подготовились. Захотят войны, они её получат, в лучшем виде.

Единственный, маленький огонёк факела Генриха, приближался к сотням, словно блудный сын, возвращавшийся домой.

Подойдя поближе, король разглядел одного мужчину. Он вышел из толпы женщин.

— Ермхиль, дружище! У тебя, что, эль закончился? Решил другое развлечение найти?

Король хотел задать лёгкий тон с самого начала.

— Да, — с лёгкостью в голосе отозвался Ермхиль, — решил посмотреть, что в замке твориться, как вы можете так спокойно в нём прятаться, пока наши жёны и дочери пропадают!

Король остановился в двух метрах от хозяина таверны и в четырёх от толпы женщин.

— Я не знал про твою жену и дочь, — солгал король, — чем обязан такому позднему визиту?

— Вы знаете, чем.

— Наслышан. О пропажах...

— Наслышан? Хорошее слово подобрал, смотрите-ка, — некоторые женщины оскалились после этих слов Ермхилия, — королевское, я бы сказал. Скажи мне, король, когда вы планируете это остановить, эти пропажи?

— Мы работаем на этом.

— Как?

— Ведётся расследование.

— Какое?

— Это держится в секрете.

Генрих видел гнев на лице Ермхилия. Уголки рта приподняты. Брови опущены.

— Почему на помощь не пришли солдаты? Выделите вы нам пятьдесят подготовленный бойцов, и мы бы уже поймали виновного.

— Мы не знаем кто это. Отправлять людей бороться с тенью? Мы должны быть умнее.

Ермхиль шагнул вперёд. Король не дрогнул, но сказал:

— Остановись, не делай шаг вперёд, если не хочешь бойни.

Хозяин таверны плюнул королю под ноги. Генрих не обратил на это внимание и спросил:

— Где все мужчины?

— Готовятся.

— К чему?

— К одному из вариантов развития событий.

— И как мы избежим этого нежелательного развития событий?

— Всё просто. Вы пустите нас в замок. Не только женщин, но и мужчин. Приведёте короля Владислава. Я сделаю надрез на своей руке и подведу к его рту. Если он не зашипит и не вопьётся мне в руку, мы скажем, что ошиблись и мирно разойдёмся по домам.

Огонёк задрожал в темноте. Генрих побледнел. Как они узнали? Кто им сказал? Кто допустил эту чудовищную ошибку? Собравшись с мыслями, Генрих, надеясь, что его голос не предаст его, сказал:

— Этому не бывать, — всё, на что хватило уверенности.

— Ты уверен, король?

Решительность Ермхилья пугала Генриха.

— Я уже отправил солдат в подвал, под туалетом, если ваши мужчины там, они мертвы.

Король осматривал лица девушек, пытаясь найти хоть одно лицо, что выдаст страх за их воинов. Неудача. Стальная уверенность на каждом лице.

— Отправляйтесь домой, немедленно! — крик короля сорвался в писк. Все засмеялись, — Хватит!

— Хватит, — крикнул Ермхиль и ему подчинились.

Генриху этого хватило, чтобы почувствовать себя уязвимым. Он повернулся к стенам замка и начал махать факелом, закричав:

— Стреляйте в ноги! Пока эти суки не побегут!

С ехидной улыбкой, король повернулся к толпе, ожидая увидеть их спины. Все стояли так же неподвижно, как и минуту назад.

— Вы слышали, что я сказал? Болты вот-вот полетят.

За спиной короля тишина.

— Попробуй ещё раз, — сказал Ермхиль, сложив руки на груди, — мы подождём.

В этот раз, когда король повернул голову к замку, огни не горели. Огромное каменное сооружение стояло в темноте, будто заброшенное много веков назад.

— Что вы сделали? — обратился король в страхе, не только к Ермхилью, но и ко всей толпе.

— Давай сходим, посмотрим вместе.

— Вас никто не впустит, — всё ещё настаивал Генрих, словно не хотел верить в потерю контроля.

— Опять же, король, давай подойдём к воротам и убедимся в этом. Если нам никто не откроет, мы пойдём обратно, по домам.

Король молча принял предложение. Развернулся с опущенной головой и пошёл к воротам, слыша позади шаги толпы.

Что всё это значило? Неужели мужчины города взяли замок, пока он был за воротами? Не может быть, чтобы так быстро. К тому же, он отправил людей к канализации. За такое

маленькое количество времени опытные солдаты не пробились бы к гарнизону, не говоря уж о кучке работяг с вилами.

Гадать оставалось недолго.

Сотня женщин, Генрих и Ермхиль подошли к воротам, смяв под собой большое количество зелени.

— Открывайте ворота! — крикнул хозяин таверны.

По лбу Генриха скатилась капля пота.

— Не открывайте ворота!

Цепи загремели. Ворота поднимались. С острых концов падала земля.

— Вы что делаете? — закричал Генрих, — закрыть ворота, приказ короля!

Ворота поднялись до конца.

— После вас, — сказал Ермхиль.

Король рванул с места. Войдя в замок, он не стал оглядываться и разбираться, что случилось. Его разум был сосредоточен на механизме, что опускает ворота. Взявшись за рубильник двумя руками, он потянул его вниз. Два солдата схватили его за руки. Ещё двое разжимали его кулаки.

— Вы что делаете! — кричал король, пока не увидел командира гарнизона в луже собственной крови у того же рубильника. Он тоже пытался остановить открытие ворот.

Короля насильно усадили на пол.

— Что происходит? — сказал он, с бегающими глазами.

Командир гарнизона был не единственным мертвецом. С десятков солдат гарнизона также лежали вокруг. У большинства, из затылка, шла кровь. Били исподтишка. Свои же.

— Вы все предатели короны! — крикнул Генрих тыкая пальцем.

Кто-то опустил голову от стыда, услышав обвинения.

— Мы сделали то, что должно.

Король повернул голову к говорящему. Йогаст, Август и Бертольд стояли в окружении мужчин с города. Не всех, их было около десяти. Генрих плюнул на траву.

— Вот так значит, рыцари, решили революцию устроит?

— Нет. Пытаемся спасти людей, — ответил Бертольд.

Король попытался встать, его тут же посадили обратно.

— Вы хотите, чтобы я говорил, смотря на вас снизу, чёртовы рыцари?

Йогаст покраснел.

— Дайте ему встать.

Генрих встал, отряхнул свой плащ и поправил корону.

— Вы никого не спасаете, думаете, что спасаете, но нет, — Генрих замотал головой, — вы обрекаете нас всех на смерть.

— Мы уже ходячие мертвецы, — сказал одна из девушек, что прошла через ворота.

— Но ходячие!

— И что нам опустить головы? — крикнул солдат гарнизона, размахивая арбалетом.

Король поднял голову к нему.

— Нет! Жить! Жить пока есть время! — Генрих снова обратился к рыцарям, уже шёпотом, — силы которым вы хотите противостоять, несоизмеримы с нашей армией. Прошу, сир Йогаст, Август, Бертольд, пока не поздно, отзовите людей, идите домой, побудьте со своими дочерьми, жёнами. Даже если вы знаете, что время на исходе, насладитесь этими моментами! Прошу!

— Никто никуда не уйдёт, — сказал Йогаст, тронутый страхом в глазах короля, — скажи я всем, что надо сделать, как вы говорите, меня никто не слушает. Я привёл сюда не своих солдат, ваше величество, я привёл сюда мужчин, что бояться за своих жён и детей. У них есть право защищать свой дом, свою семью.

— Тогда мы всё обречены, — объявил король.

По каменной кладке стучали каблуки. Все повернулись к арке, что обычно вела к тронному залу и библиотеке короля. Первым шёл золотой король Владислав. Его руки были связаны. Позади него, в шаговой доступности, несколько солдат с обнажёнными мечами. За ними, сонный Антон и почти не спавшие Яна и Павел. Рядом с ними бронзовый король Моргут, не связанный, и ещё дюжина солдат позади них.

Городские мужики вылезали повсюду, изо всех дверей. Их мечи были в крови тех немногочисленных солдат, что оставались верны короне.

— Теперь мне всё ясно! — крикнул серебряный король бронзовому, — Ни один солдат не стал бы поднимать руку на своих же, не заручись он поддержкой одного из королей, даже бронзового! Смотри сюда! — Генрих указал на командира гарнизона в луже крови, — Эта смерть на твоей совести!

— На моей совести достаточно людей! — крикнул он в ответ, наклоняя туловище вперёд.

— Вы так и будете орать или скажете наконец, к чему весь этот бунт? — спокойно спросил Владислав у всех присутствующих. Его, ситуация лишь забавляла. Невинная улыбка не сходила с лица. Он играл, как кот играет с мышами.

— Добегался ты, — сказал Антон ему в затылок.

Влад повернулся.

— Значит, мы не дружим? Выбираешь месть?

— Золотой король Владислав, — позвал Генрих, — это всё из-за этих двоих мудрецов, я уверен, они должно быть надоумили сира Йогаста на эту идиотскую, и я повторю, идиотскую затею. Убьём их, сожжём тела и забудем разногласия. Они змеи, что отравляют наш разум. Может, применяют какой-то гипноз!

— Хватит! — прервал его золотой король.

— Да, действительно! — вышел между ними Моргут и повернулся к Владиславу, — мы знаем, что ты убиваешь женщин, мы знаем даже больше, ты выпиваешь их кровь. Мы знаем, что ты не спишь, мы знаем, что ты умеешь превращаться в летучую мышь. Перед тем как вынести приговор, тебе есть, что сказать в свою защиту?

Владислав пожал плечами, затем сказал:

— Вы уверены, что хотите это сделать?

— Можно нам прерваться на совещание?! — выкрикнул Генрих, так резко, что многие вздрогнули.

— Ваше право, — не снимая улыбки разрешил Владислав.

— Моргут, Рыцари, давайте отойдём, всё обсудим, с холодными головами.

— Что тут обсуждать? — спросил Моргут.

— Я готов обсудить, — сказал Йогаст, — если королю есть что сказать, я выслушаю. Антон, Павел, Яна, подойдите. Они тоже будут участвовать в обсуждении, я им доверяю.

Генрих хотел обратить внимание на то, как это Яна смогла обратно прикрутить себе голову с пик, но было более неотлагательное дело.

Моргут согласился последний. Три рыцаря, два короля, два парня и Яна отошли

подалее от всех.

— Вам не кажется, что Владислав абсолютно не боится нашего самосуда? — прошептал Генрих.

— Он выглядит расслабленным, признаю, — сказал Павел и все подтвердили.

— И что, — наехал Моргут, — из-за этого мы его отпустим?

— Никто никого уже не отпустит, — заметил Антон, — нам долго мужиков не сдержат. Я не знаю, почему они всё ещё его не разорвали.

Генрих ответил:

— Потому что, он золотой король, как-никак. В наших землях это что-то да значит. Не пьяница какой-то. И на этом можно сыграть.

— Как? — вставила Яна.

Генрих продолжил:

— Не казнить его, а отправить в тюрьму. Женщины перестанут умирать и все довольны.

— Почему ты так не хочешь его казнить? — спросил Моргут.

— Потому что я не думаю, что мы сможем. Посмотрите на него!

Восьмером они повернулись к золотому королю. Тот жизнерадостно им помахал.

— Вот сука, напился крови и довольный, — сказал сир Йогаст, — сегодня он забрал ещё одну женщину.

— Мы не сможем удержать его в тюрьме, — сказал Моргут, — он захочет крови и выберется, примет форму летучей мыши и кранты нам. Он одиннадцать солдат в одиночку положил. Что ему эта клетка.

— Тогда отпустим его, не знаю куда, в другое королевство, подалее отсюда, — настаивал Генрих.

— Нет. Чтобы он дальше убивал? Ни за что, — сказал Август.

— Только один вариант, — сказала Яна, осматривая по очереди семерых, — казнь.

— Вы когда-нибудь задумывались, что случилось с девушками? — король Генрих посмотрел на Яну, затем на Моргута, — мы никогда не видели тел. Я посылал людей на поиски, по всему замку и они ничего не нашли. Я выставял людей следить за уходящими повозками, сливами в реку и не одной женщины. Как это?

— Может, он их где-то хоронит, глубоко под землёй, под замком? — предложил Йогаст.

— Зачем? Зачем он сам берёт лопату и копает им ямы? Этим пустым тушам?

— Тело моей жены он оставил у нас дома, на ковре, — заметил Антон, — её тело ему было не нужно. Так зачем он прячет эти тела?

— Нет, нет, Антон, — вмешался Павел, — ему нужна была голова Анны, чтобы показать её в замке всем непослушным, донести, что не стоит совать нос в его дела.

— Хоть одно женское тело было выброшено королём на улицу? — спросил Антон у Генриха.

— Нет, — ответил тот.

— Вы предлагаете его не убивать, потому что мы не знаем, куда делись женщины? — спросила Яны, своим тоном показывая, насколько ей неприятно это продление и что король должен был быть казнён ещё несколько минут назад. Генрих пытался ей что-то ответить, она повысила тон. Начался спор. Его слышали и солдаты, и сам Король Владислав, ждавший приговора. Йогаст пытался их успокоить, оглядываясь на ожидающий. Павел понимал, что ситуация выходит из-под контроля и знал, что ничего не может с этим поделать.

Антон смотрел в землю. Он ровно дышал. И очень тихо. Прислушивался к чему-то. Он

смотрел, как комочки грязи на его обуви сначала дрожат, а затем резво подпрыгивают, падая на землю. Ритм ударов ровный. Каждые три секунды. Будто кто-то пробивается из-под земли. Бьётся о крышку гроба.

Павел тоже это заметил, опустив голову. Вскоре уже все смотрели на свои башмаки. От солдат до простых мужиков с города. Даже Владислав поддался всеобщей лихорадке.

— Они идут, — сказала золотой король, — мои женщины.

Земля затрещала. Расходилась в разные стороны, расступалась, создавая щели. Один солдат, совсем молодой, на службе не больше одной полной луны, не удержав любопытство, посмотрел в щель. В крошечной темноте, он увидел два красных огонька, будто светлячков. Затем ещё два. Дальше не было смысла считать. Целый рой. Столько же светлячков было и в другой щели, в которую смотрел Антон и Павел. Они быстро сообразили, что эти огоньки не что иное, как глаза, такие же как у Владислава, что начал смеяться.

Из щелей, визжа, вырвались летучие мыши размером с человека. Сотни чудовищ рванули к небу, освещаемые луной. Их крик раздавался по всей земле. Они звали своего отца.

Король Владислав откликнулся на зов. Он взлетел вверх. Другие мыши начали летать вокруг него, признавая альфу. Он был в два раза больше любой из когда-то бывших женщин. И его крик был громче остальных.

Бертольд, видя эту картину, способную свести с ума любого, крикнул:

— К оружию!

Все, разом, так же как звучал синхронно визг чудищ, вытащили мечи из ножен.

— Строй! — крикнул кто-то из солдат.

Воины начали смещаться в центр, напротив ворот. Несколько солдат стали подзывать обычных мужчин, повторять за ними. Те от страха слушались беспрекословно. Все могли присоединиться к обрисовываемому квадрату. Даже женщины, если возьмут в руки меч или щит.

— Что они делают? — спросил Павел.

— Готовятся к решающей битве. Сплачиваются, — ответил Йогаст. Взял несколько мечей с тел мёртвых солдат, что не захотели предавать короля и протянул парням и девушке, — либо прячьтесь, либо сражайтесь с нами. Я знаю, что это не ваш мир, поэтому не буду считать трусостью.

— Что ж, — выдохнул Павел, — умирать так с музыкой, — и схватил рукоять меча.

— Что с Яной? Она тоже будет сражаться? — спросил Антон.

— Я могу решать за себя, — сказала она и взяла меч.

— Антон? — спросил Бертольд.

— А я и не раздумываю, хотел про Яну уточнить, — Антон взял свой меч.

Внимание было на королях.

— Вы нам поможете?

Моргут не раздумывая взял меч.

Генрих мешкал.

— Мы все сегодня умрём.

— С мечом, — Бертольд положил руку ему на плечо, — смотря смерти в лицо. Защищая братьев и сестёр. Совершая подвиг.

Это хватило, чтобы воодушевить не только Генриха, но и всех остальных. Они присоединились к строю солдат.

Когда Антон убедился, что Яна его не слышит, сказал Йогасту:

— Следи за ней.

— Я знаю.

Солдаты зашагали в открытые ворота.

— Мы будем сражаться в поле? — спросил Павел, сжимая рукоять двум руками.

— Против летучих тварей стены замка будет нам только мешать — ответил Август.

— Ааа, слава богу, а то я подумал, что это какой-то воинский кодекс чести.

— Это тоже.

Летучие мыши летали вокруг словно стервятники.

— Чего они ждут? — спросила Яна.

— Дают нам шанс умереть на наших условиях? — спросил Йогаст.

— Неважно, — сказал Антон, — главное — зацепить ту гадину, что больше всех. Он убил мою жену.

— На месте стой, раз, два! Щиты вверх!

Щиты были только у половины бойцов. Оставшаяся часть, подняла мечи.

На земле ни звука. Казалось, солдаты перестали дышать. Слышен был только редкий звон прикосновение одного меча к другому. Все ждали, когда с небес падёт смерть.

Чудища построились в длинную стену. Головы кверху, крылья расправлены и взмахами поднимаются к тучам. Они, как огромная морская волна набирают высоту, чтобы обрушиться сильнее.

И вот, они переворачиваются, их ноги взмывают вверх, головы вниз. Они обнажают клыки и стремятся к земле.

— Солдаты! Вниз!

Всё войско приседает и накрываются щитами. Летучие твари пикируют вниз, целясь в солдат, что без щитов, но скорость падения не позволяет точно рассчитать, куда вонзятся их когти. Большинство мышей вонзаются в щиты и со всех сторон их начинают закалывать острыми концами мечей. Тыкают в туловище, шею, ноги. Твари визжат, но не умирают, вырывают когти из щитов и взмывают вверх. Солдаты под щитами переглядываются. Как они их убьют?

Вторая волна не даёт им времени подумать. Снова в щиты. На это раз они не дают себя пронзить, пролетая выше, но доставая когтями до щитов, чтобы их повредить сильнее.

Третья волна. То же самое. Атаки становятся чаще. Пока одна волна сдирает щиты, другая уже наготове, чтобы их сменить. Интервалы между волнами дают время лишь выглянуть на секунду и понять, насколько ещё волн хватит щитов.

На пятой волне у солдат зарождается план. По цепочке, под щитами, этот план переходит от одного воина к другому. К седьмой волне, все уже готовы его осуществить.

Восьмая волна проходит как обычно. Все затаили дыхание. Сжали Мечи.

— И...! — кричат они себе под нос.

Девятая волна.

— ...Раз!

Щиты раскрываются, солдаты встают и чудищ встречают мечи. Больше половины мышей падают на них и с криком пытаются выбраться из этих штырей. Одни солдаты опускают мечи вниз, а другие, с размаха, отрубают монстрам головы. Те падают замертво. Получилось. Солдаты выдыхают. Значит, их можно убить.

Десятая волна.

Никто не успевает поднять ни щиты, ни мечи. Когти мышей впиваются в лица, в плечи, в грудь солдат. Кто-то успевает отбиться, кому-то вырывают сердце. Пока монстры пируют, они подставляются под мечи. Летят головы и солдат и мышей.

Одиннадцатая волна.

Щиты поднялись.

Солдат стало меньше, щитов нет. А значит и целится стало сложнее. Людям это придаёт уверенности, они сжимаются плечо к плечу.

Когти режут по щитам, создавая искры. Воины кричат от страха, от адреналина. Павел, на корточках сжимает меч дрожащими руками, его кровь кипит. Он смотрит на Антона и понимает, как сильно тот похож на других солдат. Он не боится. Павел замечает свою схожесть с Яной. Она смотрит на него глазами полными страха. Они оба присели ниже, чем остальные солдаты.

Двенадцатая волна.

Щиты открываются. Мечи стремятся к небу. Их концы едва достают до лап чудовищ. Один из воинов, что без шлема, замечает движение за спиной, в воздухе. Пока солдаты были под щитами, часть мышей сгруппировалась за их спинами, а двенадцатая волна была лишь отвлекающим манёвром. Им нужно было бояться тринадцатой волны. Солдаты с опущенными щитами стали уязвимы. Почти никто не успел поднять их обратно. Когти впивались в спины. Один большой отряд в виде квадрата, стал разделяться на два поменьше. Монстры клали людей на землю и размахивая крыльями вокруг, создали небольшие пустые кольца внутри построения.

Владислав летал над полем битвы. Он ждал этого момента. Одним призывающим криком, все летучие вампиры пикировали вниз. Их больше не волновали щиты. На поле начался хаос. Хоть солдаты и пытались вернуться строй в форму квадрата, сверху было видно, насколько тщетны их попытки.

Прятаться негде. Павел встал в полный рост, оказавшись без прикрытия в любую сторону на расстоянии метра. Он вцепился в меч. Не для боя. Его хватка напоминала действие больного, которому сейчас отрежут ногу и перед этим дали палку, чтобы вцепиться в неё зубами. Крики солдат и чудищ заглушали его собственный. Он сначала звал Антона, затем рыцарей. Смотрел по сторонам, пытаясь их увидеть. А видел он кошмары. Куда ни посмотри, он видел бойню. Уставшие солдаты, в крови своих сородичей, пытались противостоять этим огромным, клыкастым птицам. Они поднимались с земли, их груди кровоточили. Солдаты поднимали мечи из последних сил, в шоковом состоянии. Они опускали мечи на головы тварей, что вонзают клыки в товарищей. Эту битву, на равных, поддерживает адреналин и шок.

Кто-то врезается в спину Павла. Он разворачивается, ведя за собой меч на уровне туловища. Яна ныряет ему под ноги в последнюю секунду. Она прижимается к его ногам, дрожит. Он опускается к ней.

— Тебе нужно бежать отсюда! — говорит он, удивляясь способности сказать что-то связанное.

— Нам всем нужно!

Владислав, услышав её голос, пикирует к ним, сотрясая землю. Павел падает. Кажется, этот монстр улыбается, смотря на них, но по лицу летучей мыши сложно что-то сказать. Используя крылья, как третью и четвертую ногу, золотой король быстро к ним приближается.

Павел сжимает Яну в своих руках. У него нет сил противостоять ему. Ни у кого нету. Закрывая глаза, он прощается с жизнью, думая об Оле, и как сильно он ошибся, выбрав эту жизнь.

— Эй, ублюдок! — Кричит знакомый голос.

Павел приоткрывает глаза.

Антон стоит в окровавленных доспехах недавно умершего солдата, держа в руках меч и щит.

— Я тебя по всему полю ищу! Налетался наконец, решил к настоящим мужикам присоединиться, а? Креветка!

Бертольд, Август и Йогаст выходят из-за спины Антона.

— Ну наконец-то, я вас уже заждался, — облегченно, сказал Павел и поднялся на ноги, выставив вперёд меч, — впятером сражаться не так страшно.

Владислав издал громкий рык в небо.

— Беги! — крикнул Антон Яне.

— Ещё чего! — она встала рядом с пятёркой.

Король вампиров поднялся на два метра в воздух и рванул в Антона. Тот прыгнул в сторону, держа щит перед лицом. Владислав зацепил его одной лапой и разорвал на части, оставив Антона без щита. Король двигался так быстрой, что даже рыцари не могли уследить за ним, чтобы нанести удар. Тень огромной летучей мыши нависла над ними. Владислав снова пикировал вниз. Все начали разбегаться, но не Бертольд. Он выставил перед собой меч и рванул навстречу твари. Как-никак, ему нужно подвиг совершить...рыцарский. Король вонзил длинные когти в плечи Бертольда, сжимая его доспехи и добираясь до костей. Рыцарь кричал, но не сдавался. Он воткнул меч в правое крыло Владислава и провёл им снизу вверх. Крыло оторвалось от короля, что кричал от боли. Его пасть вцепилась в шлем Бертольда и проткнула его. Череп разлетелся вдребезги.

— Нет! — крикнул Август и побежал на тварь, что убила его друга.

Меч рыцаря вонзился в туловища короля. Они оба кричали от злости. Владислав замахал крылом, пытаясь взлететь. Ему это не удалось. Он начал отбиваться когтями и ударил одним из них в шею рыцаря. Оттуда пошла кровь. Август упал на колени.

Король, вместе с мечом в туловище, пытался уйти от битвы на задних лапах. Он был ранен, без крыла, но не менее опасен из-за поработившего бешенства.

Йогаст не стал нарываться и лететь на короля в надежде, что его не постигнет участь друзей. Он делал два шага вперёд, наносил полосующий удар и тут же отпрыгивал назад. Павел, Яна и Антон стали повторять его движения. Король начинал понимать, что ему не уйти. Придётся вступать в бой. Он выбрал самую лёгкую добычу — Яну. Бросился на неё, клацая челюстью. Яна мешкать не стала, видела, что бывает со смельчаками решившими встретиться с вампиров лоб в лоб, она развернулась и побежала от него. Король почти добрался до неё, махая одним крылом, когда на пути встал Антон. Король открыл пасть и рывком нацелился в голову. Антон вовремя пригнулся. Владислав пролетает над ним. Йогаст с разбегу отталкивается от спины присевшего Антон, в прыжке выставляет меч и, опуская его при приземлении, втыкает в шею короля. Казалось бы, твари положено сдаться, но она начинает махать головой, биться клыками по запястью рыцаря, пытаясь соскрести латы и проткнуть мышцы рук. Антон подбегает со стороны, с мечом за головой, и одним махом отрубает голову убийце своей жены. Момент, который он ждал столько лет...прошёл. Облегчение...на секунду, всего на секунду! Это нечестно! Столько он страдал. Антон падает

на колени перед лужей королевской крови, закрыв глаза. Он знал, что месть не принесёт ему покоя, но, чтобы совсем ничего?

Вопли солдат и визг мышей не прекратились. А это значит, что бойня продолжилась. Даже без короля. Чудищам некуда деться. Они только и знают, как убивать. Скоро, одна из этих мышей захочет поквитаться за смерть отца. Осталось дожидаться...

Глава 21

Пепел

Ветер разносит запах человеческих внутренностей. Криков становится меньше, на это не хватает сил.

Красные тучи нависают над полем. На разлетевшиеся по земле доспехи падают капли дождя. А сладкий голос зовёт домой.

Мой герой, ты отомстил за меня. Я так тебе благодарна.

Силуэт девушки, покрытый солнечным светом, протягивает руку.

Пойдём же со мной. Ты этого хочешь, я знаю. Пойдём мой друг, мой любовник.

— Я столько ещё не сделал, столько не повидал. Могу ли я остаться? — спросил Антон, подняв голову к небу.

— А как же я, твоя Анна?

— Я люблю тебя...

— ...Но? — спрашивают губы желанной женщины.

— Но ты мертва, а она нет.

Резкая пощёчина пробуждает Антона. Павел стоит над ним, замахиваясь второй раз.

Антон выставляет руки над головой.

— Да жив, я жив.

Он удивляется, как всё тихо вокруг. На лице Павла видны свежие морщины под глазами. Наступил день и небольшой дождь оплакивает погибших.

— Что случилось? Му умерли?

— Если бы — отвечает Павел, — мы бились до первых лучей солнца. Вампиры испугались его и вернулись в свои щели, под замок.

Антон встал и отряхнул штаны. Он осмотрел поле. Повсюду — мёртвые солдаты и женщины, не побоявшиеся вступить в бой.

Небольшая часть выживших скитались по полю, пытаясь найти раненых в грудe мяса.

Из-за спины вышел Йогаст. Антон выдохнул, когда увидел рядом с ним Яну.

— Вы в порядке? — спросил рыцарь.

Парни кивнули.

Они так и стояли, молча. Пытались прийти в себя.

— Наше небольшое государство обречено, — сказал уставший Йогаст, он бросил шлем на землю, — нет больше королей, знати, солдат, рыцарей. Лишь кучка очевидцев. И всё из-за одного вампира. Что нам теперь делать?

— Надо идти на юг, — утешила его Яна, — там есть города, в которых можно обустроиться. Хотя бы на первое время. Да и не важно. Главное мы будем подальше отсюда, — она прижалась к Йогасту, не боясь испачкаться кровью на его доспехах.

— А нам нужно вернуться домой, — сказал Павел, посмотрев на Антона, — вот только разобраться бы как.

— Может... — Антон подбежал к туше короля, — нет, тут ничего не может. Свиток, должно быть, остался в замке, в библиотеке.

— А мы запасёмся провизией, соберём людей — сказал Йогаст, — и проводим вас до портала. Хоть в этом я смогу помочь. Нам будет по пути.

— Хоть в этом? — перебил Павел, — ты доблестно сражался. Для меня была честью, и

что скрывать, удачей оказаться спиной к спине с тобой на поле боя.

Йогаст почти улыбнулся.

— Спасибо. Мы пока соберём выживших. Идите. Встретимся в городе.

Согласившись, парни двинулись к замку. Идя по полю, они старались не смотреть по сторонам и не обращать внимания на запах.

— Ты в порядке, — спросил Антон.

Павел смотрел вперёд.

— Не знаю. Слишком много событий для одной ночи, скажу честно. И этот запах, чёрт — он прикрыл нос рукой, — я никогда не забуду солдат, кричащих в ночи. Никогда, — глаза намокли, но Павел не стал их стирать.

— Это они? — Антон остановился у двух тел в чёрных робах, — серебряный и бронзовый король?

Лица королей были искажены от страха. Их кишки вытащены наружу.

— Пойдём, — сказал Павел.

Парни прошли через ворота замка. На стенах никого не было. Командир гарнизона так же лежал у рычага, побледневший. Двор, в котором совсем недавно стояли все три короля, городские мужики и солдаты, казался безжизненным в такой тишине. Точнее, им и был.

Павел заглянул в расщелину.

— Что случится, когда они проснутся ночью и не найдут чем поживиться? Куда они отправятся? В ближайший город?

— Думаешь, Яна не будет там в безопасности?

Павел словно ушибло током. Яна!

— Мы может наконец обсудим Яну?

— Что тут обсуждать? Да, она похоже на Анну.

— Она не просто похоже на Анну. Я, конечно, твою жену сильно не разглядывал, но Яна точная её копия. Лицо, голос, манера речи, язык тела, всё то же самое!

Павел вытянул голову в сторону Антона, ожидая признания.

— Что ты от меня ждёшь? Ну похожа она.

— Ладно. Не хочешь обсуждать, не надо. Я знаю, как тяжело ты переносишь потерю.

— Она страдает, Яна. Мне больно видеть человека, в таком облики, страдающим. Сколько она сидела в этой темнице? Она не должна была видеть ужасы этой битвы. Мне кажется, что я нашёл её слишком поздно. Брошенной, сломленной.

Они пошли к тронному залу через двор, чтобы оттуда попасть в библиотеку короля.

Подойдя к большой двери, которая была приоткрыта с тех пор, как через неё провели связанного по рукам короля, Павел остановился и спросил:

— Нашёл? Ты же понимаешь, что она останется с Йогастом?

— Сколько людей выжило? Двадцать, тридцать? Что эти голодные рты будут делать в другом городе? Кто-то поступит на службу, да. А Яна? Её опыт в бордели она явно не захочет применять. Что остаётся? Полы мыть? Посуда?

— Йогаст будет её содержать.

Антон промолчал.

— Я тебя правильно понимаю — спросил Павел, — твой ход мыслей ведёт, куда я думаю, он ведёт?

— Мы можем её помочь. Подарить её спокойствие. Крышу над головой и...

— Я не думаю, что это хорошая идея, — тут же перебил его Павел.

— И еду, и удивительный мир, — настоял Антон, — полный технологических чудес.

Павел не мог поверить своим ушам. Как давно было решено взять её с собой?

— Ты готов предложить то же самое Йогасту? Удивительный мир полный технологических чудес?

— Получается, что да.

— И как ты на это будешь смотреть? На свою жену, так скажем, и её возлюбленного.

— Я не знаю.

Павел вздохнул.

— Но мы не будем их заставлять? Всего лишь предложим?

Антон кивнул. Этого было достаточно. На данный момент.

#

Пыль танцевала под дневным светом, проходившим через большие окна библиотеки. Некогда королевское пристанище довольствовалось двумя мужчинами из другого мира. Они никогда не поймут написанного в здешних книгах. Никогда не откроют большую часть манускриптов. Они здесь мимолётом. Сколько времени пройдёт, прежде чем кто-то способный оценить красоту сложенных букв на этих полках, откроет для себя это место. Не испугают ли его разломы во дворе замка и вороны на замёрзшем поле боя?

На столе догорала свеча. Король не успел её потушить. Ему даже не дали прибраться или расставить книги обратно по полкам.

Павел подошёл к столу и взял открытую на середине книгу. Повернул.

— Что он читал? — спросил Антон, подойдя к столу.

— «Временные несурезицы».

— Дай-ка.

Павел, потеряв интерес, спокойно отдал книгу. Его интересовало что угодно, но не она. Загасив свечу, он прошёл к полочным стеллажам. Их было слишком много. Если такое можно сказать про стеллажи в библиотеке. Целая постройка, с высокими потолками была отведена под библиотеку. Около двадцати длинных стеллажей, забитых книгами.

Что здесь искал Владислав? Какие знания? Не только будучи королём, но и вампиром? Неужели всё вертелось вокруг побега в другой мир.

— Под несурезицами, имеется в виду «парадокс», — крикнул Антон, — «временные парадоксы» получается.

— И что мог искать в этой книги Владислав?

Антон пожал плечами.

— Точно не скажешь. Может, это как-то связано с тем, что он попал в прошлое, где моя жена была её жива. За четыре года до того, как мудрец упал в зеркало.

— Почему мы тоже называем ему мудрецом?

— Заразительно.

Павел только кивнул.

— Хочешь осмотреть библиотеку? — спросил Антон.

— А смысл? Все эти знания либо устарели, либо не относятся к нашему миру. У нас нет вампиров, гигантских летучих мышей. Нет королей и королевств.

— Поправочка, мы не встречали вампиров и летучих мышей.

— Никто не встречал.

— Или не пережил, чтобы рассказать.

— И всё же, набирать кипу книг и тащиться через лес с ними?

— Возьми одну. Сувенир.

Павел охватил глазами все стеллажи. И как здесь выбрать всего одну?

— Ты поищи заклинание открытия портала, пока я выбираю себе книгу.

— Да, да, — пробурчал Антон, уткнувшись во «Временные несуразицы».

Приключение Павла по книжным полкам началось. Первым делом он отбрасывал всё книги, начинающиеся со слова — «Биография». Не хотел он читать про людей, не имеющих отношение к его миру. По той же системе он отбросил книги про растения и животных. На крайний случай он может почитать дома фэнтези. Еда, так же прошла мимо. История королевств туда же. Романы писателей он тоже отбросил.

Пройдя так несколько рядов, отбрасывая всё, что можно, он даже и не понимал, какие именно жанры ему остались. Какие ещё существуют?

Его взгляд остановился на разделе «Магические существа». Может, всё-таки Антон прав? Может и в их мире существуют вампиры? Павел вытащил с полки толстую книгу — «Бестиарий по увиденному». Открыв оглавление, он увидел список глав. Каждой главы удавалось отдельно взятое магическое существо. Вампиры тоже там были, как и оборотни. Некоторые название были в новинку: «оплеухи», «плотоядцы», «водяные», «пахучие», «кротолиски», «фарламентеры». Они ничего не говорили Павлу. Наконец, дошёл до названия шестнадцатой главы: джины. Он точно знал, что они встречаются в их мире. Совсем недавно они имели с одним дело. Конечно, по джинам уже была литература. Но она была скудной и во многих присутствовал вольный перевод.

Павел открыл шестнадцатую главу. Она занимала не так много страниц и больше обобщала всю известную информацию о джинах, нежели подробно рассказывала о них.

Павел начал читать. Пробежав быстро вступление, он наткнулся на неизвестную ему информацию о джинах. Вот что он прочитал:

«Несмотря на всеобщее мнение, джины зависимы от своего артефакта намного больше, чем кажется. Во многих сказках, такой артефакт как лампа, является лишь предметом для потирания, а также домом для джина, который сидит и ждёт как бы его призвали исполнять чьё-то желание. И всё же, откуда взялась эта проклятая лампа? Хороший художественный ход? Отнюдь. В реальности же, это лампа может принимать облик чего угодно. У кого-то это меч, у кого-то плащ или любая другая безделушка. Важно одно, она неотделимая часть джина. В ней так же содержится часть души. Более того, укради у джина этот артефакт (что категорически не советуется и почти невозможно), можно загадывать ему свои желания. Да, да, именно так. Сам артефакт, как носитель души джина, может исполнять желания. Достаточно хорошенько представить желаемое и произнести его вслух или про себя. Но, как и сам джин воплотит, так и артефакт, никогда не выполняет желание без изъянов. Чтобы вы не загадали, желание всегда оборачивается против вас. Такова суть джинов. Они питаются страданиями. Их желания неотвратимы, их нельзя забрать назад, и даже убийство джина не может отменить желание».

У Павла затряслись руки. Неужели... Антон же держал в руках артефакт. Это была часть их плана, передача зонтика от одного человека к другому. Успел ли Антон подумать о желаемом? Попросить его исполнить? Если да, успел, тогда это всё: другой мир, мудрец и король — неслучайность. Всё из-за Яна? А эти смерти? «Но, как и сам джин воплотит, так и

артефакт, никогда не выполняет желание без изъянов».

Мог ли Антон пойти на это? Откуда он вообще знал, что артефакт исполняет желание? Неужели он специально скрыл эту информацию, чтобы Павел ничего не заподозрил? Если это правда, то на что ещё способен этот...

— Что ты читаешь? — спросил Антон. Он стоял между двумя стеллажами, в тени.

У Павла пересохло в горле. Он закрыл книгу и прокашлялся.

— Ничего интересного. «Быть бронзовым королём, или всегда третье место в гонке», — Павел сказал название книги, которое запомнилось ему больше всего, пока он ходил по стеллажам.

Антон сразу потерял интерес и приподнял правую руку со свитком.

— Я нашёл заклинание, которое отправит нас домой.

— Тогда больше не стоит задерживаться, — Павел положил книгу обратно на полку и встал лицом к лицу с Антоном.

— Что? — спросил Антон.

— Что?

— Ты странно на меня смотришь. Будто никогда раньше меня не видел?

Павел развёл руками.

— Что ты хочешь, чтобы я на это ответил? Я устал. Может, уже пойдём домой?

— Да, ты прав. Ты не будешь с собой книгу брать?

— Нет. Ничего стоящего здесь больше нету. А ты?

— «Временные несуразицы» меня заинтриговали. Почитаю на досуге. Может пойму, что всё-таки случилось и как король попал в прошлое.

#

Обойдя поле битвы, парней встретила пустая деревня. Запах гниющей плоти подбирался и сюда. Ворон, пролетающие мимо, высоко над их головами, ждало пиршество. Ничего, кроме карканья не было слышно.

Антон кричал Яну, а Павел кого-нибудь, лишь бы откликнулись. У замка никого не было.

У самого выхода из деревни, из окна избы, Яна просунула голову и подозвала к себе. Антон пошёл быстрее. Павел смотрел ему в затылок и пытался понять, что делать дальше с информацией, которой он располагает.

В избе сидели Йогаст и Яна.

— А где все остальные? — спросил Антон.

— Ушли, — ответил Йогаст.

— Без вас?

Яна сложила руки на груди и ответила:

— Без вас.

Йогаст подхватил:

— Не хотели больше иметь дел с никакими мудрецами. Они, видите ли, как женщина на корабле, к беде.

Павел появился в дверях:

— Вам надо было идти с ними. Не дожидаться нас.

— Исключено, — ответил Йогаст, — вы не сделали ничего плохого. Бросать вас и заставлять идти через лес, в котором вы никогда не были, мне не позволит совесть. Вы имеете такое же право на дом, как и мы с Яной.

— Но что, если солдаты правы? — настаивал Павел, — Из-за человека из моего мира, ваше королевство уничтожено. Если бы мудрец сюда не попал, Владислав бы не стал искать заклинание, открывающее портал, не отправился бы в пещеру. Его не укусила бы летучая мышь. Это наша вина.

— Мы с Йогастом догоним солдат, как только проводим вас, — утешила Яна, — далеко они не уйдут. Нам же всем в одну сторону.

Это не успокоило Павла, но он замолчал.

Еда была уже приготовлена и разложена по четырём сумкам. Каждый взял свою и закинул на плечо.

Много о чём нужно подумать. Много что переварить. Павел смотрел в спину Антону. Они заходили в лес.

Глава 22

Враг

Как долго длится сон? Что определяет скорость его движение? В настоящем времени, он всегда занимает около восьми часов. А во снах? Что диктует время? Почему кошмары всегда длятся дольше? Что это? Наказание за выбранный путь? Или предостережение?

Оля стояла под фонарём. На неё треугольником падал свет. Вокруг тьма.

Павел посмотрел на свои босые ноги. Пошевелил пальцами.

— Иди сюда! — крикнула Оля.

Ещё один фонарь загорается. Под ним стоит Антон.

— Нет, иди сюда! — говорит он.

— Не слушай его, — Оля махает руками, — иди ко мне. Я могу дать тебе то, что ты хочешь. Могу избавить тебя от страхов, от одиночества.

— Никто не может избавить нас от одиночества, — спорит с ней Антон, — оно внутри нас, всегда. Сколько друзей, сколько жён ни дай, его не искоренить. Мы часть этой пустоты внутри нас. Паша, иди сюда. А хочу дать тебе возможность оставить след в истории. Ты же этого хочешь?

Ещё одна лампа загорается, между Антоном и Олей.

Яна.

— Что этот след в истории тебе даст? — она быстро поднимает руки и так же быстро их опускает, — ничего. Неважно, оставишь ли ты след в истории или нет. Кому какое дело, то того, что там было тогда. Как часто ты думаешь о тех людях, что оставили след? Так с чего ты взял, что и о тебе будут думать?

— Так дело и не в них, — отвечает Антон, — дело в тебе. Когда ты знаешь, что твоё имя останется с человечеством навсегда, то больше не боишься смерти. Когда сделал всё, что смог на этой земле, лучше спиться. Голос вины за своё бессмысленное существование исчезает.

— А ты чего хочешь? — спросила Оля у Антона, — тоже оставить след в истории? Ты говоришь мне, что основал агентство из-за желания оставить след? Или же от одиночества после смерти Анны?

— Не лезь не в своё дело. Речь не обо мне.

— Анна была дорога и мне. Она была моей лучшей подругой. А ты даже не проявил сочувствие к моей потере. Будто она для меня ничего не значила.

— Ты сравниваешь свои отношения с ней и мои? Ты не представляешь какая большая между ними разница.

— Я-то знаю. Она мне рассказывала.

— Тогда и не сравнивай. Если знаешь.

— Что, боишься, как бы твоя иллюзия идеальных отношений не развалилась?

— Это была не иллюзия.

— Хватит, — вмешался Павел, — это мой сон. Давайте поговорим обо мне.

Оля жалобно посмотрела на него.

— Что тут обсуждать?

— Его.

Павел ткнул Пальцев в сторону Антона.

— Что мне делать? Я знаю, что он загадал желание. Видел, к чему это привело.

— Я не думал, что так получится, — парировал Антон.

— А если бы знал? — Оля скинула с лица жалость и повернулась к нему, — Не говори мне, что ты поступил по-другому.

— Поступил бы.

Оля рассмеялась.

— Лапша на уши, да и только. Паша, не подавайся ему. Его словам, уговорам. Открой глаза и посмотри, что он наделал!

#

Антон сидел у костра, упёршись спиной о ближайшее дерево. Читал книгу.

Яна жарила на вертеле пойманную Йогастом белку.

Павел спал совсем недалеко от них.

Сам Йогаст пропадал где-то в лесу. Он хотел прогуляться, и никто не стал ему препятствовать, учитывая, как хорошо он знал здешний лес.

— Интересная книжка? — спросила Яна.

Антон кивнул.

— Скажешь о чём?

— О том, как вернуться в прошлое и изменить события, при этом не разрушив бытие.

Яна напряглась.

— Как изменения событий в прошлом, могут разрушить бытие?

— С помощью парадокса. Чем он больше, тем хуже будет бытию.

— Что такое парадокс?

Антон объяснил ей, на простом примере, значение слова.

— А как он может быть больше или меньше?

— Вот смотри, к тебе подходит человек и говорит не раздави таракана, который встретится у тебя на пути через десять секунд. Человек уходит и через десять секунд появляется таракан. Ты его не давишь. Теперь вопрос: как человек узнал, что впереди тебя ждёт таракан?

— Он его увидел.

— Зачем он сказал тебе его не раздавить?

— Он любит тараканов.

— Вот видишь, это называется малый парадокс. На самом деле, этот человек — путешественник во времени, и он говорит тебе не раздави таракана, потому что он видел в будущем, как ты его раздавишь. Но если сейчас, предупредив тебя, ты его не давишь, откуда у него знания о том, что ты его раздавишь?

— Парадокс.

— Но маленький. Поскольку его действия можно объяснить, как ты уже предположила, до того как ты узнала о том, что он путешественник во времени. Для тебя он остался лишь добрым малым, увидевшим впереди таракана и попросившим его не убивать. И на самом деле, этот человек таким и становится. Как только он предупреждает тебя о таракане, как только ты его не давишь, он больше не путешественник во времени и никогда им не был. Вселенная стирает его старое прошлое. Находит ему новое, но, в событие, что он изменил,

не вмешивается.

— Почему? Неужели проще изменить всю жизнь одного человека, нежели маленькое событие обратно?

Антон улыбнулся.

— Я не знаю, почему парадокс решается таким образом. Это тебе придётся спросить у бога.

Яны улыбнулась в ответ.

— А что такое большой парадокс?

— Когда ты возвращаешься в прошлое, чтобы спасти человека. Или вытянуть его из прошлого, к себе, в будущее.

— Представь, что ты возвращаешься в прошлое и говоришь своему отцу, что сегодня ему лучше остаться дома. Он тебе слушается и его не убивают в лесу разбойники. Я сейчас гипотетически, ты же понимаешь?

— Понимаю.

— Хорошо. Так вот, он остаётся дома и не умирает. Вопрос: как ты узнала, что он умрёт в тот день, если он не умер?

— Я предположила. Увидела в лесу разбойников.

— Ага, значит ты всего лишь дружелюбный сосед.

— Нет. Я его дочь, что побеспокоилась за отца и попросила остаться дома.

— У него уже есть дочь. Ты, только моложе, до путешествия во времени.

— Значит, сделать меня незнакомкой?

— Но все же его дочь. Как ты теперь можешь стать ему никем? Он не простой прохожий. Он, как яркая линия, проходит сквозь твою жизнь.

— Большой парадокс? И как его исправить?

— Обманув путешественника во времени. Ты никогда не спасала своего отца. Наоборот, ты поспособствовала его смерти. Ты не знала всей картины происходящего. На самом деле, его всегда убивали в доме и только потом выносили на улицу. А ты об этом не знала.

— Тогда я вернусь ещё раз в тот момент.

— Ты больше не сможешь отправиться в тот момент времени.

— Почему?

— Ты там уже была. И поэтому, магические силы изменять твои воспоминания. Ты станешь другим человеком. С новым прошлым, с новым будущим. Твоё старое прошлое существовало, но ты его никогда не вспомнишь.

Яна сморщила лицо, пытаясь объять сказанное. Её глаза бегали по огонькам пламени, затем она подняла голову на Антона и спросила:

— Кто написал эту книга?

Антон, не скрывая ухмылки, постучал по ребру книги:

— Автор неизвестен.

Яна выпучила глаза и протянула руку к книге:

— Ты может поспишь пока, а я читаю?

— Как тебе откажешь.

Антон передал книгу и опустился на траву, положив голову на соломенную подушку, которую взяли с деревни. Перед тем, как закрыть глаза он посмотрел на угольную белку на вертеле.

— Яна, твоей белке плохо.

Она резко вздохнула, будто ошпарилась и сняла вертел с костра.

— Это всё твои парадоксы, чёрт их дери, нарасказывал тут.

Белку было не спасти, Яна это поняла и бросила бедное животное в траву. Надула губы. Подумала. Выдохнула, как только появилась идея.

— У Йогаста возьму, он всегда со мной делиться, войдёт в положение и простит меня. К тому же, я с ним поделюсь.

Она подбежала к его сумке и распахнула её. Замерла. Её лоб сморщился в недоумении. Ей стало страшно, её руки затряслись. Она повернулась к Антону с глазами, полными страха.

— Что? — приподнялся Антон, опасаясь за Яну.

Она повернула сумку, и Антон увидел её содержимое. За целые сутки, Йогаст не притронулся к человеческой еде.

#

Ветки хрустели под её ногами. Глаза, полные сомнений, прятались под опущенной головой. Яна не хотела ни участвовать, ни видеть, что будет дальше. Они почти подошли к portalу. Она долго думала, как следует поступить. Дать Йогасту умереть или попробовать его излечить? Запереть его в клетке и искать лекарство годами? Без еды, без денег, без навыков выживания?

— Ты хочешь вернуться в бордель? — нагло спрашивал её Антон.

Она сжимала сухие листья в руках, сидя у костра и отвечала:

— Нет.

— Тогда как ты будешь, мало того, что прокармливать Йогаста, поставляя ему свежую кровь, так и себя кормить?

Что она могла ответить?

— Я люблю его.

— Любишь ли?..

Любить ли? Правильно ли ей тогда сказала Антон?

— ...Может он лишь твой спаситель? Ты привязалась к нему как к единственному человеку, кто относился с добром.

— Даже если и так? — Яна бросала смятые листья в костёр, — почему я не могу полюбить человека за его доброту? Что есть любовь, как не реакция на справедливое отношения к тебе беззащитному?

— Ты не хочешь его бросать, — подытожил Павел, стоящим рядом, у дерева.

— Но ты умрёшь, если останешься рядом с ним. Помоги ему. Его разум заражён вампиризмом. Будь он человеком, понял бы нас. Он ведь хотел тебя защитить.

На этом они её оставили со своими мыслями. Она смотрела в костёр, как сейчас смотрит на ломающиеся под ногами ветки — красными глазами. Теми же глазами она смотрела на Йогаста. Он даже не заметил их изменения, как они опухли. Вышел на утро из кустов, взглянул мельком и прошёл мимо. Заклинание вызывало у него больший интерес, чем она.

Весь оставшийся путь он расспрашивал парней о другом мире, о его устройстве. Они отвечали ему небылицами. По крайней мере, Яне так казалось. Их слова так далеки от неё. Затылок Йогаста вызывал больше эмоций, чем изобретательный мир мудрецов.

Они подошли к portalу днём, когда у бывшего рыцаря меньше всего сил. Солнце влияло на него уже несколько часов. Он старался скрывать своё лицо под шлемом, но кашель выдавал вампирский недуг. Ему нужна была кровь человека для процветания.

Два дуба стояли напротив, формируя арку. Йогаст скинул сумку с плеч и снял шлем.

— Наконец-то, — сказал он и услышал лязг стали за спиной.

Обернувшись, увидел Антона с мечом в руке. Яна с Павлом пропали.

— Что происходит? — Йогаст нахмурился.

— Когда это произошло? Скажи мне.

— Что произошло?

Йогаст приподнял руки. Антон посмотрел на латы запястий.

— Я помню, как король царапал их клыками, твои доспехи на руках. А эти, выглядят как новые.

— Решил заменить.

— Не надо лгать. Мы знаем.

Йогаст выдохнул:

— Эти латы закрывают рану на руке. Король пробил предыдущие, своими клыками.

— Почему не сказал нам?

— А что вы могли сделать? Устроить заговор против меня?

Яна вышла из кустов:

— Почему ты не сказал мне?

— Я монстр, Яна. Мне не хочется этого говорить, но это так. Я чувствую это внутри себя, — Йогаст ухмыльнулся, — к слову, только это я и чувствую. Ваша еда для меня чужда. Как и ваши женщины, — он посмотрел на Антона.

— Что будет, если мы тебя опустим? — спросила Яна, пытаясь игнорировать поднимающуюся боль в сердце.

— Я начну убивать.

— Не говори так, — слёзы катились по её щекам.

Йогаст смотрел будто сквозь неё:

— Я этого не понимаю, твоих слёз. Для меня это всего лишь солёная вода.

Прошлой ночью, когда Антон и Павел оставили Яну наедине с её мыслями, отойдя в сторону, одна просьба поднялась в воздух.

— Ты должен будешь отрубить ему голову, не я, — сказал Антон.

— Почему я?

— Если это сделаю я, она меня возненавидит. Я не могу себе этого позволить. Не могу смотреть на её глаза полные ненависти, только не её.

Павлу ничего не оставалось, как кивнуть в темноту чащи.

К утру, он сидел в кустах, с мечом. Слова Йогаста о том, что будет, если они его отпустят, ненадолго успокоили совесть. Может, если он будет считать, что убивает монстра, ему будет проще?

Йогаст вытащил меч из ножен.

— Если сражаться, то как рыцарь, не как вампир. Я обязан себе этому, — одна нога чуть вперёд, другая чуть назад, — Думаешь битва у замка сделала тебя великим воином?

— Мне не нужно быть воином, чтобы одолеть вампира на солнце.

Антон напал на него, сокрушая мечом сверху. Йогаст горизонтально поднял свой, выставляя блок. Когда меч обрушился, рыцаря подвели мышцы и рука полетели вниз вместе

с мечом. Отпрыгнув, ведя меч по траве, его застала одышка. Антон был прав, долго ему не продержаться, без крови. Закончив притворяться рыцарем, Йогаст бросил меч в Антона, чтобы дать себе несколько секунд, и рванул на Яну. Даже если бы она была вооружена, чувства не дали бы ей нанести фатальный удар. Он использует её слабость, чтобы впиться в эту тонкую шею, полной тёплой крови.

«Тонкая шея полная крови» — хорошая последняя мысль.

Павел выбежал из кустов с мечом на плече. В три шага он заградил Яну своим телом и одним махом обезглавил вампира. Голова Йогаст покатила по траве. Туловище сначала встало на колени, а затем рухнула грудью вперёд. Кровь из шеи струилась к кроссовкам Павла. Яна потянула его назад.

— Осторожно, — прошептала она.

Ей было стыдно признаться самой себе, но вид бегущему на неё возлюбленного, смягчил сердечную боль. Ничего в тех глазах, жаждущих её крови, не осталось от того рыцаря, что гладил ей волосы, пока она лежала у него на коленях, в том подземелье.

Яна прикоснулась к красным щекам Павла.

— Всё закончилось. Он не был человеком.

Павел бросил меч на траву и прижался к Яне.

— Ты сделал то, что должен был, — гладила она его по спине.

В тот момент Антон понял, как ошибался в ней. Она не была брошенной или сломленной, нет, эта боль, эта темница, они закалили её. А Йогаст был лишь тщетной попыткой вернуться в прошлое, когда она мечтала влюбиться в рыцаря в сияющих доспехах, и снова почувствовать себя маленькой девочкой.

В мастерской часовщика всегда наступает момент, когда механизм приводят в действия. Длинная стрелка делает движение ознаменовав первый тик, как впервые ударившееся сердце в груди.

Наши герои запустили этот механизм у тех врат. Павел с протёртыми на уровне коленей джинсами, смотрел, как Антон читает заклинание. Яна в последний раз оглядывала лес, и тем самым, свой родной мир. Они были напуганы. Яна — неизвестностью. Павел — тем, что он должен предпринять в дальнейшем.

Слепящий свет упал на их лица. Ворота открылись.

— Ты готова? — спросил Павел, опередив Антона.

— Разве можно быть к такому готовым?

— Возьми мою руку, — подошёл Антон.

— И мою, — добавил Павел.

Так они и зашли в портал, паровозиком.

Для Анатолия и Дениса, прошли мгновенья с их исчезновения. Они не имели представления, через что прошли эти троя, упавшие на пол, перед ними.

— С вами всё в порядке? Кто эта женщина? Это не Костя!

Толком ничего не объяснив, Павел помог подняться Яне. Антон, отряхиваясь, сказал:

— Мы вам всё расскажем. Позже, приходите завтра.

Анатолий с Денисом были не совсем рады, такому раскладу. Однако они видели, как тяжело тем далось путешествие и всё же пошли на попятную.

Яна стала оглядываться по сторонам, боясь увидеть что-то вземное. Её успокоило отсутствие чего-то неординарного. Склад старых вещей не пестрил технологиями.

— Ты в порядке? — Павел заметил её бегающие глаза.

— Всё такое обыденно? — Яна не могла поверить своим словам.

— Разницы станет больше. Позволь познакомить тебя с машиной.

— С чем?

Они вышли на улицу.

— Тадааа! Машина! — Павел старался держать легкость в голосе. На самом же деле в груди всё жгло. От жалости к девушке до жалости к себе. Он только что убил человека. Пусть он и был заражён вампиризмом. Но всё же человека. И вся ответственность должна лежать на его друге.

— Напоминает повозку. А лошади не будет? — Яна оглянулась по сторонам, — А что там? Замки?

Вдали начинался город. Здания разной этажности, разных цветов.

— Можно сказать и так. Дома людей. Высокие.

— Пока всё понятно, — обрадовалась Яна.

— Может, уже поедем? — спросил Антон.

Они сели в машину.

— Вау, так мягко!

Яна попрыгала на сиденье.

— Предлагаю закрыть глаза, пока мы едем. Для твоей психики может быть слишком много нового — сказал Павел.

— Что такое психика?

— Пожалуйста, закрой глаза.

— Хватит с ней нянчиться! — Антон резко дёрнул переключатель скорости и ударил по педали газа, — Она справится, взрослый человек.

Что это было? Ревность. Впрочем, не имеет значения. Павел не настроен заботиться о его чувствах.

— Ты сам этого хотел. Как всё удачно сложилось, не думаешь?

Антон промолчал.

Оградив Яну от зрительного контакта с новым миром, ей всё равно пришлось с ним столкнуться в виде звуков и ощущений. Сам процесс езды на машине было достаточным потрясением для неё. Звуки ухудшали положение. Гудки других автомобилей, шум собственного, суета большого города, окружали девушку до тех пор, пока она не заткнула уши. Её спина вспотела, лицо покраснело. Да чёрт возьми, во время бойни у замка, она чувствовала себя безопаснее.

Кто-то дотронулся до её плеча. Она дёрнулась, прижимаясь к двери.

— Всё хорошо, — это был Антон, — дай руку. Ты теперь со мной, в безопасности.

— Где Паша?

— Побежал в офис.

Яна вышла из машины, держась за руку Антона. Вокруг неё большие кирпичные дома. Они будто сужались. Давили на неё. Нужно было скрыться.

В подъезде, Антон решил не травмировать девушку ещё и лифтом. Они поднялись по лестнице на третий этаж.

Дверь офиса была нараспашку. Кто-то внутри часто топал и шуршал.

Антон медленно заглянул, оставив Яну позади.

На диване лежала открытая сумка. Внутри часть вещей Павла, который вышел из чулана

с зубной щёткой.

Антон растерялся. Ему показалась эта сцена забавной. С улыбкой на лице он спросил:
— Что ты делаешь?

Павел остановился посреди комнаты. Пора...

— Я уйду.

— Куда?

— Подальше отсюда. От этого безумия.

Антон ждал дальнейших объяснений. Развёл руками.

— Ты загадал желание? Скажи мне, что ты загадал желание.

— Что? Какое желание?

— Ебучее желание. После всего, что мы узнали. После того как Дмитрий умер у меня на руках. Ты знал, чем это может обернуться, чем это чревато и ты всё равно загадал это ебучее желание. Столько людей мертвы из-за тебя. Сколько жизней разрушено.

— О чём он говорит? — Яна появилась в дверном проёме. Она выглядела словно напуганный кот.

На неё никто не обратил внимание.

— Ну так что? Загадал?

— Я не разрушал жизни. Ты винишь меня во всём, что произошло?

— Ответь на чёртов вопрос!

— Я не знаю, сработало ли...

Павел рассмеялся на всю комнату, а затем заорал:

— Ответ у тебя за спиной, в виде девушки, что выглядит в точности, как твоя мёртвая жена! Ты ведь хотел её вернуть! У тебя был в руках артефакт, у тебя была возможность. И тут вдруг, складские мужики случайно натыкаются на зеркало ведущее в другой мир? Один из них пропадает и двое других случайно знают о нас? Мы случайно попадаем в другой мир, когда нас затягивают рыцари? Константин, этот мудрец, случайно становится правой рукой короля? Он случайно берёт под своё крыло Яну? Он случайно отправляется вместе с королём в пещеру, где его кусает летучая мышь? Все эти убийства, вся война и смерть Йогаста, это всё твоя вина! Яна осталась ни с чем. Её мир разрушен, её друг, её возлюбленный мертвы. Всё ради того, чтобы ты получил желаемое! Твоё желание сожгло всю её жизнь! Я надеюсь, ты собой доволен. Нельзя играть с силами, которые не понимаешь. Последствия могут быть... что ж, ты видишь.

Антон обратился к Яне.

— Он прав. Я загадал желание. Я хотел вернуть свою жену. Вместо этого, я разрушил твою жизнь. Извини, чтобы так получилось. Не этого я хотел.

Яна кивнула. Она не знала, как реагировать.

— Что так получилось... — Павел зато знал, — За что ты извиняешься?

— Ты хотел уйти? Тебя никто не держит.

Павел кивнул себе в подтверждение. Бросил зубную щётку в сумку и застёгивая её, пробубнил себе под нос:

— Может, хотя бы она увидит, кто ты на самом деле.

Антон схватил сумку друга, не давая ему выйти.

— Что ты сказал?

— Ты слышал. Не может быть, чтобы смерть Анны тебя так изменила. Сколько ещё бы вы прожили вместе, прежде чем...

— Аккуратней.

Они стояли лицом к лицу.

— Прежде чем она поняла, что всё это, твоё лицо, твои эмоции — это просто акт. Или она уже начинала понимать? Повезло тебе, что ты нашёл её на полу в крови, а не в кровати с кем-то.

Антон вытянул руки, взял друга за кофту и швырнул в полуоткрытую дверь. Яна с трудом успела отпрыгнуть. Павел упал, прокатился по коридору, пока не стукнулся головой об стену. В ушах зазвенело.

— Ты понятие не имеешь, что это значит, потерять кого-то, навсегда. Ты думаешь, что знаешь, но это не так. И я тебя не виню. Что с тебя взять? Катись обратно, в свою никчёмную, пустую жизнь.

Глава 23

Подруга

Каждый день, перед работой, в подъезде, Оля поднималась на цыпочки и заглядывала в как всегда пустой ящик, не считая спама и рекламы. С тех пор как счета за квартиру стали направлять ей прямиком на телефон, необходимость проверять почту не было. Привычка всё же осталась, как ни крути, как ни пытайся от неё избавиться, каждый раз, поднимаясь на цыпочки на втором этаже у почтового ящика, Оля закатывала глаза и еле слышно цокала недовольная приевшейся привычкой.

Лишь однажды она прошла мимо ящика, сильно задумавшись над прошлым вечером. В дверь постучали, и она, накинув халат, посмотрела в глазок. Её дыхание перехватило. У двери стоял Павел. Она открыла, с дрожью в руках.

— Ты в порядке? — спросила Оля.

— Бывало и лучше,пустишь?

— Что за сумка у тебя в руке?

Павел понял, как это выглядело со стороны.

— Я не пытаюсь переехать к тебе. В сумке вещи, которые я забрал из офиса.

— Зачем ты забрал вещи из офиса?

«Ей-богу, если он скажет, что решил сам себя уволить».

— Я ушёл, навсегда.

К утру ладонь слегка побаливала от пощёчины, что она ему зарядила. Того стоило.

— И зачем ты мне это говоришь?

— Проезжал мимо.

Оля не скрывала насмешку.

— Ты у Антона этому научился? Скрывать свои истинные намерения и сводить всё к случайному «проезжал мимо».

— Я должен был разглядеть его раньше, прости...

— Что тебе нужно? — оборвала его Оля, топнув ногой.

— Я должен был выбрать тебя. Теперь я это вижу.

Оля вспомнила, почему ладонь так сильно болела с утра. Пощёчин было две.

— Как же твои тараканы в голове? А как же — «он мой лучший друг»?

— Я не понимаю, почему ты злишься?

Хотелось дать третью пощёчину.

— Ты не можешь так издеваться над моими чувствами. Ты звонишь мне, говоришь, что любишь меня, но выбираешь остаться с Антоном. Ты знаешь, как больно было это слышать? Твой голос был, таким... сломленным. Столько времени понадобилось, чтобы успокоиться. А теперь это? Твоё возвращение. Я чувствую себя запасным вариантом. Я хочу снова быть собой.

Павел провёл параллель. Чем он лучше Антона, если так же причиняет боль близкому человеку. Вся эта романтизация «Агентства по борьбе с нечистой силой», разрушила отношения, который он строил годами. Реальные отношения, те, что у него под носом. Он не может себе позволить, чтобы все эти смерти, были напрасны. Ему нужно измениться.

— Прости меня.

— Ты уже извинялся.

Павел кивнул, разворачиваясь к лестнице.

— У тебя хоть деньги есть на первое время? — не отпускала его Оля.

— Да, я успел хорошо заработать в агентстве.

— Так может не стоило уходить тогда?

Павел обернулся.

— Никаких денег не стоит то, через что я прошёл сегодня.

Оля поднесла руки к сердцу.

— Что случилось?

Он не мог ей сказать. Не мог поделиться ношей. Сколько ни говори, сколько ни пытайся передать, она прилипла, как жвачка к волосам. Тут только резать.

Утром Оля поняла, что опаздывает. Сматерившись, она заблокировала телефон и встала с туалета. Ещё несколько минут и надела вторую туфлю.

Именно тогда, спускаясь в подъезде, она не заглянула в почтовый ящик. Павел занял все её мысли.

На следующий день, проходя мимо почтового ящика, Оля вернулась к своей бессмысленной привычке и встала на цыпочки. Она удивилась пуце, чем, когда увидела Павла с сумкой у двери. В ящике лежала белая бумажка. Слишком безвкусная, чтобы быть рекламой или спамом. С детским любопытством Оля просунула руку в ящик и достала её. Дата стояла вчерашняя. А посередине надпись: «Судебная повестка». Должно быть ошибка. Оля никому дороги не переходила, чтобы кто-то подал на неё в суд. Она взглянула на графу ответчик: «Агентство по борьбе с нечистой силой». Выдохнула. Вот где собака зарыта. Оля пробежала глазами по повестке и поняла, почему она досталась и ей. «Заинтересованное лицо». А в графе «Истец» суд допустил уморительную опечатку: «Естественный порядок вещей».

Дальше стояла дата и время заседание. Что странно, нигде не было написано ни адреса, ни какой суд это будет рассматривать. Оля осмотрела повестку с двух сторон, пытаясь найти хоть что-то с указанием места, но так ничего не нашла.

По пути на работу попыталась дозвониться до Павла. Безуспешно. Ждать, пока он ей перезвонит не хотела и направилась напрямую в агентство, надеясь, что хотя бы Антон просветит её в этом деле. Она и представить не могла, что поднявшись на третий этаж и постучав в дверь, ей откроет точная копия давно умершей подруги.

#

Яна лежала на диване офиса, смотрела в потолок. Роскошь. Единственное, что напоминало ей о доме. Или могло напоминать. В борделе были похожие потолки. Она насмотрелась на них лежа на кровати под мужчинами. Эти потолки были с ней в самые трудные времена. Помогли пережить этапы примирения с новой жизнью. Как неудивительно, но её не растили для борделя. С ней так приключилось. Никто не застрахован от невезения. Мать никогда ей особо не интересовалась, а отец пытался заработать деньги. Он ценил свою дочь, но монету ценил больше. Так, в одном из торговых походов он и сгинул без точных сведений, что случилось на дороге. Яна не успела выплакать всю горечь утраты, как её выставили за дверь.

— Иди, сама зарабатывай, нахлебница, — сказала Мать, закрывая дверь.

Вот Яна и пошла сама зарабатывать. Она хотела, чтобы матушка ею гордилась, а значит и сумму надо было найти соответствующую материнской губе. Яна была слаба от домашней жизни и красива. Первое не позволило заполучить ей серьёзную работу. В ней видели комнатное растения, а не рабочую женщину. Второе навело на ненужных людей. Будь она страшнее, всё было бы по-другому? Отец не стал бы ограждать её от внешнего мира?

— Есть у меня для тебя одна работёнка, — сказал пухлый мужчина с блестящими от жира губами, — платят хорошо, но не для слабых, потянешь?

Уже потом Яна поняла, что мужчина специально употребил слово «слабая», тем самым бросая вызов. Другие же это слово не употребляли, они говорили глазами, а им сложно бросить вызов.

— Потяну.

Мужчина отвёл её в бордель и показал во всей красе, чем она будет заниматься. Ей понравилось, что он говорил с ней как со взрослой женщиной. Никто с ней так никогда не обращался. Ей понравилось желание, которое она вызывает у мужчин своим телом. Она тогда ещё не умела читать и поэтому не знала о существовании принцев на белом коне, которых нужно дожидаться. И всё же, ответила отказом. Мужчина кивнул, не снимая улыбки с лица и жира с губ. Проводил к выходу, закрыв за ней дверь.

Яна осталась одна, на улице. В животе урчало и ей предстояло прожить первую ночь.

— Никому ты не нужна, — сказал ей бездомный у костра, — была б ты хоть с каким-то приданным, можно было выдать замуж, тут бы красота твоя пригодилась. А так вряд ли. Красивая женщина без приданного, как пчела без цветка для опыления.

— Вы красиво говорите для бездомного, — Яна вытянула руки над костром, её пальцы обдало жаром.

— Я не всегда был бездомным дорогуша.

— Мне предложили работу в борделе.

Бездомный ещё раз осмотрел Яну.

— Женщины там хорошие, без синяков, с красными щеками, пышные, в достатке. В других городах не так, совсем не так. Может быть и стоит устроиться. Хозяин борделя — человек с виду неприличный, но ничего плохого я о нём никогда не слышал, а пожить успел.

— Думаете, стоит согласиться?

— Ты действительно хочешь доверить такое решение первому встречному бездомному?

— Вы не всегда были бездомным, сами сказали.

Мужчина рассмеялся и протянул Яне папиросу.

— Нет, спасибо. Если я и стану куртизанкой, то не такой, что стоит у двери с сигаретой и с грудью напоказ. Для этого нужно не подсесть на ваши папиросы.

— Ты знаешь, чем слабый человек отличается от сильного?

— Чем?

— Слабому не хватает ума прыгнуть в холодную воду на своих условиях.

— Вы это в книжке прочитали? — улыбнулась Яна.

— Так точно.

— Научите читать?

— Деньги нужны, на книгу.

Утром, выглядывая из переулка на бордель, Яна думала о еде и книгах. Вот оно, совсем близко, её спасение от всех бед. Ей всего лишь нужно отдать своё тело. Да и зачем его оставлять себе? Что толку от этого тела, если оно не может прокормить? А так, она научится читать. Заинтересуется каким-нибудь ремеслом, что описано в этих книгах. Получить нужные знания и вернёт своё тело назад. Что плохого может случить? Ей нравятся мужчины. Не все, конечно, но она может привыкнуть и к менее привлекательным. Дура. Что она знает о борделях, о мужчинах, что туда ходит? Стоит в переулке и рассуждает словно принцесса здравых идей. Яна пнула мёртвую крысу в чёрную кирпичную стену. Сжала кулаки. Ей стало себя жаль. Она пыталась избавиться от этого чувства, но не могла. Ходила по переулку. Ненавидела отца, что покинул её раньше срока, мать, что выбросила её на улицу подыхать. И больше всего, она ненавидела себя. За то, что не смогла угодить матери, не смогла заставить отца остаться с ней, найти другую работу. Она ненавидела себя за то, что не смогла найти жениха при деньгах. Её вина, во всём. Она всегда была виновата. Дура. Никто за неё жизнь не устроит. Чего она хотела? Дура. Дура. Дура. Что же делать? Остаться в переулке? Плакать? Съесть крысу, которую пнула? Или бордель? Насколько может быть плохо? Она закрывает глаза и постарается унять дрожь в первый раз. А дальше? Привыкнет. Надеется, что привыкнет. Не хочет умирать в переулке. Лучше в мягкой постели, под мужчиной, от стыда.

— Не дождёшься, — сказала она мёртвой крысе и пошла к борделю.

Не успела постучать, как хозяин борделя открыл дверь. Он не улыбался, как вчера и губы его не блестели.

— Передумала? — спросил он.

Яна стыдливо кивнула.

— Боишься?

— Да.

— Это пройдёт. Ты не первая, кто так стоял у меня перед дверями с красным лицом и не последняя.

От чего-то, Яне стало легче.

Она помнит молодого мужчину, медленно раздевавшегося. Помнит, как он задувал свечи на тумбочке, смотря ей в глаза. Он много заплатит за право быть первым. Яна ему благодарна, что мужчина был с ней нежен. Гладил её волосы, руки. Шептал на ухо. В конце концов, этого было недостаточно. Тогда Яна впервые открыла для себя прелести потолка. Она любила их изъяны. Выпуклые линии. Она придумывала истории этим линиям. Иногда они были реками, иногда белыми волосами прекрасной женщины. У этой женщины множество имён. Яна смаковала на своих губах, какое подойдёт больше. Перебрав достаточно имён и заработав первые деньги, весьма хорошие, она хотела вернуться домой.

С мешком монет в левой руке, она постучала в дверь правой. Её мать, улыбчивая и как никогда красивая, превратилась в бездушную куклу, когда увидела свою дочь.

— Что тебя сюда принесло? — сказала она, борясь с желанием захлопнуть дверь перед носом.

Яне было больно, что мать счастлива без неё. Она хотела заплакать на месте.

— Я заработала денег, — Яна протянула мешочек.

Мать настороженно взяла его в руки и заглянула внутрь. Вздохнула.

— Могу я вернуться домой?

Мать протянула Яне мешок обратно.

— Если бы я знала, что ты сможешь раздобыть деньги, послала бы тебя за чем ни будь

другим. Дело не в деньгах, дело в тебе.

Грудь Яны полыхала изнутри. Дым пожара попадал в глаза, и они начинали слезиться.

— Что я плохого сделала, что ты меня не хочешь?

— Как я могу приводить мужчин к себе в дом, если заходя, они будут видеть тебя?

Красивую, молодую.

— Мне не нужны мужчины, мне нужна ты.

— Это ты сейчас так говоришь, пока на улице. А как привыкнешь к моей крыше, так платье по короче надевать станешь.

Яна вернулась в тот переулок, бросила мешок с деньгами в кирпичную стену и заплакала, упав на холодную землю. Она поняла, что никому не нужна в этой жизни и что положиться можно только на себя. Спустя моря слёз, она собрала рассыпанные монеты и купила первую книгу. Бездомный, как и обещал, научил её читать. В дальнейшем, именно это привлекло внимание мудреца Константина. Она была единственная в борделе, кто мог поделиться углублёнными знаниями об этом чужеродном мире. Этот путь привёл её к королевскому дворцу и вывел к потолку офиса «Агентства по борьбе с нечистой силой». И до сих пор не ясно, к добру это или к худу.

В дверь постучали. Яна дёрнулась. Клиент? У Антона есть ключ, ему не нужно стучаться. А без него, она не сможет ничем помочь.

Постучались громче.

— Иду, — ответила Яна машинально, не успев прикрыть рот.

Она встала и подошла к двери.

— Вы по какому вопросу?

Оля ничего не ответила. Она думала, почему от голоса девушки у неё побежали мурашки по спине.

— Вы ещё там?

— Мне нужен Антон.

— Его нету, не знаю, когда будет.

В другой ситуации, Оля уже бы ушла. Но этот голос.

— А вы кто будете? — спросила она.

Действительно, а кто Яна такая? Помощница? Заменитель жены Антона?

— Помощница.

— Секретарь?

Яна положила голову на дверь.

— Я не знаю такого слова.

Оля, в недоумении, сказала:

— Может, откроете? Я оставлю документ.

Услышала движение за дверью, дёрганье замка.

— Тогда помогите, как её открыть, эту дверь, я забыла, мне Антон показывал, но...

«Должно быть, секретарь выгладить чертовски привлекательный для Антона, что он её нанял с такими проблемами?» — подумала Оля.

— Под ручкой есть такой выпуклый квадратик, не знаю, ни разу не описывала такую вещь. Вы не ошибётесь, он всего один.

— Вижу.

— Поверните его против часовой.

Оля услышала щелчок, взялась за ручку и открыла дверь.

— Молоде...

Она выронила сумку. Та упала, перевернувшись набок. Из неё выкатилась тушь для ресниц и не останавливалась до самого лифта, издавая соответствующий звук, под который девушки смотрели друг на друга молча.

— Вы начинаете меня пугать, — сказала Яна.

— Я? — еле выговорила Оля с открытым ртом.

— Что?

И этот голос, точь-в-точь.

— Анна? Как...

Яна выдохнула. Ей стало понятно.

— Нет, я не мёртвая жена Антона. Я всего-навсего, её точная копия из другого мира.

Оля понимающе кивнула, закрыла глаза и падая вперёд, приземлилась на вовремя выставленные руки Яны, которая затащила её в офис и с тяжёлым дыханием дотащила до дивана.

Отдохнув на коленях бывшей куртизанки с принципами, Оля разглядывала каждую деталь её лица, словно смакую чудесную картину в музее. Она хотела дотронуться пальцами до её щёк, губ, скул, но сдержала позыв.

— Вот почему Павел ушёл, — понимающе прошептала Оля.

— Вы его видели?

— Он приходил ко мне, два дня назад, ночью. С глазами, будто увидел призрака.

— С их профессией, это сравнение теряет весь смысл, — пошутила Яна и это разрядила между ними обстановку. Учитывая, что голова Оли лежала на коленях Яны, может быть обстановка была уже разряжена. Удивительно, как знакомый облик человека, позволяет игнорировать знание о том, что внутри находится абсолютно другая личность, — А вы ему кто? Павлу?

— Когда-то давно, он сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться. И всё же, кольца на пальце нет.

— Почему ты отказалась выйти за него?

Оля широко улыбнулась.

— Ответ ближе, чем ты думаешь, дорогая. Бьюсь об заклад, эти двое пошли на многое, чтобы достать тебя.

Яна вздохнула.

— Ты будешь чай?

Оля подняла голову с колен и стала наблюдать, как её подруга встаёт с кровати, ставит чайник, достаёт кружки.

— Я так сильно скучала по этому лицу, этому телу, боже, даже по этой походке, — не смогла удержаться Оля.

— Расскажи мне, какой была Анна?

Яна разлила воду по кружкам и положила в каждый по пакетик чая.

— Антон тебе не рассказывал?

— Я пыталась завести разговор, но каждый раз он находил причину об этом не говорить. Жду следующего случая.

Оля сделала глоток чая и поставила кружку обратно на стол.

— Она была моей лучшей подругой, я всегда могла на неё положиться. Мой маленьких

огонёчек поддержки. Я её так в шутку называла. Ей нравилось. Я всегда пыталась ответить ей тем же, той же поддержкой. Но у неё это получалось лучше, быть рядом. Иногда... — Оля отвернула лицо к окну, — иногда сложно не винить себя, что я не была рядом, когда это нужно было больше всего. Зная, что ничем бы моя помощь не закончилась, мне всё же приходят мысли вроде: «будь я на её месте, она бы нашла способ меня спасти».

— Ты можешь спасти меня, — Яна дотронулась до плеча Оли, — мне нужна помощь. Я здесь совсем одна. Антон всё ещё в шоке. Я это вижу, когда он на меня смотрит. Павел меня бросил. Мне нужен кто-то, иначе я сойду с ума.

Оля быстро протёрла глаза от подступающих слёз и закивала.

Чай и новообретённый друг согревали душу.

— Боже, совсем забыла, я что пришла-то, — Оля кинулась к своей сумке, — мне судебная повестка попалась. Ответчик — «Агентство по борьбе с нечистой силой», а истец — какой-то «естественный порядок вещей». Ты не знаешь о чём это?

— Что такое ответчик и истец? — Яна уставилась в бумажку.

— Блять... — сказал кто-то в комнате помимо девушек.

— Антон? — крутила головой Оля.

— Его здесь нет, — ответила Яна.

— Но ты это тоже слышала? — Оля встала и начала расхаживать по комнате.

— Оля, смотри!

Повестка, что осталась на диване, резко взлетела на уровень пояса, стоявшей Оли. Задвигалась в разные стороны.

— Это плохо, очень плохо, — звучало в воздухе, — очень, очень, плохо.

— Кто ты! Покажись! — крикнула Оля.

Послышался вздох.

— Только не пугайтесь. Вы когда ни будь видели домового?

— Лишь слышала о них, от Павла, — ответила Оля.

Домовой показался перед девушками.

— Таадаа! — домовый развёл руками и поклонился. В дверь постучали. — Кто-нибудь откроет дверь, или так и будете стоять, с выпученными на меня глазами?

Оля подошла к двери, не отрывая глаза от домового, и открыла.

— Кузя? — воскликнул Антон в дверном проходе.

— Брат, я всё объясню.

Антон быстро сократил дистанцию, подхватил Кузю за шиворот и прибил к стене.

— Что ты делаешь?

— Живу здесь, — сдался Кузя, болтая ножками.

— Как долго?

— С тех пор как вы меня избили в последний раз. Как говорят? Если хочешь спрятаться, найди место, где точно не будут искать.

У Антона чесались кулаки, с тех пор как он выбросил в коридор Павла.

— Прежде чем ты начнёшь меня избивать, прошу заметить, что у тебя проблемы посерьёзнее, чем тихий, спокойный домовой, которого ты не замечал целых полтора года.

— Какая проблема?

Оля подняла бумажку с пола и протянула Антону.

— Блять...

— Я-то же самое сказал. Может отпустишь?

— Что ещё за «естественный порядок вещей»? — Антон обратился с вопросом ко всей комнате.

— Что-то вроде прокуратуры, — ответил Кузя.

Оля нахмурилась:

— Ты знаешь, что такое прокуратура?

— У меня есть глаза и уши, а у моих сожителей телевизоры.

— Что-то вроде прокуратуры, это что, поподробнее?

Кузя заулыбался:

— Хочешь информации, сначала отпусти меня.

Антон опустил Кузю на землю.

— Говори.

— Чай ваш так вкусно пахнет, нальёте кружечку?

Антон снова схватил домового за шиворот. Вмешалась Оля:

— Это всего лишь чай.

— Посади меня на диван, раз уж взял за шкирку.

Антон повиновался.

— И сигаретку можно.

— Бросил.

— Кому ты рассказываешь, я же с тобой тут живу.

Антон опустил голову в смирение и достал сигарету из нагрудного кармана рубашки. Передал Кузе. Подошёл к столу, подобрал зажигалку. Вернулся к дивану и поджёг сигарету домовому.

Кузя смаковал каждую затяжку, пока не увидел, как три человека ждут его слов.

— Хорошо, хорошо, раз вы так любезны. Можете задавать свои вопросы.

— Что такое «естественный порядок вещей» и как он мог подать на нас в суд?! — нетерпеливо поднял голос Антон.

— Вам покороче? Подлиннее версию?

— Среднюю, — ответила Оля.

— Хорошо, — Кузя набрал воздуха, — вы когда-нибудь задумывались, почему домовые не объединяются, что пойти войной против людей?

— Потому что вы слишком тупые? — сказал Антон.

— Попахивает расизмом. Нет. Мы не выкалываем вам глаза вилкой, пока вы спите, потому что знаем, что будет на следующее утро, — Кузя взял в руки повестку, — вот эта бумажка придёт. Провинившемуся домовому, как и другому разумному существу любой расы, придётся отвечать в суде за нарушения естественного порядка вещей. А знаете, кто может заявить о нарушении естественного порядка вещей?

— Естественный порядок вещей... — подключилась Яна.

Оля погладила подбородок.

— Это какая-то организация?

— Не просто организация, а магическая организация. Как только существо, и неважно какое, домовый или человек, делает что-то выходящее за рамки законов природы, им приходится отвечать перед судом. Вопрос в том, что вы наделали? Потому что «Естественный порядок вещей» редко вмешивается в человеческие дела.

Антон мог начать загибать пальцы, столько всего они наделали.

— Где был «естественный порядок вещей» когда пауки похищали целые деревни?

— Паукам нужно питаться, чтобы выживать. Законы природы соблюдены.

— Тогда джины...

— Джины не подчиняются законам природы.

Антон потянулся за бычком в руке Кузе. Тот любезно его передал, для последней затяжки.

— Может всё не так плохо, — начал утешать домовой, — что именно вы сделали?

Антон почесал затылок.

— Навели шороху в другом мире. Приняли участие в кровавой бойне с вампирами...и забрали сюда Яну.

Кузя побледнел. Ни в каких книгах не было сказано, что домовые умеют бледнеть.

— Вы перебросили человека...да, судебная повестка попала к вам не по ошибке.

— Ты можешь сказать, что нас ждёт на суде?

— Я никогда там не был. Извините. Какая дата стоит?

— Завтрашняя, десять утра.

— Где?

— Не написано.

— Тогда вам лучше всем собраться в одном месте. На случай телепортации.

В комнате стояла тишина и каждый надеялся, что не ему предстоит сказать об этом Павлу. Антон и Оля не хотели его видеть, Яна не хотела расстраивать. Кузя ещё не до конца отошёл от его пинка по лицу.

Глава 24

Лишний

Я всё потерял. Девушку. Друга. Смысл. С последним сложнее всего. Как его вернуть? Когда выйдешь из пузыря. Когда смотришь на толпу проходящим мимо тебя. Идущих параллельно. Они смотрят в твою сторону, зовут обратно. Ты надавливаешь на стекло с надеждой провалится на их сторону. Слишком поздно. Выпал раз, уже не вернуться. Что мне теперь делать? Искать таких же людей...?

Я слишком долго был слеп. Слишком долго был на поводу у людей, что не желают мне добро по-настоящему. Я не мог видеть лиц, за доброжелательными масками. Зато сейчас вижу. И спрашиваю себя об одном: как жить дальше? Как не лечь в ванну, с лезвием?

— Что ты делаешь? — спросила Катя.

Павел поднял голову и посмотрел на девушку, освещённую приглушённым светом ночной библиотеки. Зал давно опустел.

— Я думал, ты уже ушла.

Катя показательно подняла сумку.

— Вот-вот собираюсь. Хотела проведать тебя. Готов к первой смене?

Павел кивнул.

— Ты спросила, что я делаю... Пишу.

— Что пишешь?

Павел слегка покраснел:

— Линчеватель, когда был у психотерапевта, тот ему посоветовал записывать свои переживания, чтобы стало легче. Мы потом нашли его записки. Так и не понял, помогли они ему или нет.

Катя обхватила сумку двумя руками и опустила.

— Хочешь поговорить? Я могу остаться.

— Ты наверняка хочешь спать. Твоя смена только, что закончилась.

— Так у меня дневная была. С ночной тяжелее всего. С твоей, — Катя улыбнулась, — я поставлю чайник, а ты кружки помой.

Павел убрал свои записи и отправился на кухню за кружками.

Катя расстегнула пальто, закинула на стул, который подвинула поближе к ресепшену, чтобы сесть рядом. Она обрадовалась, что Павел захотел с ней поговорить, поделиться своими переживаниями. Не хотела возвращаться в пустую квартиру. Антон приходил слишком поздно, чтобы его дожидаться, а уходил раньше, чем она вставала. Удивительно, она чувствует себя более одинокой именно сейчас, когда в кровати с ней кто-то ещё.

Чайник вскипел как раз к возвращению Павла. Катя достала два пакетика чая и положила по одному в каждую кружку.

Они сели рядом друг с другом, у стола ресепшена.

— Я могу прочитать, что ты написал?

Павел чуть не подавился чаем.

— Я бы предпочёл, чтобы этого никто не прочёл. Слишком мрачно.

— Всё настолько плохо?

Павел достал блокнот из кармана джинсов и посмотрел на последнее предложение:

Как не лечь в ванну, с лезвием?

Убрал блокнот обратно в карман.

— А у тебя как дела?

— Нет, нет, так легко ты не отделаешься. Расскажи мне, что тебя мучает?

Что его мучает...с чего бы начать?

— Я не знаю. Я столько вложил в это агентство...Времени, сил. И, мне кажется...я отдал его за бесценок. Но одновременно с этим, я знаю, что поступил правильно. Эта работа стоила мне моих отношений с Олей, моих взглядов на мир, моей...наивности, — Павел почесал голову, — звучит по-идиотски.

— Нет. Я вижу, как это меняет Антона.

— Меняет ли? — Павел придвинулся к Кате, — Или показывает истинную личность?

В начале отношений, услышав это, Катя стала бы защищать Антона. Сейчас же, спустя столько времени...

— Мне кажется, я его люблю...

— За что? Как часто ты его видишь? Как часто он уделять тебе внимание?

— Он сказал, что, когда вы заработаете себе имя и к вам будут приходить состоятельные клиенты, вы сможете выбирать и освобождать время для семьи.

Павел смотрел на девушку, вцепившуюся в надежду, пытающуюся избежать разбитого сердца.

— Прости, но я впервые слышу об этом плане. И имя мы уже давно заработали. На паучьем деле ещё. Клиентов стало больше, но они не были состоятельными. Те же домовые, те же безобидные призраки.

— Он соврал?

Неужели нужно говорить это вслух?

— Он часто так делает. Можно сказать, я поэтому и ушёл.

— Можно сказать? Почему ты ушёл?

Вампиры. Бойня. Яна. Что напугает её сильнее?

— Он думает только о себе. Всё это время. Нужно было догадаться, когда он встал на пороге моей квартиры, когда попросил о помощи.

— Ты думаешь и мне стоит уйти? — Катя опустила голову, боясь услышать ответ.

Как Павел мог взять на себя груз ответственности за её решение? Посоветуй он ей уйти, будут ли его слова сказаны из мести, за причинённую ему боль? Посоветуй остаться, сможет ли он смотреть Кате в глаза, когда Антон променяет её на Яну?

— Я пойду, помою кружки, — сказала Катя, не дожидаясь ответа.

Павел сделал два последних глотка и передал кружку.

— Тебе стало легче? — спросила Катя, поднимаясь со стула.

— Нет, а тебе?

Катя помотала головой и ушла в темноту.

Павел достал блокнот из кармана, открыл его, взял ручку.

Что ждёт человека лгущего и использующего других людей? Как можно наказать такого? Он не убивает, не грабит, не применяет физическое насилие? Он нависает над тобой...словно домовый.

Крик из кухни эхом раздался на всю библиотеку. Павел бросил ручку и поспешил на помощь. Сомнений не было, кричала Катя. Кто мог желать ей зла? А может и вовсе, ждали не её? Павел распахнул дверь кухни и остолбенел. Как и Катя, как и Яна. Две девушки, смотрели друг на друга. Яна не поняла, отчего вызвала такую реакцию, Катя же видела перед

собой мёртвую жену Антона. Кружки лежали на кафельном полу. Из крана бежала вода.

— Этого не может быть, кто она? — спросила Катя, чувствуя, как сгорает сердце.

— Одна из причин по которой я ушёл, — ответил Павел.

Яна обернулась к нему.

— Я искала тебя. Антон сказал, что ты телефон не берёшь, ни от него, ни от Оли. Ещё он сказал, что ты будешь здесь один.

— Почему он отправил тебя?

— Кто она? — перебила Оля, — скажи мне, почему она выглядит так...как выглядит.

— Антон загадал желание, оживить Анну. Оно сбылось, но по-другому. Это Яна, она из другого мира, но выглядит как Анна.

— Мы не знаем точно, сбылось ли желание, джин же умер, — прояснила Яна.

— Это Антон тебе сказал? Неужели ты поверила ему?

— Что мне оставалось делать, ты меня бросил.

— Всё было не так.

Катя подняла кружки с пола.

— Это объясняет многое. Холодность Антона в последние дни. Его ранние подъёмы и побег, пока я сплю.

— Между нами ничего не было, — попыталась утешить Яна.

— Это вопрос времени, — Катя положила кружки в раковину и повернула кран, остановив воду, — где сейчас Антон?

— На улице, в машине. На случай, если я не смогу убедить Пашу.

— Убедить в чём? — спросил он.

Катя не стала слушать, она рванула к выходу из кухни. Её никто стал останавливать на пути.

— Нам пришла повестка, — Яна протянула бумажку, её рука дрожала.

Павел взял её, но не сразу посмотрел.

— Что с твоей рукой?

— Из-за поездки. Ещё не привыкла к машине. Мандраж берёт.

— Пробовала успокоительное?

— Из трав?

Павел улыбнулся.

— Можно в таблетках, можно чай из трав, как пожелаешь. На первое время будет полезно, пока привыкаешь.

Яна обхватила себя руками, будто начала замерзать.

— Не знаю, смогу ли я привыкнуть ко всему.

Павел хотел её утешить. Сказать было нечего. Этот путь ей придётся пройти самой, и никто не сможет помочь.

— Прочитай повестку-то, — улыбнулась Яна.

«Естественный порядок вещей». Судебное заседание. Оля — заинтересованное лицо.

— Кузя сказал, что это наверняка из-за меня и того, что случилось в моём мире. Вселенский суд, — объяснила Яна, когда увидела недоумение на лице Павла.

— Кузя? Домовой? Где вы его достали?

— Он у вас жил, как оказалось, больше года.

— Прямо перед нашими носами, иронично.

Павел ещё раз посмотрел на повестку.

— Я никогда не заглядываю в почтовый ящик. Наверняка, у меня такая же.

— Мы заехали к Антону на старую квартиру, в которой он жил ещё с Анной. Там была его повестка.

— И что нам делать?

— Кузя сказал, лучше собраться вместе, завтра. К десяти утра. И к слову, эта штука ваша, время, эти стрелки, от них голова кружится не хуже, чем от машины.

— Чай, Яна, чай.

Два голоса гуляли по пустой улице. Один требовательный, другой холодный. Фонарь стоял прямо под Катей, освещая её морщины и усталость. Антон оставался в темноте, рядом с машиной.

— Ты вообще собирался мне сказать? — спросила Катя.

— Как бы я тебе это сказал? — пожал плечами Антон.

Катя вздохнула.

— Как есть. Честно. Поговорил. Сел бы рядом со мной, взял за руку. Я бы поняла. Я знаю, что ты всегда будешь любить Анну. Я с этим смирилась. Но я не могу смириться с ложью. С твоим двуличием.

— Двуличием, вот как? — перебил Антон.

— Когда ты загадывал желание, ты подумал, какое место достанется мне, если оно сбудется?

— Значит, Анна должна оставаться мёртвой, потому что тебе будет обидно.

— Нет! — крикнула Катя и Антон вздрогнул, — Мне больно не потому, что ты любишь свою жену, боже упаси, мне больно потому, что ты любишь только её. Ты не заботишься ни о ком кроме неё. Есть же ещё люди, живые, я, Паша, что насчёт нас? Неужели мы недоступны справедливого отношения? Недостойны правды, заботы?

Чтобы она ни говорила, сколько бы фонарей ни показывали боль её лица, в холодных глазах Антона было невозможно разглядеть понимание.

— Я не знаю, что тебе сказать, не знаю, что ты хочешь. Я не давал тебе обещаний, и ты всегда знала про Анну, с самого начала. И так же, как и тогда, я даю тебе право уйти.

Катя горько ухмыльнулась.

— Так же, как и тогда, будто время застыло на месте... Я вообще для тебя ничего не значу?

Яна вышла из библиотеки, спускалась по лестнице, робко опустив голову.

— Что он сказал? — спросил Антон.

— Придёт завтра, после смены.

Яна села в машину, боясь посмотреть Кате в глаза. Антон, открыв дверь, остановился и спросил Катю:

— Тебя подбросить домой?

И будто ничего не было. Будто душа не вывернута наружу.

— Я пройду, — ответила Катя незнакомому лицу.

Глава 25

Сбор

Антон и Павел. Павел и Антон. Сидят, на противоположных концах дивана. В офисе агентства, молча. Ждут. Между ними: Кузя, Оля, Яна.

Оля, отпросилась с работы. Когда у неё поинтересовались, из-за чего, она ответила: «собака заболела».

Сидели они уже больше часа. Неловкое молчание закончилось в первые полчаса. Нет, никто не заговорил, всем стало плевать на него.

Кузя задремал. Тихо, как кот. Его не стали тревожить.

Что самое странное, никто не сомневался. В глубине души, на подкорке сознания, каждый понимал, за ними придут, это не розыгрыш. Что-то витало в воздухе. Магия?

Кузя проснулся, когда из-под задницы исчез диван. Он почувствовал холод керамического пола. Вокруг него, зал, белый, ослепляющий глаза с высоким потолком.

Павел помог встать Яне, Антон — Оле. Кузя встал сам. Ему никто руки не подал.

— Добро пожаловать, — так же неожиданно как белый зал, напротив появился мужчина, с прилизанными черными волосами, в белом костюме. Он был начисто выбрит и стоял ровно, как солдат. — Прошу за мной, — мужчина развернулся, сделал несколько шагов вперёд, затем остановился, — Чего стоите? Говорю же за мной.

Павел посмотрел на Кузю.

— Нам идти?

— Я откуда знаю, я ж здесь не был никогда.

— Идти, — нарочито улыбнулся мужчина.

— Куда? — спросил Антон, закрывая собой Яну.

— На судебное разбирательство, куда же ещё.

— Что это за место?

— Вселенский суд.

Мужчина развернулся и начал уходить прочь. Ему было не важно, идут за ним или нет.

Выбора не оставалось. Торчать в поле никто не хотел.

— А вы кто? — Антон поравнялся с мужчиной.

— Секретарь суда. Я буду вас встречать, провожать и записывать всё вами сказанное на судебном процессе.

— Кто нас будет судить? — спросил Павел из-за спины.

— Мы пришли.

Белая комната начала сужаться. Потолок падал. Стены окрашивались в жёлтый цвет. Большая трибуна образовалась перед глазами присутствующих.

Пять стульев уже стояли за спинами участников. Секретарь суда отошёл в сторону и напротив пятерых появился длинный, блестящий, деревянный стол.

— Прошу, садитесь, — приказал мужчина и сел за образовавшееся рабочее место: стул, стол, печатная машинка.

Тут то Кузя и вспомнил, что ему здесь не место.

— Эм, уважаемый, — зашептал домовый секретарю. Его все слышали, — я здесь случайно, хотел ребятам объяснить, что такое вселенский суд, да посмотреть, как их заберут. Мне бы домой.

Секретарь, настраивая печатную машинку, холодно ответил:

— Если вам тут не место, значит вас отправят обратно. Ждите.

За спиной пятерых послышался скрип двери и затем голос:

— Простите, я не опоздал?

Шесть голов повернулись на источник шума.

Мужчина, в коричневом потрёпанном пиджаке, с брифкейсом в правой руке, в таком же старом, как и пиджак, медленно помахал всем левой рукой и тут же пригладил крашенные от седины волосы.

— Как раз вовремя, — ответил секретарь облегчённо.

Мужчина второпях подошёл к столу, где сидели пятеро и сел на только что образовавшийся стул. Громко бросил брифкейс на стол, выбивая из него пыль.

Павел, сидевший ближе всех, замахал рукой, отгоняя пыль.

— А вы? — спросил он.

— Ваш адвокат, голубчик, — мужчина осмотрел остальных, — и ваш тоже, — ещё раз посмотрел на Кузю, — но не ваш, вы...

— Здесь случайно, был в одной комнате во время телепортации, — ответил Кузя.

— Разберёмся, — ответил адвокат и расстегнул брифкейс.

Он судорожно в нём рылся и наконец достал нужные бумаги.

— Так, так, вопрос, пока нет судей, какая у нас позиция? Признаём вину, не признаём?

Ответственность берём на себя?

— Кхм, — Павел попытался поймать написанное на бумагах адвоката, — за что брать-то её? В чём нас обвиняют?

Адвокат бросил бумаги на стол. Приблизился к Павлу, ближе, чем тому хотелось и тихо спросил:

— Как в чём? Вы иск получили?

Павел развёл руками и замотал головой.

Мужчина выдохнул и обратился к секретарю.

— Видите, а я говорил, что нужно внедрять современную почтовую систему во всех уголках вселенной, а не только в тех солнечных системах, где проходить основная деятельность, — не дождавшись реакции секретаря, адвокат снова обратился к Павлу и ко всем остальным, по совместительству. — Вы, наверное, вообще ничего не понимаете, иск не читали, о законах не слышали, да наверняка про ответчика не знаете. А судьи? А судьи кто?

Все пятеро замотали головами. Даже Кузя, хотя он тут ни при чём.

— Встать, суд идёт, — огласил секретарь.

За большой трибуной стояло четыре стула, больших, кожаных, с удобной спинкой, мягких.

Слева от трибуны образовалась обычная деревянная дверь и тут же открылась. Первым появилась женщина. Молодая, красивая, с рыжими, почти красными волосами. Высокая, в ярком, чёрном платье, напоминавшем мантию. Ей голубые глаза притягивали и пугали одновременно. Она осмотрела присутствующих, улыбнулась секретарю и села на последний, самый дальний от двери, четвёртый стул. Стоит отметить, что этот судья, как и все последующие, были босиком. Ножки женщины были миниатюрные и гладкие. Что не скажешь о следующей.

Женщина, с чёрными, пышными волосами, со строгим лицом. Её не назовёшь красивой, но и уродливой тоже. Мантия была чёрного цвета, но казалась бледнее, чем у предыдущего

судьи. И сидела она странно, не как платье, а как мешок. В ногах больше всего отличий. Ступни неуклюжие, все в морщинах, пальцы кривые, одни слишком большие, другие слишком маленькие. Она осмотрела всех своими карими, почти чёрными глазами, фыркнула от недовольства. Села на третий стул.

Следом зашёл мужчина. Молодой, энергичный. Блондин. Всем улыбнулся. Лицо гладкое, ухоженное, щёки румяные, губы наливные, красные. Мантия чёрная, казалось ярко-чёрная, но по-хорошему, даже светло чёрная, существуй такой цвет. Ступни красивые, мужские, большие, твёрдо стоящие. Судья сел на второй стул.

Последний судья, мужчина. Волосы седые. Адвокат, увидев их, погладил свои. Мантия чёрная-чёрная. Глазам печальные, полные мудрости. А под ними, цена этой мудрости — глубокие морщины. Само лицо бледное, но всё же здоровое. Ноги, как у старика. Шёл он медленно, может оттого, стул его был ближе всего к двери. Как только последний судья сел, всем остальным участникам было разрешено последовать их примеру.

Судья, седой, что у двери, поднял со стола документ и зачитал.

— Слушается дело номер два миллиона сто сорок две тысяче пятьсот двенадцатое. Во вселенский суд поступило исковое заявление от «Естественного порядка вещей» к «Агентству по борьбе с нечистой силой» о признании незаконным внедрение в мир номер восемь-шесть-ноль-ноль. Требования мотивированы тем, что ответчик «Агентство по борьбе с нечистой силой» в лице Антон Г. и Павла В, без законных на то оснований, из побуждений любопытства, заранее зная, что зеркало, расположенное на складе недалеко города М. является магическим (это им было сообщено Денисом Л. и Константином С.), пересекли границу мира восемь-шесть-ноль-ноль, войдя в зеркало.

Находясь в мире номер восемь-шесть-ноль-ноль, Антон Г. и Павел В. были взяты в плен. Их привели в замок короля Владислава. Оказавшись в вышеуказанном месте, в течение нескольких часов, Антон Г. и Павел В. устроили диверсию, обратив городское население против знати и самого короля.

Гражданский бунт, поднятый ответчиками, пробудил вампиров, прислужников короля Владислава, гнездившихся под замком. Разгневанные существа атаковали жителей. Битва шла всю ночь.

К утру, в живых осталось лишь малая часть населения, Антон Г., Павел В., рыцарь — Йогаст Н., Яна К.

Золотой король Владислав — мёртв, Серебряный король Генрих — мёртв, Бронзовый король Моргут — мёртв. Город пал.

Этой же ночью. Антон Г. и Павел В. заполучили заклинание возвращения в свой мир. Они убили Йогаста Н. и забрали с собой Яну К. Девушку, как две капли воды похожую на мёртвую жену Антона Г. Такое совпадение является следствием загаданного Антоном Г. желания и исполненного артефактом джина.

На основании вышеизложенного, «Естественный отбор вещей» просит, первое: вернуть Яну К. в мир номер восемь-шесть-ноль-ноль, второе: заточить Антона Г. и Павла В. в лимбе, на пятнадцать лет, — судья положил листок, осмотрел всех находящийся в зале. — Я так понимаю, вы двое мужчин, ответчики?

Адвокат толкнул Павла локтем.

— Да, ваша честь, — привстали парни.

— Кто из вас Яна? — судья посмотрел на женщин.

— Я.

— И слева о вас?

— Ольга, заинтересованное лицо.

Судья обратился к секретарю.

— Кого-то не хватает, как думаешь? Или, по-твоему, этот домовой — это заинтересованное лицо — Екатерина.

Секретарь сглотнул. Стёр пот со лба.

— Ваша честь? — встал адвокат, — мало того, что организация данного заседания выполнена из рук плохо, мне стало известно об отсутствии у моих подзащитных, самого иска. Ни о какой подготовке тут и речи не может идти.

Судья, всю бурю злости в глазах, обратился на секретаря.

— Я всё отправил, — ответил он.

Судья выдохнул. Протёр глаза, будто только снял очки.

— Сделаем перерыв. Обсудите иск. Я вам его уже зачитал. Обсудите с вашим адвокатом свою позицию. Как закончите, сообщите секретарю.

Стук молотка обозначил паузу в заседании. Судьи вышли в ту же дверь.

Адвокат вышел из-за стола и встал посередине комнаты, обращаясь ко всем:

— Если есть вопросы, предложения, озвучивайте их сейчас. Это самый важный момент в вашей жизни.

Павел начал потихоньку вставать.

Адвокат мило улыбнулся.

— Не нужно. Я не суд. Со мной говорите сидя.

Павел слегка покраснел. Сел обратно.

— Что такое лимб? — спросил он.

Остальные направили уши.

— Ничего. Пустота, — адвокат развёл руками.

— И что мы там будем делать?

— Надеюсь, ничего. Но если всё же...стареть.

— Поподробнее, — грубым тоном попросил Антон. Ситуация выходила из-под контроля. Ему это не нравилось.

— Считайте это сном длиною в пятнадцать лет.

— А потом вернёмся постаревшими?

— Да, доживать остатки. Вы постареете на количество лет проведённых в лимбе.

— Что это за наказание такое? В чём перевоспитание? — Павел разозлился. Он встал, не ради адвоката, ради себя.

— Лимб меняет людей. Вы не будете ничего помнить. Но вы изменитесь. Никто не возвращается таким же.

— Но пятнадцать лет? За что? Я не загадывал желание. Это не моя идея — привести в наш мир Яну. Да, я убил Йогаста. Но уже когда он перестал быть рыцарем. Когда напал на человека. Хотел его убить. Самооборона, в моём случае, — Павел ткнул пальцем в Антона, — это всё, его вина.

— Ну спасибо, дружище.

— Я тебе не дружище. Не смей меня так называться. После всего, что было.

Антон приподнял руки.

— Ладно, ладно. Успокойся.

Адвокат почесал затылок. Посмотрел куда-то вбок. Отстранился.

— Всегда есть такой вариант, — адвокат вернулся с облаков, — если Антон заберёт всю вину на себя. Вполне возможно, в лимб отправиться только он.

— По мне, так отличная идея.

— Паща! — позвала Оля, — пятнадцать лет!

— Или тридцать, на двоих.

Оля обратилась к адвокату.

— Есть ли шансы выиграть? Без заточения в лимбе?

— Может есть, может нет. Четыре судьи. Сложно сказать, какого они мнения. А к моменту, когда мы разберёмся, менять линию защиты может быть поздно.

— Давайте тогда послушаем, что он скажет? — Павел сложил руки, посмотрев на Антона сверху вниз.

Тот не торопился отвечать. Он опустил голову, стуча пальцами по столу.

Павел сел и придвинулся поближе.

— Это твой шанс, всё исправить. Ты сам сказал, что не хотел этого. Столько смертей, Антон. Возьми ответственность за свою ошибку.

Антон прошептал:

— Это не было ошибкой...

— Что?

— Это не было ошибкой. Я хотел воскресить свою жену. С каких пор за это нужно платить пятнадцатью лет в лимбе? — Антон поднял голову, посмотрел в глаза Павлу, — Я не сделал ничего плохого. Это всё джин. Его артефакт.

— Но ты знал. Дмитрий живой пример. Ты видел, что с ним стало. Сколько смертей на его совести.

Антон замотал головой.

— Нет.

— Блять!

Павел резко поднялся, откинув стул. Он отошёл в сторону, к стене. В груди бурлило ненавистью. Он не хотел, чтобы его таким видели.

— Возьми ответственность, — сказал Павел, подняв голову к потолку.

— Нет.

— Возьми ответственность! — крик раздался на всю аудиторию.

Антон встал.

— Нет.

Павел повернулся. Его глаза блестели.

— Ты убиваешь меня.

— Ты делаешь то же со мной.

— Но это твоя вина, — Павел сжал кулаки, медленно приближался к бывшему другу, — твоё желание, — его руки чуть опускались после каждой фразы, затем поднимались обратно, — Твоя вина. Твоя ебучая жена!

Этого хватило, чтобы оба сорвались с цепи. Полетели кулаки. Антон попытался ударить первым, но Павел был готов. Он нырнул, переместился левее. Выпрямился и бросил вперёд кулак, попав в нижнюю челюсть.

Антон потерялся в пространстве. В ушах зазвенело. Ноги предательски обмякли. Он присел на одно колено, чувствуя всю боль от удара.

Подбежала Оля. Встала между ними.

— Нет! — крикнула она, — Это ничего не решит.

— Женщина права, — у двери появился судья. Тот же, что читал иск. Старый, седой, — именно насилие привело вас сюда. Как видите — это не решение.

— Кто вы вообще такие?! — крикнул на него Павел, — что даёт вам право? Судите нас! В лимб хотите отправить! На каком основании!

В зале потемнело. Судья будто стал выше. Громоздился на остальными.

— Мы есть альфа и омега, — его голос окреп, стал громче, — мы первые и последние, — все судьи появились в комнате, сначала их голоса, затем обличия — мы начало и конец.

Седой судья, старик:

— Я ЕСТЬ СМЕРТЬ.

Молодой судья, энергичный мужичина:

— Я ЕСТЬ ЖИЗНЬ.

Женщина, с чёрными, пышными волосами:

— Я ЕСТЬ НЕНАВИСТЬ.

Женщина с рыжими волосами, блистательной красоты:

— Я ЕСТЬ ЛЮБОВЬ.

Глава 26

ВИНОВНЫЙ

Протокол судебного заседания № 1.

Смерть: Судебное заседание объявляется открытым. Прошу высказать позицию по делу. Признаёте вину?

Адвокат: Мои подзащитные вину не признают.

Смерть: Значит, всё, что написано в иске, недостоверно?

Павел: Наше участие преувеличено истцом.

Жизнь: Интересно получается. Но к вам действительно обратились Анатолий с Денисом. Привели к зеркалу?

Антон: Да. Мы, как «Агентство по борьбе с нечистой силой» не могли отказать.

Смерть: А как давно вы предоставляете подобные услуги?

Антон: Почти три года.

Смерть: И чем именно занимаетесь?

Антон: Изгоняем домовых, призраков.

Смерть: Расскажите, поподробнее, как вы это делаете?

Антон: Чтобы изгнать призрака из дома, нужно убрать все упоминания о нём.

Смерть: Так просто?

Антон: Вещей много. Диван выкидывать, телевизор продавать. А если рояль стоит, на котором любил играть усопший, тогда вообще не просто.

Павел: Ваша честь, неужели вы этого не знаете? Вы же альфа и омега, начало...

Смерть: Мне нужно убедиться, что в ваших способах нет ничего противоестественного. Что вы не сжигаете тела, раскапывая их могилы, тем самым оскверняя священный обычай. Как смерть, меня это очень волнует.

Павел: Мы никогда ничего не выкапывали. Способ, описанный Антоном всегда действовал. Привидения, привязаны к напоминаниям. Он пытается всплесками ностальгии. Пряча вещи, мы ослабляем человеческое желание вспомнить об умершем. Конечно, воспоминания не уходят полностью, но их становится меньше. Это помогает.

Ненависть: А что насчёт домовых? Я вижу здесь одного. Вы и ими занимаетесь?

Павел: Мы ловим их, привязываем и просим уйти.

Ненависть: И всё? Что происходит, если они не хотят уходить по-хорошему? И что мы молчим, переглядываемся? Хотя нам и идти далеко не надо. Домовой. Прошу, встаньте и расскажите нам, как всё проходит.

Кузя: Они, ловят меня, да, правильно они сказали. Связывают. Запугивают.

Ненависть: И?

Кузя: Бьют... пока я не соглашусь уйти.

Ненависть: Куда бьют?

Кузя: По плечам. По ногам. По телу. По лицу.

Ненависть: Чем?

Кузя: Простите ребят, это ж суд. Ногами, руками, да без разбора вообще. Могут ещё плюнуть. Но ваша честь, я знаю, что они знают, что домовые устойчивые. Боль мы чувствуем во много раз слабее, чем человек. На их месте я бы делал то же самое.

Ненависть: И вы никогда не хотели им отомстить?

Кузя: Хотел. Я, кхм, собственно у них поселился, в офисе, чтобы это сделать. У Антона иногда шея затекала, из-за меня. Я ночью на ней сидел. Он бывало ночевал в офисе. У Павла всегда шнурки развязаны были, когда он подходил обуваться. Он любил не развязывать их, а так снимать. Лень было потом нагибаться. Сигареты тырил у Антона иногда, хоть он и говорит, что не курит. Что ещё... бутылки с пивом взбалтывал и обратно в холодильник ставил. В носках дырки делал. Но это поначалу только. А потом, как-то пригрелся к ним. Они не алкаши, не бесят. Да и шутки смешные у них. Милые такие. Отношение их дружеские меня трогали. Будто братья. И подстёгнут, и поддержат. В общем, привык я к ним, и пакостит не мог больше. Стал жить. Люди-то хорошие. Ну били, да били, по работе положено. Кто я такой, чтобы их судить? То есть, их судить и не надо. Из-за этого.

Смерть: Можете садиться Кузя. Мы вас услышали. Двигаемся дальше. Что вас сподвигло заняться данной деятельностью? Не каждый день мы видим существ, что пытаются поживиться на сверхъестественном. Слишком опасным считается данная деятельность.

Любовь: Мне кажется я знаю в чём дело. Знаю, что могло сподвигнуть. Я вижу это в его глазах. Даже на таком расстоянии, это не скрыть. Вижу в том, как он стоит чуть приопустив голову. Это всё из-за умершей жены?

Антон: Да.

Любовь: Как долго вы были вместе?

Антон: Мы дружили, со школы. Три года дружбы, затем она уехала в другой город, учиться. Я ждал её пять лет. Когда она вернулась, мы поженились. Три года прожили в браке. Лучшие годы в моей жизни. Сейчас, я живу воспоминаниями.

Жизнь: Но не обязательно так себя мучить. Вы удивитесь, как богат мир, нужно открыться ему.

Смерть: Как именно это боль, мотивировала вас открыть такое необычное агентство?

Антон: Я хотел помочь. Хотел защитить других людей от этой боли.

Смерть: Значит, помощь...но вы берёте деньги за услуги?

Антон: Надо же кушать.

Смерть: Неужели, избивая домовых, вы чувствуете, что помогает людям и что смерть вашей жены не напрасна?

Антон: Я этого не говорил. Смерть моей жены всегда будет напрасной.

Смерть: Подождите, судя по иску, получается наоборот. Вы избиваете домовых, вторгаетесь в другие миры, заключаете сделку с джином во вред всем. Можно сказать, что смерть вашей жены вдохновила вас на сомнительные поступки. Вы крадёте похожую девушку из другого мира лишь бы заглушить боль от утраты. Будь Анна на вашем месте, открыла бы агентство? Стала бы терроризировать сообщество домовых? Стала бы рисковать жизнь сотни людей,

загадывая желание? Смерть вашей жены не была напрасной, вовсе нет. Только вместо добрых деяний, она сподвигла вас на ужасные.

Антон: Почему вы не вмешались? Король Владислав вторгся в мой мир. Убил мою жену и вернулся. Где его суд? Его наказание?

Смерть: Будь он жив, сидел сейчас рядом с вами. Вы лишили его честного суда.

Антон: А он лишил жизни сотни человек. Мы сделали то, что должно. Спасли хоть кого-то. Закончили...

Смерть: То, что начали?

Антон: То, что вы не смогли начать.

Смерть: Вы знали, что артефакт джина может исполнять желание? Знали, что у каждого желания есть подвох?

Антон: Предполагал.

Смерть: Тогда зачем загадали?

Адвокат: Ваша честь! Учитывая, что о предмете судебного заседания, мои подзащитные узнали двадцать минут назад, прошу перенести заседание и дать подготовиться к подобным вопросам.

Смерть: Хорошо, вы правы. Как бы нам не хотелось уложиться в минимальное количество заседаний, вашим подзащитным слишком тяжело даётся акклиматизироваться. Отдохните, отоспитесь, осознайте всё, что с вами происходит. Следующее заседание завтра. Кузю больше трогать не будем. А вот Екатерину прошу пригласить. На этом, судебное заседание объявляется закрытым.

#

Оля выбежала на улицу, из офиса агентства. Её глаза искали мусорную урну. Павел выбежал вслед за ней.

— Оля, стой!

Её вырвало на тротуар.

— Оставь меня в покое, — девушка вытерла рот рукавом. — Это всё правда? Убийства, вампиры. Это желание? Ты сам говорил, вы спасаете людей. Где же оно? Ваше спасение? Вы делаете только хуже!

— Это не моя вина. Что я мог сделать?

— А чья вина? Антона? Ты был рядом с ним. Видел его каждый шаг и ничего не сделал!

— Это было желание джина! Все события произошли вне зависимости от моего вмешательства. Как ты не понимаешь?

— Я отлично всё понимаю. Как же легко тебе это даётся! Винить всех вокруг себя. Возьми ответственность за свои действия!

— Я беру!

— Нет. Ты думаешь, что берёшь. Всё это ложь. Пыль в глаза. В мои, в свои...

— Что ж...наверное очень легко судить со стороны. И как ты жила с таким дурачком, как я?

Оля толкнула Павла в грудь.

— Ты отправишься в лимб. На десять лет! Если ты не заметил, то я тебе скажу. Эти

судьи, эта смерть, жизнь, любовь и ненависть — они не на вашей стороне. Я вижу это по их лицам, по их вопросам. Они вас закопают. И ты тоже должен это видеть! Как ты не видишь? Второе заседание уже завтра. Они пройдутся по вашим делам в королевстве и вытащат из-за пазухи готовое решение. Они его уже приняли.

— И что я могу поделаться, если они уже его приняли?

— Что-нибудь.

Павел вернулся в офис агентства, один. На диване сидели — Яна, Кузя и Антон.

— Пока все в сборе, решим, что вы будете делать со мной? — домовый нервно поёрзал на месте.

— Спасибо, — ответил ему Антон, — за то, что сказал. За то, что заступился за нас.

— Да, — сказал Павел, — я больше не буду тебя пинать.

— Вы тоже простите, что пакостил вам.

— Пойду я посплю. Моё время ночью наступает, — Кузя стал невидимым ещё сидя на диване. Никто не услышал, как он слез, ни его шагов. Но стало ясно, что в комнате стало на одно существо меньше.

— Он спит в кладовке? — спросил Павел.

— Видимо, — аккуратно ответил Антон, не желая получать по лицу.

— Хотите чаю? — спросила Яна.

Антон посмотрел на Павла, как и Яна.

— Наливай.

— Что Оля сказала? — спросил Антон.

— Нам нужно что-то придумать.

Павел подошёл к столу и взял тетрадь, куда они записывали номера клиентов. Вырвал лист из середины. Положил тетрадь, взял ручку со стола. Сел на диван и придвинул стол, для удобства.

— Что ты делаешь? — спросил Антон.

— Кто-то должен придумать линию защиты. Раз адвокат просто испарился и помогать нам не стал.

— Мы будем её придумывать?

— Ты можешь помочь, можешь свалить. В любом случае, не спрашивай меня про отношения с Олей. Это тебя больше не касается.

Яна поставил по кружке каждому. И села за Антоном со своей кружкой.

— Нужно вспомнить, как всё было, — продолжил Павел, — с момента, как прошли через портал. Будем думать, как защищаться. Как нам сбросить большее количество трупов с себя. Как обыграть твоё желание, чтобы ты не выглядел настолько виноватым.

Антон неуверенно спросил:

— Ты хочешь спасти меня?

— Если это поможет мне, — сухо ответил Павел.

#

Протокол судебного заседания № 2.

Смерть: Давайте перейдём к зеркалу, наконец. Как пишется в иске, вы узнали о нём,

когда к вам пришли Анатолий и Денис. Верно?

Антон: Верно.

Смерть: И тогда, вы ещё не связали дело с желанием джина?

Антон: Я понятие не имел, что оно сработает, так что да, не связал.

Смерть: Что значит, вы не имели понятия? Как можно загадать желание и не знать, что оно сработает? Вы взяли в руки артефакт джина?

Антон: Я взял в руки артефакт джина. Я не знал наверняка, что оно сработает, это желание. Я же раньше никогда их так не загадывал. Более того, я был почти уверен, что оно не сработает.

Смерть: Павел, а что у вас с головой, что вы киваете?

Павел: Извините, нервы.

Смерть: Антон, зачем вы тогда желание загадали, если были уверены, что оно не сработает?

Антон: Как бы так объяснить. Знаете, когда говорят, не думай о слонах, ты начинаешь только о них и думать? А когда у тебя в руках что-то такое могущественное. Желание, оно само вырвалось. В моей голове. Мысль.

Смерть: То есть, вы не произносили его вслух?

Антон: Может и произнёс. Невольно.

Смерть: Невольно? Невольно подумал, невольно произнёс?

Антон: Получается.

Смерть: Павел, и вы согласны с этим утверждением?

Павел: Я не видел, ваша честь. Но, зная Антона, могу сказать, что это на него похоже.

Смерть: «Зная», «можете», что это за показания такие? Ни туда, ни сюда. Хитрые самые?

Павел: Не знаю, о чём вы.

Антон: Никаких хитростей.

Смерть: Хорошо. Антон, не зная, загадал ли он желание, принял Анатолия и Дениса. Они вам всё рассказали, и вы пошли на склад, к зеркалу. Вместе с Павлом. Так?

Антон: Так.

Смерть: Что случилось на складе?

Павел: Я взял свой телефон, присоединил к селфи палке. Это такая штука для фо...

Смерть: Мы знаем, что такое селфи палка.

Павел: И просунули его через зеркало. Хотели заснять происходящее и посмотреть, что там.

Антон: Просим отметить, что намерений вторгаться в другой мир у нас не было.

Смерть: Просунув телефон, можно сказать, что вы уже вторглись?

Адвокат: Статья 158 междумирового кодекса, гласит, что нарушение границ междумирья наступает с первой ноги. Получается, что нет, ваша честь. Вы, видимо, запамятовали.

Смерть: Видимо. Что было дальше, после селфи палки.

Павел: Её потянули. Рыцари, на себя. И таким образом затащили нас, насильственно.

Смерть: Насильственно?

Павел: Да, против нашего желания, нашей воли. Нарушая закон, эмм, междумирового кодекса.

Смерть: И после того, как вас насильственно затащили, почему вы не вернулись? Почему

отправились в замок, устраивать дебош?

Павел: Нас тут же связали. Не было возможности. Как бы не хотелось, а хотелось очень сильно.

Антон: Хотелось очень сильно, не нарушать закон кодекса междумирья.

Смерть: Междумирового кодекса.

Антон: Да, его.

Смерть: Ага, получается, вы не виноваты?

Павел: Естественно.

Смерть: Тогда давайте перейдём к вечеру, перед битвой. У меня есть показания одного из мёртвых рыцарей, Йогаста. Мы допросили его в загробном мире. Он утверждает, и я цитирую: «Если твоя честь превыше всего, то всмотришь в личико Яны хорошенько, запомни его, поскольку только память о нём будет согревать тебя по ночам. Если хочешь её уберечь, без кровопролития не обойтись. Можешь дожидаться стражников, разрубить их напополам, взять Яну под руку и бежать, пока вас не встретит гарнизон. А если, предположим, что ты справишься с ними и вы сбежите, как быстро король вас найдёт? Ему достаточно лишь запаха! Как скоро ты зайдёшь в избу, где вы остановились, на берегу реки, и обнаружишь обескровленное тело своей жены? Ты хочешь её спасти? Мы должны убить короля! А для этого нам нужны люди! Это единственный способ!» Конец цитаты. Думаю, моим коллегам должно быть очевидно, с кем мы имеем дело.

Антон: Откуда уверенность, что рыцарь не приукрасил мои слова, сделав их более гротескными?

Жизнь: У нас есть способность вытягивать точные воспоминания из мёртвых существ. К сожалению, к живым такую магию применять смертельно опасно.

Смерть: Это точные показания. Вы желали крови. Смерти.

Ненависти: И как хорошо подобрали слова.

Любовь: Ваши слова пропитаны болью. Вы знали о чём говорили.

Павел: Уважаемый суд. И всё же, слова вырваны из контекста. На тот момент, мы были в состоянии шока. Мы попали в абсолютно новый, чуждый для нас мир. Он хотел домой. Как и я. Господи, не скажи он это, я бы сказал. Не так красочно, но сказал. Так много взвалилось на него в тот вечер.

Смерть: Вся его ноша, результат его стараний. Не будь желание, вы бы никуда не попали. Как вы не видите? Денис с Анатолий не случайно обратились к вам. Мудрец Константин не случайно провалился в зеркало. Рыцари потянули вас не по своей воли. От момента, когда Антон произнёс желание до встречи с Яной, действовала магия джина, притягивала события, раскладывала так, чтобы вы оказались рядом с девушкой. Всё, что случилось до встречи с Яной, вина Антона, всё что после, вина общая. Вы убедили Йогаста поднять бунт. Вы сами вступили в бой. Вы убили Йогаста и забрали Яну в свой мир.

Павел: Если вы всё это уже знаете, то должны понимать, чья это вина. Что я здесь делаю? Я соучастник? Вы сами говорите, что действовала магия джина. Я ничего не мог поделать. Вы уже все решили. Давайте покончим с этим. Будет справедливо, если вы приговорите Антона. На десять, на двадцать лет. Мне всё равно.

Смерть: Хорошо. Будь по-вашему. Судьи удаляются на совещание.

В зале сидели — Оля, Катя, Павел, Антон, Яна и адвокат.

Кате всё было в новинку, поэтому за ней следила Оля.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Спроси меня позже, через год-два.

Антон обратился к адвокату:

— Теперь, когда меня сдал мой дружок, каковы шансы не попасть в лимб?

— Нулевые.

— Ты меня вынудил, — вмешался Павел, — это твоя вина, ты это знаешь.

Антон, не обращая внимание на друга, говорил адвокату:

— Должен же быть какой-то способ, лазейка. Я не знал, к чему приведёт желание джина. Умысла не было. Это же смягчающее обстоятельство?

— Поэтому десять лет просят. Не больше.

Антон ударил кулаком по столу.

— Всё не может так закончиться.

Он стал пробегать по событиям. Искать выход. Что он упускает? Должен быть способ. Если не это адвокат, то он сам его найдёт. Его интуиция приведёт к выходу.

— А что станет со мной? — Яна зашептала адвокату. — Меня просто кинут обратно? Искать другой бордель?

Вот она. Лазейка. Как гром среди ясного неба!

— Они не смогут... Я хочу, чтобы Аня была со мной.

Адвокат выпучил глаза.

— Вы так...

— Я хочу, чтобы Аня была со мной. Да, я так и сказал. Так загадал желание. Те же три буквы. Другой порядок.

Когда судьи вернулись в зал, с решением, им пришлось его отложить в сторону и выслушать адвоката.

Протокол судебного заседания № 2.1

Адвокат: Ваша честь, боюсь, мы не можем заключить Антона в лимбе. Ни на десять лет, ни на день!

Смерть: Я в предвкушении, откуда такая уверенность?

Адвокат: Желание! Он сказал, кхм, Антон сказал, держа в руке артефакт, и я цитирую: «Я хочу, чтобы Аня была со мной». Мы не можем отправить Антона в лимб, потому что Яна отправится с ним автоматически. И мы не можем сломать желание, потому что джин мёртв. И даже уважаемой Смерти не под силу ломать желание мёртвого джина. И воскрешение не поможет. Ведь желание исполнил артефакт с частичкой души джина, а артефакт уничтожен! И воскресив джина мы получим только восемьдесят процентов души джина! А чтобы найти оставшиеся двадцать процентов нужно прочесать весь лимб, на что уйдёт куча времени и сил. И ни одно решение суда, ни одна душа этого не стоит!

Смерть: Отдышитесь. Я вас услышал. К сожалению, вы правы. У нас нет никаких оснований заключать Яну. Оттого и Антон остаётся жив. Жаль, честно говоря, я готов был объявить, что мы заключаем в лимбе Антон на двадцать лет, отпуская Павла без наказания. Но, в силу новых обстоятельств, нам придётся поближе присмотреться к Павлу. Кто-то должен понести наказание. Без ещё одного заседания тут не обойтись. Это заседание объявляется закрытым.

Павел: Постойте, постойте! Что значит — «поближе присмотреться к Павлу»? Вы же

знаете, что я не виновен. Я всего лишь пассажир! Это не справедливо!

Жизнь: Что ты знаешь о справедливости? У тебя есть одно представление, человеческое. Оно плоское и простое. Ты не знаешь, как эта справедливость работает в рамках вселенной. Мы поддерживаем здесь баланс, в это суде. И да, часть этого баланса подразумевает принятие тяжёлых решений. Отчего ты думаешь, что имеешь право, на счастье, на беззаботную жизнь. Каждое чудо, каждый счастливый миг имеет свою цену. Мы размазываем горести и радости как масло на большой кусок хлеба. Всем достаётся. Кому-то меньше кому-то больше. Не потому, что мы хотим видеть страдания, нет. Мы видим страдания, потому что хотим видеть радость. Поэтому мы не отводим взгляд, поэтому сжигаем свои глаза слезами. Мне жаль, что ты этого не видишь.

Павел: Ваша честь, то, что вы сейчас сказали, одно из самых безумно идиотских вещей, которые я когда-либо слышал. За всю вашу речь, бессмысленную и не связную, вы даже близко не подошли к рациональной мысли. Все, кто сейчас в этой комнате, отупели, услышав это.

Глава 27

Живым или мертвым

Книги летали между полок. Падали и катились по полу. Закладки, оставленные забывчивыми людьми, теряли свой смысл. Они выпадали из книг, их разлучали со страницами. Свет ламп не попадался Павлу на глаза. Он сидел в темном углу библиотеки. Листал бессмысленные страницы, рвал их, выбрасывал. Плевался, кричал в пустоту. Его никто не слышал. В ночной библиотеке он совсем один.

Павел схватил бутылку виски за горлышко и допил остатки. Махнул ей о железную полку, разбивая ёмкость вдребезги. Осколки разлетались в разные стороны. Павел закрыл глаза и отвернулся, дожидаясь завершения острого дождя.

Когда всё закончилось, Павел увидел на джинсах осколок. Крупный, с острым концом. Он поднял его и всмотрелся задумавшись.

Что если...уйти на своих условиях? Судьи явно дали понять, что кто-то должен понести наказания. Антон — лучший кандидат. Но из-за Яна, его нельзя отправлять в лимб. Остаётся Павел. Он не загадывал желания. Он убил одного вампира. И из-за этого проведёт с десяток лет в лимбе? Вместо Антона? Из-за формальности? Из-за постановки слов при загадывании желания? Ему всегда везло. Этому...ублюдку.

Так может, лишит их удовольствия? Два вертикальных пореза и уход на собственных условиях? Средний палец показать всем этим судьям вшивым! Лучше, чем вернуться из лимба через десять или двадцать лет и смотреть, как жизнь обошлась без него. Как Оля вышла замуж. Как Антон стал жить с Яной и практически получил что хотел.

А что получит Павел? Где его награда? Это ведь он сдерживал Антона от более безрассудных действий.

Сдерживал ли? Или делал вид и шёл на поводу? Может, за это ему такое наказание? Лимб?

Придя сегодня на смену, Павел, первым делом, не считая открытия бутылки, начал искать информации об этом лимбе. Он знал и до этого некоторые подробности об этом месте. Лимб не является ни адом, ни раем, ни чистилищем. Там ничего нет.

Этих знаний было ему мало. Перебирая одну книгу за другой, давясь дешёвым виски, Павел злился всё больше. На себя, на Антона, на Яну, на Олю, а потом и на весь мир. Он упал на пол и сложился в комок. Приговор могут вынести уже завтра. Неужели это его последний день на земле? Кем он будет, когда выберется из лимба? Ему страшно.

Руки дрожат. Сможет он добраться до вен с такими руками? Сможет проткнуть кожу и потянуть осколок вниз, к локтю?

Павел опускает осколок к запястью. Он почти не видит вены в темноте. Чувствует холод осколочка и как капля виски упала, растеклась по руке. Может, ударить по вене? Со всей силы, чтобы кровь нельзя было остановить? Да. Так будет лучше. Один удар. Резкий, точный. Да такой, чтобы осколок застрял, а выгацишь, фонтаном хлестанёт кровь. Решено.

Павел поднимает осколок повыше, выдыхает перегаром и совершает попытку самоубийства.

Осколок впивается в запястье, а Павел кричит на всю библиотеку. Он падает на пол, ударяясь головой, и ждёт, пока вытечет кровь.

Проходит несколько минут. Павел в темноте. Он открывает глаза, осматривается. Всё та

же библиотека. Рука болит, но не так сильно, как должна при пробитии вены. Пришлось подниматься на ноги и выходить на свет.

Павел поднимает руку под лампами. Осколок в ней. Эту часть он выполнил. Разве, забыл в вену попасть. И тут промах.

Павел вынимает осколок. Кровь есть, но ничего смертельного, жить будет.

Он оборачивается и идёт обратно к своему месту, где пил и кричал.

Не доходя до него, он останавливается. Ему хочется посмотреть, как оно выглядит при свете. Тогда он хватает полку и двигает шкаф в сторону, устраняя барьер. Тьма рассеивается. Павел смотрит на осколки, на порванные книги.

«Место человека, загнанного в тупик» — думает он, — «Неужели я всегда сдаюсь? Любая трудность, любая неизвестность и я прячусь за кого-то. Сначала за Олю, когда Антон бросается в опасные авантюры. Я использовал свою девушку, как оправдание своей трусости. А потом я стал прятаться за Антона, за эту работу, когда Оля поставила мне ультиматум. Я лишь меняю вид стены. Меняю обои, каждый раз, когда боюсь принять собственное решение. А сейчас, против меня все. Все друзья. Даже высшие силы. И осталось задать себе один вопрос: „когда я возьму всё в свои руки, если завтра меня уже не будет?“»

Перед уходом, Павел зашёл в уборную, взял швабру и ведро. Аккуратно, чтобы не порезаться, он сложил осколки в ведро. Расставил обратно по полкам книги. Листы, что вырвал, положил к осколкам. Протёр пол на несколько раз и вернулся в туалет. Выжал тряпку, чтобы она не пахла на утро алкоголем. Взял мусорный пакет и вытряс в него содержимое ведра.

Подойдя к выключателю света, подумал — «Нет, свет выключать нельзя. А вот полку в обратное место вернуть обязательно».

Подбежал, подвинул. Ещё раз осмотрелся. Всё хорошо. Будто и не было следов нервного срыва.

Павел вышел из зала и закрыл дверь на ключ. Если кто и придёт, постучится, то поймёт, что закрыто и спокойно уйдёт. Не будет поднимать шумиху. Любители ночных библиотек — народ скромный.

Быстро спускаясь по лестнице, Павел почувствовал, как это приятно, брать судьбу в свои руки.

А на улице, такая хорошая погода! Он остановился, вдохнул полной грудью и ещё раз убедился, ради чего он это делает.

Сел в машину. Включил радио.

Песня хорошая играет. Джон Бон Джови.

Павел закивал головой в такт. Руки перестали трястись.

Он завёл машину и посмотрел ещё раз на улицу. Какой красивый вид. Дом, улица, фонарь.

Педаль газа зажата. Павел поёт — «Wanted, Dead or Alive», а в бардачке его ждёт пистолет.

#

Никто не хочет уходить, не оставив следов. Смотришь бывает в зеркало и вспоминаешь, о том, сколько всего ещё нужно успеть сделать. Спрашиваешь себя — «А с чего мне

начать?». Люди, находящиеся в своём мире, не могут дать ответа на этот вопрос. А с чего начинать Яне?

Казалось, всё против неё. Она лежит, на раскладном диване офисе агентства, под одним одеялом с мужчиной, что привязал её к себе желанием.

Нет, между ними ничего не было. По крайней мере — сегодня. Но что несёт им завтрашний день? «Да» — думает Яна, — «Это вопрос времени, когда он станет очередным клиентом».

Он не будет платить, она сама ляжет из-за... желанья. Не потому, что любит и хочет сама. Она никогда не любила мужчин, по-настоящему. Считать ли любовь к отцу? Уже не имеет значения. У неё забрали право любить. Остаётся служить. До конца своих дней.

— Ты не спишь? — прошептал Антон, лежавший к ней спиной.

— Как ты узнал?

Антон ничего не ответил. Он часто так делал, когда речь заходила про Анну. Но здесь-то она причём?

— Ответь, — Яна повернулась набок и уставилась в одеяло, окутавшее спину Антона.

— Она так же дышала, когда не могла уснуть, когда её мучили мысли.

— Я не перестаю удивляться, как хорошо ты её знал.

— Я тоже. Все эти маленькие детали, стали возвращаться ко мне после смерти. Я представить не мог, сколько всего я подмечал, пока мы жили с ней.

— Как это выносила Катя?

Услышав это, Антон лёг на спину и Яна смогла рассмотреть его лицо в темноте, и как двигаются губы говоря:

— С досадой. Со вздохами. Не стоило мне начинать с ней отношения. Ни с ней, ни с кем-либо ещё. Я застрял. Не могу оставить её в прошлом.

— Поэтому мы сейчас спим в одной кровати. Ты не можешь оставить её в прошлом. Теперь, из-за твоего прошлого, моим прошлым стал Йогаст. А нашим общим — Павел. Скажи мне, тебе их жалко?

«Не будь монстром. Пожалуйста. Не будь монстром. Пусть меня заточит в замке прекрасный принц, а не кровожадный дракон».

После долгих раздумий. После такой громкой тишины, во время которой Яна себя убеждала, что его молчание — это не ответ. Его молчание всегда означало жестокость ко всем, кроме Анны.

— Я всегда был... У людей, кто меня знает очень давно, как Оля и Паша, сложилось впечатление, что смерть Анны меня изменила. И да, отчасти. Но они упускают суть. Анна видела меня таким, какой я есть. Мне кажется, именно поэтому, мы смогли прожить вместе столько лет. Могли не видеться месяцами, пока она училась в другом городе. Она знала, кто я такой. Ей это нравилось. Никаких сюрпризов.

— Скажи мне, кто ты, раз я не вижу. Ты можешь сказать мне правду, поделиться самыми сокровенными мыслями, какими бы тёмными они ни были, я останусь с тобой, навсегда.

— Я не хороший человек. Никогда им не был. Я притворялся для других. У меня был смысл. Я хотел вписаться, ради неё. А когда Анны не стало... Все мои черты: холодность, враждебность, безрассудство, они приумножились. Как тараканы.

— Но зачем втягивать друзей? Людей, что переживают о тебе?

— Я испугался. Чувствовал, что мои черты выходят из-под контроля. Я хотел направить

их куда-нибудь, хотел их сдерживать. Я думал, если стану помогать людям, то научусь сострадать им. Действительно переживать, а не притворяться.

— Отсюда и «Агентство по борьбе с нечистой силой»?

— Да.

— А Паша?

— Я думал, он сможет мне сдерживать, вместо Анны. Но не учёл одного...

— Он тебя не видел.

— А как когда разглядел...

— Стало слишком поздно... Почему ты улыбаешься?

— Она делала так же. Договаривала за меня.

Яна легла на спину и придвинулась к Антону. Они почувствовали плечи друг друга.

— Обещай мне, — начала Яна, — что скажешь мне, когда у меня появится привычка, отличающая меня от Анны.

— Зачем?

— Я хочу найти частичку себя в этом безумии и вцепиться в неё, что есть мочи.

— Обещаю.

В дверь постучали.

— Ты кого-то ждёшь? — Яна села. Ей стало не по себе. Для неё, стук в ночи, всегда к беде.

Антон подумал о Семёне, но день не подходил. Да и решили они его загадку. Не должен он вернуться. Затем, подумал о Кате. И опять же, он ей всё сказал. Ничего не таил. Ворвись она сюда, ничего нового бы не узнала. Да и не такой девушкой она была, чтобы устраивать сцены. От того, он её и выбрал.

— Кто? — спросил Антон, — Мы закрыты до девяти утра, приходите тогда.

Постучали снова. Громче. Интервал между стуками уменьшился.

— Открывай, это я, — приглушённый голос Павла.

— Ты пьян? — Антон встал, но открывать не спешил.

— Как ты можешь это определить по трём словам? — протянул он.

— Я определил по тому факту, что ты стучишься посреди ночи, хотя у тебя есть ключ. Но и по голосу теперь тоже понял.

— Просто открой эту чёртову дверь, дружбан.

Ответ Антона должен был звучать так — «Ты никогда не называл меня дружбан». На «Ты» он повернул ручку. На «Никогда» — дверь открылась на половину. Яна смотрела, как проливается свет на Антона. Она начинала в него влюбляться. После слов «не называл», по всему коридору прошло эхо от двух хлопков. Соседская собака в конце коридора залаяла. Хозяин сказал ей успокоиться и положил голову обратно на подушку.

Яна закрыла уши и закрыла лицо белым одеялом. Две гильзы упали на пол.

Антон сделал два шага назад, быстро, пытаясь не терять равновесие. Он прикрывал две дырки в груди ладонью, когда потянулся назад. Приземлился на пол и расправил руки, как крылья, в разные стороны.

Яна дышала в одеяло. Её сердце билось больно. Столько адреналина в крови в последний раз у неё было, когда она сражалась с вампирами в поле.

Кто это был? Неужели Павел? Не может быть. Кто-то притворился им. Спародировал его голос. Яны повернулась к двери и вытащила пальцы из ушей. Кто бы ни стрелял, он убегает.

Яна схватила первую попавшую футболку Антона, чтобы не выбегать совсем голой, перешагнула мёртвое тело, борясь со страхом и слезами, взяла пистолет из тумбочки и побежала по коридору за убийцей. Она стреляла всего один раз. Её учил Антон.

Выбежав на лестницу, она увидела убийцу. Точнее, его макушку, он был на первом этаже. Сбегая вниз, Яна чувствовала каждую холодную ступеньку босыми ногами.

Второй этаж.

Первый.

На улице было холоднее, чем она думала. Мурашки прошли по всему телу. Она обернулась в разные стороны. Вокруг никого. Куда он делся? Машины не подъезжало, он наверняка оставил её в другом месте. Значит, переулок. Первый, самый ближний.

Яна бежала между домами, пытаюсь увидеть вдалеке тёмный силуэт. Она хотела его убить. Хотела наказать за Антона. Хоть тот и приговорил её к вечному служению.

Она пробежала двор и вышла на большую улицу, затем на дорогу. Кружилась на ней, хотела закричать.

Вдруг, она услышала звук подъезжающей машины. Вот-вот он будет на одном из перекрёстков. На правом, да, на правом. Она побежала из последних сил, не щадя ступни. Он должен поплатиться.

Свет ослепил её резко. Она пыталась укрыться от него руками. Ещё секунду и она перестала чувствовать ноги.

Откуда ж ей было знать, что тормоза так быстро не срабатывают?

Пистолет пролетел чуть дальше Яны.

Павел вышел из машины. Но нельзя было оставаться в районе так долго. Он боролся с собой. Подойти к ней или нет.

Яна смотрела на звёздное небо. «Их так мало, звёзд» — успела подумать она, — «Не то, что у меня... дома».

Машина убийцы проехала мимо.

Последняя мысль Яны была облегчающей. Она подумала, что это точно не мог быть Паша. Он бы подошёл к ней, попытался помочь.

Павел бил по рулю, отъезжая всё дальше.

Глава 28

Чайник

Пост размещен на Пикабу в четверг, в 13:56:

Как я в «Агентство по борьбе с нечистой силой» обратился:

Пост размещен пользователем Andreus45686:

Моя мама любила к гадалкам ходить. И меня тащила заодно. Просто посидеть или чай попить после сеанса. Так сказать, задобрить гадалку. Чтоб она в следующий раз получше наколдовала.

Скептики скажут — «Бред это всё, в магию не хватало ещё верить, голову чепухой забивать». А я вам скажу, что тоже так думал. И, как обычно это бывает: до поры до времени.

Сижу, значит, на задней парте, в институте, один, никого не трогаю. Пара началась минут десять назад, семинар. И тут, на всех парах, толкая дверь, испытывая петли, влетает девушка. С черными-черными волосами, пышными. Чертовски красивыми. А преподаватель ей:

— Чего забыла голубушка, десять минут, как пара идёт. Ишь какая!

Слушает стоит девушка эту бабку, но вполуха. Глаза по классу водит и вдруг, на мне останавливается. Улыбается, я аж покраснел. Давно уже так на меня не смотрели.

— Ты всё поняла, голубка? — не отставал препод.

Девчонка кивнула и сказала:

— Можно сесть?

— Садить.

И походка, какая красивая, у меня дух перехватило. Всё ближе она и ближе.

— Можно? — улыбается мне этот ангел, подойдя.

Я чудом слюной своей не подавился и смог ответить:

— Конечно.

А пахла, как чудесно! Не представляете.

Стали на каждой паре, где возможно, вместе сидеть. Она смотрела на меня иногда, когда думала, что я занят писаниной, а если голову подниму, то быстро отворачивалась и хитро улыбалась.

Ещё любил, когда она мне что-то в тетрадке или в учебнике объясняла. Двигалась ко мне поближе, да так, что духи её, меня с ума сводить начинали. Слушать, что она там объясняет, было невозможно. Тут я и понял, что влюбился по уши.

Шли месяцы, а я всё никак не мог решиться, как к вопросу подойти. Не хотелось разрушать идиллию, понимаете? Хорошо же общаемся. Страшно.

Наступила зима. Похолодало не только на улице. Ксюша, так её звали, меньше стала разговаривать. Я спрашиваю «может, случилось что?». Она улыбается фальшиво, говорит, что нет. Мне и сказать нечего в ответ. Что я, требовать буду? Навязываться? Но душа болит. Как ни крути, лежу вечерами, смотрю в потолок и думаю: «момент упущен».

Я решаю, что мне больше нечего терять. Скажу прямо, как есть, что люблю, жить без неё не могу, пусть сама думает, что делать и что сказать.

Я жду её после института, у выхода. Она проходит мимо, едва меня замечая. Я

останавливаю её рукой. Она подозрительно на меня смотрит. Будто я не друг её, а мужик какой-то левый, что пристал.

Слова мои выходят тяжело, бояться. Я нервничаю, сердце бешено колотится. Но всё говорю. Что люблю и жить не могу.

Она стоит. Молчит. Я думал, может, она размышляет чего. Стоим около минуты. Я хочу уже развести руками в стороны и сказать «и что скажешь», как она выдаёт, мне прямо в сердце:

— Ты закончил?

Хотелось произнести тираду. Да как ты смеешь?! И это всё, что ты можешь сказать?! Только сердцу не прикажешь. Я разворачиваюсь и ухожу.

Прихожу домой, открываю бутылку и начинаю заливать. Никогда такой боли не испытывал. Ждал, пока пройдёт.

Весна. Я звоню маме. А сам стою у места, где раньше гадалка сидела. Где мы все вместе пили чай и печёнки ели, да в судьбу заглядывали.

— Мам, привет, скажи, где гадалка, что с детства моего? Куда переехала?

Сажусь в автобус, еду на новое место. Почти бегу к дому, обветшавшему. Видимо, не пошёл бизнес у гадалки.

На входе собака уставшая. Лаяла, пока не погладил её.

Зашёл в дом, зову гадалку. Слышу, скрипит пол. Жду. Выходит, под стать этому дому, такая же обветшавшая старушка. Глаза чёрные-чёрные.

— С чем пришёл, сынок? — говорит тихо, хрипит.

Я краснею от стыда, но говорю.

— Приворожить надо, девушку. Можете?

Старуха улыбается. Но мне спокойнее не становится, скорей наоборот.

— Садись — говорит, — рассказывай, что за девчушка, и я решу, помогать или нет.

Сначала скромно, а затем со всеми подробностями и переживаниями, я рассказываю, что произошло.

— Не могу, бабушка, думал пройдёт, да три месяца, как прошло. Болит, как в первый день. Люблю я её. И буду хорошим мужем. Я обещаю.

Гадалка кладет руку на стол, ладонью вверх и говорит:

— Дай, палец свой.

Я протягиваю руку. Жду.

Она достаёт иголку. Я, испугавшись, хочу руку убрать, но она её уже схватила за запястье и силища непомерные. Не оттянуть назад. Я напуган. Хочу уйти, начинаю тянуться назад.

— Хочешь, её вернуть?

Я останавливаюсь, киваю.

— Тогда сиди смиренно.

Уколола гадалка иголкой палец. Притянула палец ко рту и облизнула. Я видел свою кровь на её белом языке. Что тут сказать, меня тошнило.

Сидит бабка. В сторону смотрит. И кивает изредка. И тут, наконец, отпускает мою руку и объявляет:

— Помогу. Неси волос её.

Я тянусь в карман и краснею ещё сильнее. Достаю шкатулку, открываю её и показываю гадалке волос Ксюши.

— Я предполагал, необходимость подобной вещи.

Опять старуха улыбается. Мне взгляд отвести охота, но боюсь спугнуть, как бы не передумала.

Гадалка уходит в другую комнату, очень медленно, в силу старости.

Возвращается с кружкой и горячим чайником. Что странно, и я до сих пор в этом уверен, не было у неё плиты в доме, чего уж там, электричества тоже. А вода кипячёная есть.

Налила она мне в кружку и говорит:

— Клади волосы, свои сначала, затем её.

Я слушаюсь, делаю, как говорит. Она даёт мне ложку, я ей мешаю свой напиток: кипячёную воду с волосами. И жду дальнейших указаний.

— Пей, — говорит.

Я делаю глоток. На вкус, как вода.

Я делаю второй глоток и во мне зарождаются сомнения:

— Это всё? Вода с волосами? Так просто?

Бабка щурится.

— Я помню твою мать. Хорошая женщина. В знак дружбы, тебе я помогаю. Это не вода, сынок, на вкус вода, на деле нет. Пей и не задавай глупых вопросов.

Я не тяну, не раздумываю. Выпивая, как можно быстрее, хочу уйти, избавиться от тревоги в животе.

На дне, два волоска.

Гадалка протягивает длинные сухие пальцы и забирает кружку.

— Дай свою шкатулку, — приказывает.

Я не медлю. Шкатулка катится по столу, и бабка ловит её у самого края. Хорошая реакция для таких лет.

— Если захочешь разбить приворот. Сожги эти волосы.

Гадалка кладёт их в шкатулку и закрывает её. Ставит на стол и резким движением руки толкаем в мою сторону. Я не успеваю поймать шкатулку, она падает на пол. Я нагибаюсь под стол и поднимаю её.

Говорю:

— Зачем мне хотеть разбить приворот?

Но старуха испарилась. Её не было за столом. В спальне, я проверил, тоже не было. Наверняка у неё есть подвал, куда она мигом сиганула. В общем, мне без разницы было тогда.

С ещё большим количеством скептицизма, чем когда только пришёл, я вышел из дома.

Шёл вдоль дороги и думал, какой же я идиот, пить кипячёную воду со своим волосом и волосом Ксюши.

Я вернулся домой, выпил несколько литров пива и лёг спать, надеясь забыть своё отчаянное похождение.

Посреди ночи меня будет сообщение:

«Ксюша: Я хочу поговорить».

Мои руки трясутся, я несколько раз набираю сообщение с ошибками, но в итоге выдаю:

«О чём?»

Она отвечает:

«О нас»

Я пишу:

«Сейчас, посреди ночи?»

«Извини, да, наверное, время не подходящее, давай утром, я буду тебя ждать».

Она никогда прежде не извинялась.

Я выхожу на балкон, чтобы как-то отрезветь, и звоню ей.

— Можем и сейчас поговорить, я не против.

Я слышу её голос. Она почти плачет.

— Я так плохо к тебе относилась. Ты был добр ко мне, а я этого не видела. Прости меня, правда. Я не знаю, что на меня нашло. Не знаю, кем я была.

Я молчу. Слышу своё дыхание. Никогда не замечал, что оно такое громкое. Я думаю, что сказать. Моё сердце растоплено и бороться нет смысла. Взвесив все риски, я отвечаю:

— Я люблю тебя.

Ксюша сдерживает крик и отвечает через несколько секунд:

— Я тоже тебя люблю.

Мы говорим ещё несколько часов после этого. Она рассказывает свои самые сокровенные желания и секреты. Я делюсь ими в ответ. Шкатулка с нашими волосами лежит у меня в портфеле.

Проходит год, и я хочу верить, что дело не в привороте. Иногда, мне даже удаётся себя в этом убедить. В тихие моменты. Когда мы лежим в кровати, она смотрит мне в глаза и гладит мои волосы. Когда смеётся над самой глупой моей шуткой. Когда я просыпаюсь в её объятиях. Да, тогда я верю.

Мы женимся. Берём вместе ипотеку и заезжаем в новую квартиру. Разбираем вещи, и она находит в одной из сумок шкатулку.

— Что это? — встаёт Ксюша рядом со мной.

Я выхватываю шкатулку и прячу в карман. Она не задаёт лишних вопросов. Она меня любит.

Мы пытаемся завести ребёнка. Идут годы. У нас обоих есть хорошая работа и готовность принести в мир нового человека.

Мы оба проходим обследования на фертильность. Так и узнает, что я бесплоден. Я паникую, боюсь, что она меня бросит.

Проходит ещё два года. Мы счастливы. Завели собаку. Корги по имени Фокс. Он помогает не думать о ребенке.

Ему исполняется год и моя жизнь меняется навсегда.

Он лает на меня. Злиться, обнажает зубы. Не даёт подойти к Ксюше, к моей жене. Защищает её, смотрит жалостными глазами, будто хочет помочь.

Мы запираем его в кладовке и ругаемся на всю квартиру. Я хочу избавиться от пса.

Ксюша не соглашается сквозь слёзы. Почему плачет? Знает, что пойдёт на все мои условия, лишь бы остаться со мной. Она же меня любит.

Я открываю кладовку, держа в руках поводок и клетку. Они падают на пол. Я ошарашен зрелищем. Собака нашла шкатулку и пытается её разгрызть.

Моя рука в крови, но мне удаётся заполучить шкатулку.

Я убеждаю себя, что агрессия собаки и приворот между собой не связаны.

Ксюша садится рядом и спрашивает:

— Что внутри?

Я понимаю, что нужно сделать, чтобы убедиться раз и навсегда. Открываю шкатулку и рассказываю всю правду. Про гадалку, про приворот, про волосы.

— Сожги их, и будешь свободна.

Я был готов ко всему. Крикам, слезам, к пощёчинам.

Ксюша смотрит на меня и кивает с глупой улыбкой на лице. Улыбается и кивает. Улыбается и кивает.

Я кричу, протягиваю ей шкатулку.

— Сожги волосы! Прошу тебя, сожги!

Она меня будто не слышит. Стоит, как статуя. Глаза пустые. Я падаю на колени и обнимаю её ноги. Ксюша говорит, что любит меня. А на следующий день, когда я упоминаю шкатулку, она не понимает, о чём я говорю, словно ей стёрли память. Я снова её показываю. Ксюша спрашивает:

— Что это?

И в глазах пустота.

Сложно объяснить человеку со стороны, как я мог жить, зная, что любовь моей жены основана на привороте. Мне хотелось, чтобы она меня любила просто так. За характер, за теплоту, что я ей приношу. Я себя убеждал, говорил, что она давно меня полюбила за ту ласку, что я ей дарю. За заботу. И если разбить приворот, то между нами ничего не изменится.

Я достаю из кармана зажигалку. Открываю шкатулку. А она пуста. Я бегу в зал, где вчера падал перед женой на колени и ищу волосы на ковре. Всё тщетно. Я плачу. Ксюша смотрит на меня из-за угла.

Я прихожу со шкатулкой и своей историей в «Агентство по борьбе с нечистой силой». Мне становится стыдно. Я хочу освободить жену. Хочу, чтобы она любила меня по своей воле.

В офисе агентства, на третьем этаже, сидят два мужчины. Антон и Павел. Именно они выслушали меня и не смогли скрыть отвращение.

Антон заговорил первым:

— Что если сжечь волосы с головы, по одному?

Я подумал, прежде чем ответить:

— Гадалка ясно выразилась. Волосы из кружки. Но их нет.

— А сама гадалка?

— Мертва.

— Мы можем найти другую гадалку, — сказал Павел, — найти бы настоящую, не обманщицу.

Антон повернул к нему голову.

— Может, оставить всё как есть. Пусть живёт со своей ошибкой.

— А что насчёт девушки? Она в чём виновата?

Я соглашаюсь с Павлом.

— Поздно раскаиваетесь. Сколько вы прожили вместе, восемь лет? — судит меня

Антон.

Мы ездим по всему городу. На заднем сиденье, Павел с десятками газет, ищет объявления, связанные с гадалками. Он называет адрес, Антон давит на педаль газа.

Объезжаем с десятков гадалок. Мужчин, женщин. Они все проваливают один тест.

— Как приворожить человека? — спрашиваем мы.

— Берём две лягушки...

— До свиданья.

#

— Как приворожить человека?

— Кровь девственнице разливаем по телу...

— А если девушка уже не девственница?

Мужик сложил руки на груди, задумался на секунду.

— Тогда, зачем вам она?

Мы с радостью сказали:

— Прощайте.

#

— Как приворожить человека?

— Никак.

— Вы даже придумывать ничего не стали. Похвально. Но почему?

Женщина с красным платком на голове раздражённо ответила:

— Так лучше спится по ночам.

Перед самым выходом из квартиры гадалки, Павел остановился и уточнил:

— Что если мы хотим снять такой приворот?

Гадалка посмотрела в его честные глаза и всё поняла.

— Тогда садитесь и рассказывайте.

Оказалось, у людей, что занимаются гаданием, есть некий кодекс чести. Они следуют ему беспрекословно и не обсуждают между собой. Правила довольно просты: не бери больше энной суммы, не разрушай семьи и не никогда не делай любовный приворот.

Гадалка выслушала мою историю. Я краснел так же, как когда рассказывал эту историю парням из агентства. И лицо отвращения было у неё такое же.

— Я надеюсь, она горит за это в аду. Как будешь и ты, — с этими словами она ушла в другую комнату и через минуту вернулась с чайником. Встала посреди комнаты. Упёршись свободной рукой в пояс, сказала:

— У кого-нибудь есть термос?

Ксения ждала нас у входа в агентство.

Я, Павел и Антон вышли из лифта. У меня в руках термос с кипячёной водой и моим волосом на дне.

Мы подходим и не успев ничего сказать, Ксюша говорит, что скучала по мне. Я не смотрю на парней, но чувствую их осуждающий взгляд.

Мы заходим. Садимся у стола. Я открываю термос и ставлю его на стол. Прошу у Ксюши волос. Она боится, но делает, как я говорю. Она меня любит.

Её волос падает на дно термоса. Я поднимаю его и делаю глоток, передаю своей жене, и она повторяет.

Мы выпиваем всю воду.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Антон и Павел смотрят на нас.

Глаза Ксюши, такие ласковые и глубокие, в один момент меняются.

Она смотрит на меня глазами восьмилетней давности. Я узнаю в них грубость, холод.

Ксюша поднимает свои руки и рассматривает их. Одну за другой. Поворачивает их. Вглядывается в ладони. Замечает кольцо. Гладит его. Дышит рывками. Ладонь с кольцом сжимается в кулак. Она бьёт меня по лицу. Я чувствую кольцо своей щекой. Павел хватает её за руки. Она орёт и пытается вырваться. Плачет, ноги подгибаются. Она кричит:

— Ты украл мою жизнь!

Меня попросили выйти, и я не стал сопротивляться. На улице мне стало тошно. Я запаниковал. Моя жизнь, её жизнь: руины. Мы никогда не вернёмся. Сегодня утром она принесла мне завтрак в постель и поцеловала. Её улыбка казалась такой искренней. Я не верил, что приворот ещё действует. Не верил, что последние восемь лет были ложью.

Я ходил из стороны в сторону, злился. Не может быть. Она любит меня. Я точно это знаю.

Я возвращаюсь на третий этаж. Она сидит на диване и плачет. Антон сидит рядом, утешает её. Павел кладёт пакетик персикового чая в кружку. Это моя женщина, моя жена.

— Давай поговорим, — я стою на пороге, — пожалуйста.

Антон встаёт и загораживает мне проход.

— Тебе лучше уйти, — говорит он.

— Нет, — отвечаю я, громко, — мне нужно поговорить со своей женой.

В этот момент, рядом проходит Павел, с горячим чайником.

Я выпячиваю грудь и иду напролом.

Павел смотрит на Ксюшу, на её реакцию, как она поднимает ноги с пола и вжимается в угол дивана.

Ещё мгновение и Павел бьёт меня чайником. Кипяток выплёскивается в сантиметрах от моего лица. Я падаю на пол.

Никто обо мне не беспокоится. Я лежу, и никому до меня нет дела.

Я изгибаюсь на полу так, чтобы увидеть лицо Ксюши.

— Ты была счастлива со мной, — говорю я, пытаюсь игнорировать жжение лица, — я видел это. Ты должна помнить. Наши времена. Нашу свадьбу. Медовый месяц. Наш быт. Как мы занимались любовью. Как лежали вечерами. Ты же помнишь?

Она опускает голову, задумывается.

— Я помню.

— Приворот не меняет сути. Мы подходили друг другу. Восемь лет вместе прожили, — я встаю на колени, — разве можно прожить столько лет на одном привороте?

Она обнимает свои колени. На диване, в углу, и кажется такой маленькой.

— Я была твоей служанкой. Ты хотел завтрак в постель: я тут как тут. Хотел утреннего секса, только позови. Ты выбирал позы, выбирал когда и как. Мы смотрели только твои фильмы. Общались только с твоими друзьями. Ложились спать, когда хотел ты.

— Ты была счастлива восемь лет. Большинству и такого не дано.

Она, наконец, посмотрела на меня.

— Ты ждёшь благодарности? Проваливай из моей жизни.

#

Ксюша так и не вернулась домой. Я ждал всю ночь, спал в полглаза. К утру мне стало легче. Я собрал вещи Ксюши в несколько чемоданов и сумок. Поставил у двери. Сложил её ваннские принадлежности в пакет. Казалось, будто я собираю вещи мёртвого человека. Я знал, что она уже никогда не вернётся. Мы с ней не заговорим, как раньше. Моя Ксюша умерла, прожив всего восемь лет. На её месте образовалось, что-то холодное, враждебное.

Я знаю, что должен винить себя. Но так сложилось, что я рад за прошедшие восемь лет. За то время, что нам даровано. Мы любили и были любимыми. Вернись я каким-то образом назад, сделал бы всё точно так же. Какова вероятность, что мы оба были бы счастливы с другими партнёрами? Нет, действительно, каковы шансы, что мы оба нашли бы искренне любящих нас людей?

В общем, я хотел высказаться. Сейчас живу один и бывает одиноко. А взгляд со стороны не помешает. Задумайтесь, может и вам есть что сказать? Нужна ли человеку свобода, если он счастлив и без неё?

И последнее, слышал, что Антона в его же офисе застрелили. Теперь интересно, что с агентством будет? Куда обращаться с такими вещами вроде моих?

Глава 29

Что-то кончается, что-то начинается. (Финал)

За большим, круглым столом, сидели четыре судьи. У каждого в руки по бумаге. Они читали. Каждый по-своему. Жизнь вздыхал каждые несколько секунд, удивлялся. Любовь шмыгала носом и то и дело, что стирала ладонью слезы со щёк. Ненависть незаметно улыбалась, слегка приподнимался уголок пышных губ.

Смерть никаких эмоций не показывал. Глаза опускались все ниже и ниже, пока не добрались до самого конца. Он медленно положил бумагу на стол и откинулся на спинку стула. Пальцы забарабанили по столу. Начиная с указательного и заканчивая мизинцем, затем круг повторялся.

— Не стоило мне давить так сильно, — сказал судья Смерть. Его пальцы остановились, — пугать его.

Любовь положила бумагу на стол и обратилась к смерти:

— Мы собирались его отпустить?

— Не собирались, — сказала Ненависть, — мы не могли отправить Антона в лимб, а кто-то должен был быть наказан.

— Он был напуган, — сказала Любовь, стирая слёзы, — бедный мальчик. Мы с ним это сделали. Ты... — она повернулась к смерти, смяла листок и бросила в него, — ты довёл его. Своими бессердечными глазами. И вы все знали — тыкала пальцем Любовь в остальных судей, — видели, как он запугивает, и сидели молча. Не в первый раз такое. Доводим детей до такого. Бедный Паша.

Смерть протянул руку и погладил Любовь по плечу.

— Я должен был это предусмотреть, я знаю. Но, как бы то ни было. Перед нами стоит задача посерьёзней. Нам нужно решить, что теперь с ним делать.

#

В полицейском участке, в ожидании следователя, сидела девушка. Ей пришлось отложить все дела и подготовиться к худшему. У Оли никогда не было проблем с законом. Когда ей позвонили и попросили прийти, стало не по себе. Когда она увидела Катю, выходящую из-за угла, стало очевидно: что-то случилось. Либо с Павлом, либо с Антоном.

Катя села рядом, легонько касаясь её плеча. Она была на удивление спокойна.

— Сколько таблеток ты выпила? — спросила Оля.

— Уже не считаю. Ты думаешь это конец?

— Я стараюсь не думать слишком мрачно, в последнее время, помогает расслабиться.

— Антон трубку не берёт. А Павла нету в библиотеке.

Оля закрыла глаза и попыталась отстраниться. Да, это конец.

Следователь, в длинной чёрной юбке вышел из кабинета и осмотрелся.

— Лариса Ивановна? — спросила Катя, привлекая внимание.

Следователь взглянул на девушек и сменил гримасу на более сочувственную.

— Прошу, входите, — сказал Лариса Ивановна.

Два стула уже были подготовлены для них. Там они и расположились.

Лариса Ивановна обошла стол и села на своё привычное место. Ей было тяжело начинать. В этот раз особенно.

Положив на стол фотографию, сделанную сегодня в офисе «Агентства по борьбе с нечистой силой» с почти голым мужчиной на полу и двумя дырками в груди, Лариса Ивановна с прискорбием сообщила:

— Это Антон. Сегодня утром его нашли мёртвым.

Оля сжала руку Кати. Та посмотрела на фотографию и отвела взгляд намного позже, чем остальные присутствующие.

— Кто это сделал? — Катя.

Лариса Ивановна просунула трясущуюся руку в папку и вытащила ещё одну фотографию.

— Камеры зафиксировали эту машину в двух кварталах от места происшествия.

Оля узнала машину и номер. Кто бы её руку сжал. Катя сидела неподвижно вторую минуту.

— А кто был за рулём? — спросила Оля, цепляясь за последнюю надежду.

— Думаем, что владелец. Об угоне Павел не заявлял.

Оля опустила голову и закрыла лицо ладонями.

— Это не всё, — Лариса Ивановна достала ещё одну фотографию, положила на стол и подвинула поближе к девушкам. На дороге, в позе бабочки, полуголая женщина истекла кровью от открытой травмы головы, — вы знаете эту девушку? — голос подвёл следователя.

— Это Яна, — ответила Катя.

— Фамилия? Где живёт? Родственники?

На секунду, Оле удалось замедлить биения сердца.

— На это может ответить только Павел. Он её сбил?

— Да.

— Уберите фотографии, — попросила Катя.

Лариса Ивановна послушалась, открыла папку и сложила эти тревожные изображения. А когда подняла голову, чтобы продолжить разговор, в помещении было пусто.

#

Павел услышал стук каблуков. Обернулся, но было уже поздно. Оля нанесла несколько удар ладонями по его лицу, вытянув тело, над адвокатом, что сидел рядом. Павел сначала закрыл лицо запястьем, но когда и оно заболело, пришлось встать из-за стола и двинуться к стене спиной. Он поймал ладони Оли, и ему открылось её обозлённое лицо. Павел уловил запах её дыхания.

— Ты идиот! — крикнула она несколько раз, пока не покраснело всё лицо и на шее не стало видно каждую жилку в мельчайших деталях, — Отпусти меня!

Павел послушался, потому ему и прилетело ещё несколько пощёчин. Оля сделала шаг назад. Она хотела в довесок ударить сумкой, но приберегла эта на поздний случай. Сначала хотела узнать:

— Почему? Зачем?!

Павел пожал плечами.

— Не мог смотреть, как ему всё сходит с рук, — как бы он не пытался показать

безразличие, печальные глаза его выдавали.

— А Яна? — Оля боялась ответа.

— Случайность.

Она выдохнула, но размахнулось сумкой и ударила Павла в плечо.

— Ты должен был прийти ко мне с такими мыслями, слышишь? Не бежать с пистолетом по городу!

Павел повысил голос:

— И чтобы ты сделала?! Спасла меня от лимба?! Убила бы Антона сама? Не носи чепуху! Мы оба знаем, что ему место в могиле! Ты сама сказала: нужно что-то сделать!

Оля отошла назад, не веря своим ушам.

— Я не это имела в виду. Не хладнокровное убийство.

— Нужно было выражаться яснее. А не просто требовать!

Только сейчас Павел заметил Катю, стоящую в стороне. Она выглядела, будто находится в другом месте. Или спит с открытыми глазами.

— Ты не любила его, — начал Павел, — мы оба это знаем. Он был плохим человеком. Он манипулировал тобой. А ты наивно перепутала любовь с эмоциональными качелями.

— И это веская причина для убийства? Он мог измениться, — ответила Катя тихим голосом.

— Не мог. Я и сам надеялся, верил и ждал. Стало только хуже. Его безразличие начало подвергать людей опасности. Я положил этому конец. Усыпил эту собаку.

Оля хотела его ударить ещё раз, но боялась подходит близко к этому незнакомцу.

— Он был твоим другой.

Павел не сдержался и крикнул на весь зал, тряся руками словно ребёнок:

— Пока не загадал желание! Пока не отправил меня в лимб!

Слов ни у кого не было. Все расселись по местам и стали ждать судей. Только сейчас в зале появился секретарь и сел за печатную машинку. Адвокат сидел сложа руки на груди.

Совсем скоро открылась дверь и вошли четыре судьи. Они не обращали внимание на стоящих в зале, пока не уселись. Павел почувствовал на себе глаза всех судей.

Смерть пялился дольше всех. А затем сказал:

— Какую выгоду ты в этом искал? Ты думал, убив Антона, мы тебя освободим?

Павел встал.

— Не будем тянут. Я понимал, как и сейчас понимаю, что лимба мне не избежать. Перед уходом, хотелось сделать что-то для себя. Перестать притворяться.

— И это того стоило? — спросил Жизнь.

Павел задумался. Посмотрел на каждого судью по очереди. Взвесил все за и против.

— Лучшее решение в моей жизни, — ответил он, облегчённо улыбаясь.

Ненависть улыбнулась в ответ.

— Я жалею, что убил Яну, но кажется мне, что и там сработало желание джина. Она оказалась под моими колесами не по собственной воле. Магия джина двигала ей. Я прав?

— Прав, — сухо ответил Смерть, не отводя взгляд.

Павел приподнял руки.

— Что тут можно поделывать.

— Как ты можешь не раскаиваться? — спросила Любовь, приподнимаясь со стула, — ты хладнокровно убил человека!

— Я пытался ему помочь, правда. Я был там, когда умерла его жена. Рядом с ним. День

и ночь. День и ночь, — Павел хотел достучаться до судей, хотел им всё объяснить, — Я держал его на плаву. Я открыл вместе с ним агентство. И да, мне тоже нравилось там работать. Я бросил свою невесту ради этой работы. Но ему было мало. Антон не хотел просто жить и работать. Ему нравилась опасность. Ему нравилось подвергать опасности других. Я ушёл из агентства, но его безрассудство преследовало меня. На его руках столько крови, и в конце концов, ответив за свои действия на заседании, он вышел сухим из воды. Ценой моей жизни. Зная всё это, скажите мне: как бы поступили вы?

— Точно так же, — ответила Ненависть.

Трое судей посмотрели на Любовь. Именно её молчание заставило задуматься всех остальных в зале.

— Мы хотим услышать твоё мнение, — сказал Жизнь.

Любовь опустила лицо, скрыла его за огненными волосами.

— Я не хочу отвечать, — прошептала она.

— Кто если не ты, — Смерть протянул руку, — посмотри на мою ладонь. Я стар, угрюм. Мой сухой язык не поворачиваться. Не восторгается. Для некрологов он только и годен, — Смерть отодвинул рыжие волосы с одной стороны, как занавеску, — скажи нам, что делать.

— Он должен понести наказание, — их глаза столкнулись как огонь и вода, — я здесь ни при чем. Им двигало что-то другое. Не любовь...

Судьи разговаривали, будто никого в помещении больше не было. Забыть об остальных участниках было не то что бы сложно. Секретарь суда, само собой, ни во что не вмешивался, только записывая происходящий разговор. Он был больше похож на механизм, чем на живое существо. К нему возвращаться больше не будем. Ведь кто хочет слушать мысли диктофона?

Адвокат откровенно скучал. Он прекрасно понимал, куда движется дело. Минут десять обсуждений и Павел отправится в лимб. Судьи часто так делали. Громко говорили, спорили. И всё для того, чтобы вынести самое простое решение, лежащее на поверхности.

Для Кати, весь зал суда и находящиеся в нём существа, не имели значения. Уже случилось самое страшное. Она опять осталась одна. Столько переживаний, столько нервов потрачено и всё впустую. Начинать сначала. И в этот раз надеяться, что наткнется на хорошего человека. Или жить одной. Учиться радоваться жизни, даже если внутри пустота.

Остались Павел и Оля. С первым всё понятно. В ближайшие года, он ничем заниматься не будет. В самом прямом смысле этого слова. Может и к лучшему. Дел он натворил достаточно. Сейчас он думал о своём пути. Об агентстве. Он хотел понять, стоило ли оно того? Какое наследие он оставит? Павел посмотрел на Олю. Она должна отражать его пребывание на этой земле. Он оказал на неё прямое влияние и теперь видит в ней замешательство и злобу. Не такой хотел он оставить любовь своей жизни. Он хотел ей счастья...

— Мы оба знаем куда это идёт, — сказал ей Павел. Он подождал. Оля ничего не ответила. Даже не посмотрела на него, — Надо будет что-то сказать моим родителям. Скажи, что я уехал. Скажи, что я вернусь. Когда-нибудь. Пусть ждут.

— Это же родители. Они всегда будут ждать, — сочувствие в голосе прорезало злость, — не беспокойся. Я что-нибудь придумаю.

О следующей просьбе Павел сомневался, но сделать что-то хорошее, напоследок, хотелось.

— Кузя. Он остался в офисе. Совсем один. Наверняка видел убийство. Сходи к нему, пожалуйста, помоги, чем сможешь.

Оля взяла Павла за руку и крепко сжала.

— Идиот.

— Я знаю.

Когда судьи огласили решение, никто не удивился. Десять лет в лимбе. Приговор вступает в силу немедленно и не подлежит обжалованию. Если кто хотел попроситься, то момент настал. Остальные могут покинуть зал и вернуться к своей рутине.

Оля придвинулась к Павлу, они сидели напротив, оставшись наедине.

— Десять лет в лимбе. И глазом моргнуть не успею, — сказал Павел.

— Я успею. Не раз.

— Ты будешь в порядке. Ты сильная. Мы оба это знаем.

Оля вздохнула и обхватила голову.

— Надо было тебе это? Агентство, пауки, джины, вампиры? Ты стал убийцей.

Павел протянул руки и положил Оле на спину. Придвинулся поближе и почувствовал её духи. Положил подбородок ей на макушку.

— Всё в порядке. Я не хочу думать о прошлом. Я хочу побыть с тобой.

Да... Она может дать ему это. Готова ради него на всё. Жаль, он так мало просит.

#

Повернув дважды ключ, она опустила ручку и толкнула дверь. Скрип прошёлся по всей комнате, до окна, за которым тучи накрывали город. Будет дождь.

Оля зашла в офис агентства и закрыл за собой дверь. Бросила сумку на диван. Прошла к столу. Её тонкие пальцы погладили лакированную древесину, собрав пыль. Оля улыбнулась, «они никогда не убирались».

Сбоку на тумбочке, недопитая пачка персикового чая. На самом столе куч бумаг с хаотичными записями. Номера телефонов, фамилии. «Позвонить послезавтра» — написано на одной из них. Когда эта запись была сделана? Есть только один способ узнать.

— *Алло?* — ответил женский молодой голос.

— Здравствуйте, звоню из «Агентства по борьбе с нечистой силой», тут на стикере написано позвонить послезавтра, а даты не стоит. Ещё актуально?

— *Да. Жду вас уже неделю. Домой не иду из-за привидения.*

— У меня для вас плохие новости. Агентство закрылось.

— *Как?! Что случилось?*

— Семейные обстоятельства.

— *И что мне теперь делать? Кого вызывать, как домой идти?* — девушка начала плакать, — *Мне за эту квартиру ещё двадцать лет платить.*

— Извините, я не могу помочь.

— *Но вы же из агентства тоже? Зачем звоните?*

— Мой муж был в агентстве, — ей захотелось это сказать, представить.

— *Может у них какие записи есть? Как призраков изгонять?*

Может.

— Сейчас пороюсь, перезвоню, — сказала Оля и взялась копаться в бумагах.

Обшарила весь стол, тумбочки. Искала журналы, и всё зазря, затем опустилась под стол,

посмотреть, что на полу. Там были разбросаны несколько листков.

— Что ты ищешь? — спросил Кузя.

От неожиданности Оля подпрыгнула и ударилась головой об стол.

— Извини, — сказал Кузя, поймавший взгляд Оли.

— Ищу пособие для чайников, как изгонять призраков.

— Антон же в судебном заседании это рассказывал.

— Он был скуп на детали, — Оля встала с колен и отряхнула брюки.

— И я так понимаю, Павел тоже не вернётся. Сколько ему дали?

— Десять лет.

— Чёртов идиот, — сказал домовый с грустью.

— Я знаю.

— Ладно, садись, пиши. Я с пацанами уже очень долгое время. Запомнил всё. Как призраков изгонять и домовых.

Оля загордилась Кузей, послушалась его и села за стол, взяв ручку с блокнотом.

Записывая под диктовку, ей было сложно не думать о тех днях, когда за этим столом сидели два парня. В свои первые дни в офисе, они так же, как она сейчас, пробирались сквозь темноту. Шли к чему-то светлому. Огоньку в конце длинного пути. Пробирались через лес. Было ли понимание в глубине их души, там глубоко, что слишком много багажа они с собой взяли? Дорога стала в тягость. Путь темнее. Надежда угасала.

Могла ли Оля как-то помочь? Что она проглядела? Каких слов не сказала? Тот путь, что она выбрала, неужели того стоил? Вопросов множество, ответы вряд ли проявят себя.

Оля перелистнула страницу. Опустила кончик ручки на строку, но не продолжила запись.

— Кузя... — она подняла к нему голову.

— Что? — ответил он, болтая ножками.

— Ты наблюдал за ними столько времени. Скажи мне, дело было в них? Или в работе?

Что случилось?

Кузя отвёл взгляд к окну. Капал мелкий дождь. По стеклу катились тонкие струйки.

— Я читал как-то, о человеке... фамилию не вспомню уже. Так он вот что писал: «когда идёшь по пути предназначенному, со страстью и желанием, восходящими из твоей души, ты бессилён в попытках скрыть её от остальных».

— Хочешь сказать, все их болячки вскрылись?

— Честно? Я понимаю Антона больше. Он заиклился на смерти Анна. Это его и погубило. Думая, что создание этого агентства ему поможет, он закопал себя ещё глубже. Нельзя сбегать от травмы. Пытаться забить чем-то пустоту. Нужно научиться с ней жить.

— Паша всю жизнь притворялся кем-то другим. Шёл на поводу, пытался всем понравиться. Чёрт... Он так долго скрывался под маской, что когда снял её... опьянел.

Оля посмотрела на блокнот, на свою руку, которой записывает пошаговую инструкцию по изгнанию призраков.

— Могу ли я... показать свою душу?

— Вопрос в том, винишь ли ты себя в произошедшем?

Оля положила ручку и откинулась на спинку стула. Сложила руки на груди. Она думала. Долго. Иногда поджимала губы, иногда бегала глазами. Наконец, ответила на выдохе:

— Я не знаю. Столько наговорила Павлу. Я думала, что таким образом защищаю себя и его. Открываю ему глаза на вещи. А он брал мои слова и... превращал во что-то иное. Мне

нужно было быть осторожнее. Теперь я это вижу.

Кузя задумчиво кивнул, несколько раз.

— Первый шаг сделан.

Оля посмотрела на записку «Позвонить послезавтра».

— Это того стоит? Сражаться со своими демонами?

— Легче, чем платить ипотеку за квартиру, в которую боишься вступить ногой.

— Как ты услышал, что мне сказал клиент?

— Я домовый. У нас с людьми много отличий. Слух — один из них. Тебе ещё многое предстоит о нас узнать. Бери ручку. Заболтала меня совсем, отлыниваешь тут.

Оля широко улыбнулась, опуская голову. Да, она может себе это позволить — улыбнуться. Впереди долгая, тёмная дорога. Она не позволит ей поглотить себя. Если она собирается сохранить все труды, что в офисе оставлены. Если она хочет их приумножить.

Они страдали не зря. Они умерли не зря. И однажды он вернётся.

Больше книг на сайте - Knigoed.net